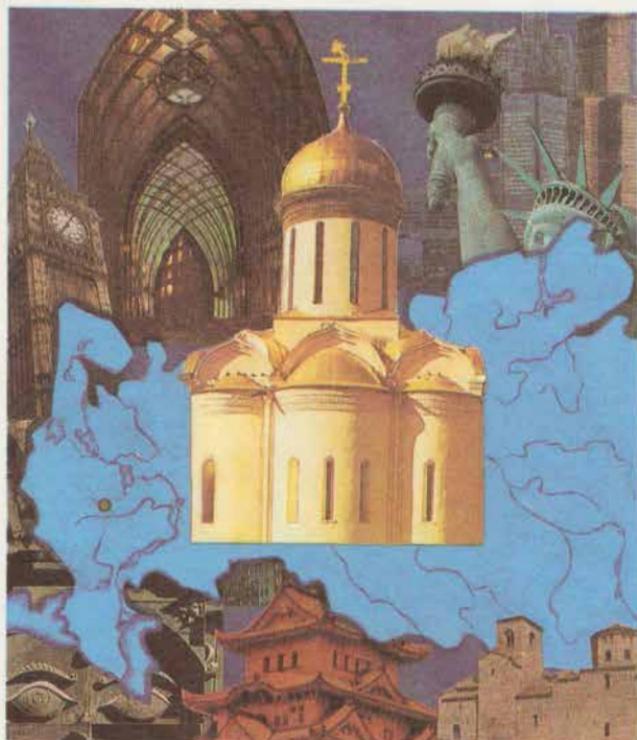

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИИ

В.Г. Хорос

**РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНОМ
ОСВЕЩЕНИИ**

В.Г. Хорос

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Пособие для учащихся
старших классов
с углубленным изучением истории,
гимназий и лицеев

Москва

Издательство «Центр гуманитарного образования»

1996

ББК 63.3(2)я72
Х81

Хорос В.Г.

Х 81 Русская история в сравнительном освещении: Пособие для учащихся старших классов с углубленным изучением истории, гимназий и лицеев. — М.: ЦГО, 1996. — 171 с. — (Гуманитарное образование в России).

ISBN 5–7662–0026–9

В пособии история России рассматривается в контексте общемирового процесса модернизации — перехода от доиндустриальных обществ к современным, который проходил в разных странах и регионах, но в разное время неодинаковыми темпами. Это дало возможность автору охарактеризовать отечественную историю в сравнении с другими народами и цивилизациями.

ББК 63.3(2)я72

ISBN 5–7662–0026–9

© В.Г. Хорос, 1996

© Издательство «Центр гуманитарного образования», 1996

Дорогие читатели!

Перед вами книга – редкая по своей судьбе. Она победила в российском конкурсе по программе “Обновление гуманитарного образования в России”. Затем эту книгу апробировали тысячи учителей и учеников в восьми регионах России, от Санкт-Петербурга до Красноярска. По их оценке такая книга была бы очень полезна в нашей школе. На основе их рекомендаций и рекомендаций специалистов книга была доработана и предоставлена вашему вниманию. Мы надеемся, что эта книга получит такой же положительный отклик и у Вас.

Вместе с тем, Центр гуманитарного образования готов к сотрудничеству со всеми, кто заинтересован в дальнейшей работе над этой и другими книгами. Мы готовы рассмотреть Ваши предложения о публикации новых книг, предназначенных для обновления образования в России.

109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 9а

911–9991, 911–2793, 912–4348

912–5491

E-mail: PostMan@CGO.ecosrv.msk.su

§1. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕМИРОВОЙ ПРОЦЕСС

Два измерения национальной истории

Историю какой-либо страны или народа можно изучать двояко: как процессы, свойственные именно данному обществу, и в мировом контексте, на фоне других обществ

и регионов. Всякая национальная история индивидуальна и неповторима. Она обладает определенными внутренними закономерностями, которые проистекают из своеобразия природных условий, того или иного стечения обстоятельств (особенно на начальном этапе, во многом определяющем последующее развитие), из сложившихся культурных традиций. Но ни один народ не существует изолированно. Он соседствует с другими народами, испытывает на себе различные внешние влияния, взаимодействует с мировым сообществом. Наконец, природа человека едина, и отсюда — общие черты в истории разных народов, возможность сравнения характеров и результатов их эволюции. Поэтому в освещении национальной истории равно необходимы оба подхода — внутренний и внешний. Они по сути дополняют друг друга, ибо особенное можно выявить лишь на фоне общего, и наоборот, общее познается при сопоставлении конкретных случаев.

Правда, специалисты по истории своих стран в большинстве тяготеют к внутреннему подходу. Это относится и к исторической литературе в России, которая существует как минимум уже три столетия. Многие российские историки, в том числе такие, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, создавали свои труды, исходя из «особости» России. Это выразил поэт Федор Тютчев:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать.
В Россию можно только верить.

Были, конечно, исключения — например, многотомный труд Н. А. Рожкова, где систематически проводилось сравнение россий-

ской истории с западноевропейской. Однако этот анализ получился не слишком удачным, поскольку критерии сравнения оказались узкоэкономическими.

В советский период, когда в обществе и в науке господствовала интернациональная по духу доктрина марксизма, положение, казалось, должно было измениться. Но теория общественно-экономических формаций слишком схематизировала мировую историю, что затрудняло также выявление подлинной специфики национальной истории. Кроме того, марксистский исторический материализм предписывал жестко противопоставлять социализм как «высшую стадию» предшествующей истории, в том числе собственной, отечественной. Все это искажало реальную историческую перспективу.

Сегодня в истории России дополнение внутреннего подхода общемировым важно не только в научном, академическом плане. Русскому человеку важно осознать, что Россия — вовсе не изгой в мировом сообществе, что другие народы в свое время преодолевали примерно те же трудности развития. Подключение России к магистральному пути общечеловеческого прогресса отнюдь не заказано. Соответственно и опыт России, соединяющей в себе различные элементы Запада и Востока, имеет всемирное значение.

Что касается того мирового фона, на котором должна «смотреться» российская история, то нам представляется, что это может быть процесс, который обозначается понятием *модернизации*. Теория модернизации известна в международной научной литературе (преимущественно американской) с 50–60-х годов нашего века (С. Липсет, Э. Шилз, Д. Эптер, Ш. Эйзенштадт и др.): В последующие десятилетия ее концепции не раз видоизменялись и уточнялись. Но многие положения теории модернизации прочно вошли в мировое обществоведение, в том числе в историческую науку.

Понятие модернизации — это широкое понятие слова *модернизация* — это переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это длительный исторический период — примерно с XVI в. по настоящее время, причем во многих странах он еще не завершен. По своему значению для истории человечества модернизационный сдвиг сопоставим с эпохой неолитических революций, сменой собирательства и пастушества земледелием.

Традиционное общество в древности и средневековье было основано на простом воспроизводстве, ремесленных технологиях, общинно-корпоративистских ценностях, почтении к авторитету и воз-

расту, ориентации на прошлое и его повторение. Оно являло собой как бы «самоподдерживающуюся неизменность». Конечно, и в нем имели место изменения, но они происходили по большей части спонтанно, не вытекая из сознательных целей людей. Современное индустриальное общество, наоборот, можно определить как «самоподдерживающуюся изменяемость». Человек в нем не только готов воспринимать постоянные сдвиги в технологии, стандартах потребления, правовых нормах и ценностных ориентациях, но способен инициировать их. Возникает качественно иной тип общества, хотя вместе с тем он несет с собой и новые проблемы.

Модернизация — это комплексный процесс. Она захватывает все сферы общества — экономику, социальную жизнь, политику, право, культуру. Изменения в этих областях тесно связаны между собой и «взаимно подталкивают» друг друга. Например, быстрый экономический рост, технический прогресс предполагают соответствующее изменение культурных установок, реформы политических структур, законодательства. И наоборот, если, скажем, хозяйственные сдвиги не сопровождаются политической демократизацией, а введение новых законов противоречит сложившимся представлениям в обществе, то развитие наталкивается на препятствия, модернизация оказывается лишь частичной, неполной.

Как проявляется модернизация в различных областях общественной жизни? В экономике она означает существенное повышение производительности труда в сельском хозяйстве, индустриализацию, развитие транспорта и коммуникаций, создание национального воспроизводственного хозяйственного комплекса, расширяющееся участие в мировом хозяйстве. Развитие осуществляется через реализацию принципов и структур рыночной экономики, а также научно-технический прогресс, нарастающее приращение достижений науки к практике в форме технологии.

В социальной сфере модернизация несет с собой беспрецедентный по сравнению с обществами традиционного типа рост социальной мобильности, дифференциацию социальных групп, в том числе на профессиональной основе. Рост городов приводит к значительному сокращению доли крестьянства и сельского населения, появлению буржуазии, промышленного пролетариата, средних слоев. При этом постепенно обозначается тенденция к сравнительному сближению доходов различных групп (при росте их потребления), что в системе рыночного хозяйства становится ведущим стимулом прогресса производства. Этому помогает также развертывание системы массового образования, медицинского обслуживания и социального обеспечения.

Политическая модернизация состоит, во-первых, в значительном расширении функций государства. Если в традиционном обществе последнее ведало в основном военным делом, поддержанием порядка, организацией общественных работ и сбором налогов, то в модернизирующемся обществе государство осуществляет также экономическую политику, перераспределяет ресурсы на цели развития, создает сеть различных социальных и информационных служб.

Во-вторых, политическая модернизация означает глубокое реформирование прежних властных структур — насильственным или мирным путем. Политические лидеры начинают признаваться таковыми не на основе их наследственного иерархического положения, а оцениваются по их собственным заслугам — реальным или приписываемым. Происходит разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, относительно автономные по отношению друг к другу. Рационально разграничиваются функции центральной и местной власти, последняя наделяется правами самоуправления. Короче, постепенно складывается демократическая система управления, хотя для многих стран путь к ней был далеко не прямым и пролегал через различные формы политического авторитаризма.

Политическая демократия — это не просто определенная субординация властных структур, система сдержек и противовесов, многопартийность, рационализация бюрократических институтов и соответствующие правила политического поведения. Это еще — специфический «общественный договор» между государством и народом. Принимается законодательство, которое не только закрепляет демократические процедуры публичной власти, но и гарантирует права человека, собственность, предпринимательскую деятельность и т. д. против любого государства, даже самого демократического. Как необходимая предпосылка для этого складывается гражданское общество — широкий комплекс самостоятельных объединений граждан, через которые массы населения выражают свои интересы, формируют общественное мнение, влияют на политические структуры, защищают свои права.

В сфере культуры модернизация приводит к значительной трансформации традиционных ценностей. Возникают новые потребности — материальные и духовные. Внутри традиционных общин или корпораций «прорастает» личность, которая все более автономизируется. В своем поведении человек начинает ориентироваться на собственные личные достижения, хочет самостоятельности, материального достатка и независимости. В обществе происходит секуляризация, отделение церкви от государства. Религия перестает быть

единственным мировоззренческим ориентиром, возрастает роль научного понимания окружающей действительности.

Модернизированное или близкое к таковому общество достигает жизненных стандартов совершенно иного уровня по сравнению с традиционным. На душу населения в нем производится в десятки раз больше. Доля индустриального сектора в народном хозяйстве достигает 70% и более против 5–8% в традиционном обществе, налоги формируют от четверти до половины валового национального продукта (5%); на инвестиции расходуется от 1/6 до 1/4 валового национального продукта (1–2%). Разница в доходах высших и низших групп не превышает 5–6:1, в то время как в традиционных обществах она составляет 15–20:1. Продолжительность жизни достигает 70–75 лет (против 25–50). Аналогичны другие показатели — охват населения средним (80–100%) и высшим (более 30%) образованием, медицинским обслуживанием, средствами массовой коммуникации и т. п., которые несоизмеримы с соответствующими показателями доиндустриальных обществ. Это сопоставление относится к периоду 50–60-х годов нашего века. С тех пор нормы жизни развитых стран возросли.

Во многом процесс мировой модернизации соответствует тому типу исторической эволюции, которую принято обозначать как становление капитализма, буржуазной формации, причем в ее западных формах. Но все же эти два понятия — модернизация и капитализм — совпадают не полностью. Модернизация в незападных странах и регионах (например в Японии) привела к такому типу общества, который по многим чертам отличается от западного. Кроме того, в ряде стран пытались осуществить модернизацию на путях социализма. И хотя эта попытка привела к противоречивым результатам и кризисным явлениям, все же нет оснований не рассматривать социализм как альтернативный вариант модернизации.

Процесс модернизации проходит различные фазы. Обычно различают такие стадии, как осознание цели, консолидация модернизаторски настроенной элиты, период трансформации и, наконец, интеграция общества на новой основе (С. Блэк). Иногда это разграничение проще: период ограниченной модернизации и затем ее распространение на все общество (Ш. Эйзенштадт). Выделяют также раннеиндустриальную, позднеиндустриальную и, наконец, постиндустриальную фазы. Правда, последняя фактически выходит за рамки модернизации, поскольку в постиндустриальном обществе начинают формироваться качественно новые черты: информационная революция, индивидуализация потребления, приоритет духовных стимулов над материальными, рост

творческих функций в сфере труда. Нынешние развитые страны находятся в начале этой фазы.

Эшелоны модернизации

Модернизация проходила неравномерно как в мировом пространстве, так и в историческом времени. Инициатором, первым эшелоном ее стал регион Запада. Внутри него,

конечно, можно выделить разновидности, отражающие особенности конкретной страны или группы стран, а также отличающиеся сроками развертывания модернизации (Англия, континентальная Западная Европа, США, переселенческие колонии типа Австралии или Канады). Но все они были связаны геополитическим и историко-культурным единством, что привело примерно к одному и тому же типу индустриального общества.

Что отличает первый эшелон модернизации? Прежде всего — длительное, постепенное становление новых общественных институтов, элементов буржуазной формации. Первичные формы капиталистического предприятия (мануфактуры, раздача сырья на дом) появляются уже в XIV–XV вв. В XV в. возникают первые торговые биржи (Венеция, Флоренция). В начале XVII в. возникают акционерные компании (Англия, Нидерланды). Короче, зарождается, «опробывается» и прогрессирует механизм капиталистического производства и обмена. Сначала возникают его отдельные звенья, затем между ними происходят контакты, «замыкания», что приводит в движение всю цепь хозяйственной жизни. При этом в большинстве европейских стран — Голландии, Англии, позднее в Германии и др. — аграрная революция предшествует промышленной. Такая последовательность оптимальна, поскольку сельскохозяйственный прогресс обеспечивает необходимую сырьевую базу и приток рабочей силы для индустриализирующегося города.

Аналогичным образом накапливались социальные факторы буржуазного развития — классовое и профессиональное расслоение в обществе, сближение торгового и промышленного предпринимательства, рост третьего сословия. В период революции XVII в. в Англии палата общин по сумме ее доходов была в три раза богаче палаты лордов. Во Франции третье сословие стало огромной силой задолго до революции 1789 г. — это его кредиторы держали в тисках долгов придворных и самого короля, поставляли в правящие структуры большинство администраторов, а умами управляли сын нотариуса Вольтер, сыновья часовщиков Руссо и Бомарше, приемный сын стекольщика д'Аламбер. Одновременно росло число лиц наемного труда. В Англии еще за век до промышленной революции рабочие и батраки составляли более пятой части населения.

Ту же постепенность мы наблюдаем в накоплении политических предпосылок буржуазного развития. Без малого пять столетий, начиная с Великой хартии вольностей 1215 г., идет в Англии борьба представительных учреждений с королевской властью. От формулирования основных принципов буржуазной демократии (конец XVII в.) до введения всеобщего избирательного права, становления основных политических партий, свободы печати в Англии прошло полтора-два века.

Чрезвычайно долго, начиная еще с глубокого средневековья, создавались идейно-культурные предпосылки модернизации в европейских обществах. Уже в XVI в. во Франции во многих городах и даже деревнях были достаточно распространены школы, где дети, причем из бедных семей зачастую бесплатно, учились чтению, письму, счету и началам латинской грамматики. В Англии XVI в. историки фиксируют от 300 до 400 средних школ. В начале XVIII в. в Пруссии издается указ об обязательном начальном образовании. С XII по XV в. в Европе возникли десятки университетов, обладавших правами самоуправления и немалым влиянием.

С точки зрения культурных предпосылок модернизации огромное значение имели два процесса. Возрождение приспособило наследие античности к потребностям новой эпохи, выдвинуло идеалы гуманизма и человеческого достоинства. Реформация обосновала принцип автономии личности религиозными аргументами, причем, в отличие от элитарной культуры Возрождения, овладела массовым сознанием. Реформация отстаивала прежде всего религиозную эмансипацию человека (индивид в своем общении с Богом не нуждается в посредничестве папской церкви, учили протестантские лидеры), но затем эта тенденция логически была распространена на другие сферы человеческой жизни — политику, право, хозяйство. Не случайно протестанты возглавили первые буржуазные революции в Европе (в Голландии и Англии), а протестантские общины с их началами выборности и самоуправления во многом способствовали укреплению институтов буржуазной демократии. Не менее значительным был вклад Реформации в дело образования. Лютер не только перевел Библию на немецкий язык, но и стал автором первой национальной азбуки, организатором народных библиотек. Затем по инициативе протестантов в Европе стали возникать гимназии.

Как доказал выдающийся социолог М. Вебер, «протестантская этика» стимулировала буржуазное предпринимательство. Дело было не только в религиозном поощрении мирской активности и приобретения. Протестантизм помог европейскому обществу преодолеть трудный рубеж, когда возникшие было зачатки раннего бюр-

герского капитализма (в северной Италии и Германии XV–XVI вв.) были поглощены феодальной системой, приобрели черты паразитического стяжательства (ростовщичество, феодальные банки, грабеж конквистадоров и пр.). В противовес этому Лютер и другие деятели Реформации настаивают на том, что накопление и предпринимательство должны опираться на совесть, умеренность и прилежание. Позднее, развивая эту тему, идеологи подымающегося капитализма Д. Дефо, В. Франклин и другие стали призывать добывать деньги «честным путем». И эта пропаганда была услышана. Спустя век Давид Рикардо формулирует свой тезис, ставший классическим постулатом буржуазной политической экономии: «во всех делах люди всегда руководствуются собственными интересами». Этот тезис отражал реальный процесс формирования так называемого экономического человека — рациональной, трудолюбивой, предприимчивой и дисциплинированной личности, умеющей и осознающей, и отстаивать свои интересы.

Мы видим, что модернизация, становление буржуазных отношений в Европейском регионе характеризуется более или менее одновременным вызреванием всего комплекса формационных предпосылок. Этот процесс облегчался географическим, экономическим и культурным единством европейских стран и народов. История Запада полна примеров взаимного влияния европейских обществ друг на друга в области хозяйства, политики, идей. Так, в XVI–XVII вв. из Голландии в Англию шла эмиграция ремесленников и купцов; идеи Французской революции расходились по всей Европе и т. д.

Европейская модернизация протекала более или менее органично. Новые общественные институты и идеи обладали преемственностью, выростали из традиционных отношений. Этому способствовали особенности традиционного (феодального) общества в Европе: сравнительная мягкость феодальных пут, раннее разложение феодального землевладения и переход к денежной форме ренты, развитие частной собственности. Можно указать и на корпоративно-дробный характер социальных и политических структур феодального общества в Европе, приведший к соперничеству интересов различных групп (королевской власти, церкви, феодалов, бюргеров, крестьян, городского плебса), что способствовало в последующем утверждению буржуазно-демократического плюрализма. Точно так же из средневекового суда, в котором приговор подсудимому выносился пэрами, т. е. людьми, равными по своему общественному положению, вырос суд присяжных.

То же самое относится к идейно-культурному традиционному наследию. Можно указать на принципы римского права, идею лич-

ности, заложенную в христианской религии и поднятую на щит протестантизмом, традиции городской демократии, уходящие корнями еще во времена античного полиса, рационалистические тенденции средневековой схоластики, проложившие дорогу логике и научному знанию, и многое подобное.

Это, разумеется, не означает, что буржуазная модернизация в Европе шла плавно и бескризисно. Напротив, она двигалась скорее методом проб и ошибок — через многочисленные осложнения, революционные взрывы и крайности, экономические замедления, разрушительные войны, периодические наступления реакции, уничтожавшие плоды предшествующих усилий. Но здесь-то и помогли:

длительность, постепенность процесса, которому было «отпущено» с избытком исторического времени;

его органичность, в силу чего факторы, порождавшие буржуазную эволюцию, воспроизводились снова и снова;

социокультурное единство и взаимосвязанность европейских обществ.

Помимо этого можно указать на такой мощный импульс первоначального накопления капитала в Европе, как колониальные захваты. Однако при всей его значимости этот фактор все же был дополнительным. Накопление капиталов происходило не только вовне, но и внутри — из прибылей межевропейской торговли, ростовщичества, аккумуляции земельной ренты и развития мануфактур. Имело значение не только само по себе богатство, добытое в колониях, а его капиталистическая утилизация, что стало возможным лишь при сравнительно развитых буржуазных формах производства и обмена. В противном случае награбленные сокровища лишь увеличивали потребление феодальной знати (Испания).

Таков вкратце характер модернизационного процесса в первом эшелоне. В остальных странах и регионах модернизация проходила с запозданием и обладала существенными особенностями по сравнению с первым эшелонem. Дело не только в сдвинутых на столетия сроках развертывания модернизации, но и в меньшей степени ее органичности. Импульс развития в значительной мере исходил извне — от мирового «центра», ушедшего вперед Запада, который был не только примером, но и угрозой для отставших стран. Правда, общество, где совершалась запоздалая модернизация, могло использовать уже имеющиеся, готовые достижения более развитых стран. Но проблема заключалась в том, чтобы приспособить местные традиционные структуры и ценности к овладению этими достижениями — причем в короткий исторический отрезок времени, занимающий, по сравнению с веками

европейской эволюции, жизнь всего трех-четырех, а иногда даже одного-двух поколений.

Среди обществ запоздалой модернизации можно выделить второй эшелон — крупные страны, осуществлявшие модернизацию и капиталистическое развитие на независимой национальной основе (Россия, Япония, Турция, некоторые восточноевропейские государства). Это — «полупериферия», если использовать термин миросистемной теории И. Валлерстайна. Ее модернизационный старт начинается на более позднем историческом рубеже — примерно от начала XVIII до середины XIX в.

Второй эшелон имеет немало отличий от первого. Мануфактурный период значительно сокращен, индустриальный рывок практически начинается сразу с фабрики, с машинного производства. Такие источники первоначального накопления, как внешняя торговля и эксплуатация колоний, ограничены. Более того, первый эшелон затрудняет проникновение второго на внешние рынки. Приходится изыскивать другие источники накопления (например такие, как усиленное налоговое обложение), а также внешние и внутренние займы, что приводит к ужесточению эксплуатации трудящегося населения.

В странах второго эшелона, конечно, складывались самостоятельные внутренние предпосылки модернизации — такие, как рост товарно-денежных отношений, развитие купеческого капитала и другие. Но, во-первых, эти предпосылки были выражены гораздо слабее, чем в первом эшелоне, — особенно политические, правовые и культурные. Во-вторых, ликвидировать отсталость приходилось за значительно более короткий отрезок времени. Буржуазная модернизация второго эшелона диктовалась прежде всего необходимостью противостоять растущей экспансии Запада. Игнали также роль политические амбиции, стремление правящих слоев государств второго эшелона достичь потребительских стандартов развитых стран. Отсюда форсированный характер модернизации, что создавало различные диспропорции в экономическом и общественном развитии: отставание аграрной сферы от индустриальной, расслоение в доходах, различные противоречия и конфликты в обществе.

Еще одна особенность процесса модернизации во втором эшелоне — повышенная роль государства. Стадия классической свободной конкуренции здесь как бы пропускалась, ее место занимал своеобразный «государственный капитализм», активное насаждение «сверху» крупной промышленности, банковских учреждений, строительство железных дорог. Однако при этом роль государства оказывалась двойственной. Давая толчок освоению техни-

ко-организационных форм более развитых стран, оно одновременно нередко консервировало традиционные политические институты, тормозило процесс демократизации и становления гражданского общества.

Поэтому в странах второго эшелона политическая модернизация зависела от двух факторов. Во-первых, от эффективной экономической и социальной политики верхов, от их умения в той или иной мере амортизировать социальные конфликты и уступать требованиям времени. Во-вторых, от революционного движения снизу, которое было направлено на модернизацию политических институтов.

Наконец, большое значение имела способность национальной традиционной культуры приспособиться в весьма короткий срок к процессу изменений. Речь идет не только об усвоении новых ценностей и переосмыслении прежних (например религиозных), что осуществляет прежде всего образованная элита, но и о социально-психологической перестройке массового сознания. Здесь решающую роль приобретал уровень традиционной культуры, степень ее зрелости — в первую очередь сплоченность общества вокруг общенациональных символов. Немалое значение имела также связь между культурной элитой и остальным населением.

Как бы то ни было, модернизация в странах второго эшелона проходила трудно и противоречиво, в условиях больших социальных антагонизмов, нежели в странах «центра». Этим во многом объясняется то обстоятельство, что именно во втором эшелоне впервые в истории наряду с буржуазным типом модернизации возник альтернативный, социалистический путь (Россия).

Наконец третий эшелон модернизации — развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, где начало процесса перехода от традиционного общества к современному еще более сдвинуто во времени — примерно от середины XIX до середины XX в. Страны третьего эшелона относятся к мировой «периферии», которая изначально интегрировалась в общемировой процесс модернизации через систему колониализма и зависимости в качестве сырьевого придатка к «центру». Разделяя со вторым эшелонем ряд черт запоздалого развития, страны третьего мира обладают вместе с тем большой спецификой.

Важной особенностью является то обстоятельство, что модернизация здесь осуществляется в эпоху обнаружения и быстрого обострения глобальных проблем. Демографический, экологический и продовольственный кризисы становятся для молодых государств объективными ограничителями развития.

Во-вторых, страны «центра» уже входят в постиндустриальную фазу, что увеличивает разрыв в развитии между ними и периферийными странами, усложняет задачи модернизации в отставших обществах. Правда, как показывает пример некоторых стран Восточной Азии, эти задачи все же не являются невыполнимыми.

Кроме того, в третьем эшелоне поиск альтернативных, социалистических путей модернизации становится более распространенным (Китай, Куба, Вьетнам и др.), отчасти под влиянием социалистической модели в бывшем СССР. Однако кризис советской системы приводит к аналогичным кризисным явлениям в социалистических режимах третьего мира.

В третьем эшелоне процесс модернизации привел к различным результатам. Так называемые новые индустриальные страны (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, а вслед за ними Индонезия, Таиланд, Малайзия и др.) вырвались или вырываются из «периферии» в «полупериферию», а некоторые из них по отдельным показателям даже приближаются к «центру». Другая группа стран по-прежнему принадлежит к третьему миру с характерными структурными дисбалансами в экономике и социальными контрастами (Индия, ряд арабских и латиноамериканских стран). Наконец существует несколько десятков так называемых наименее развитых стран (преимущественно африканских), которые находятся в состоянии стагнации и даже деградации. Применительно к ним трудно говорить о каких-либо заметных достижениях модернизации.

Ловушки модернизации. Модернизация и прогресс

История показывает, особенно на примере стран запоздалого развития, что модернизация — это движение вперед, которое может стимулировать острые общественные противоречия, напряжения и конфликты. На пути модернизации встают различные опасности и ловушки. Они, как правило, выражаются в расколе общества между модернизаторски настроенными и традиционалистски ориентированными слоями населения, а также принимают различные формы в тех или иных областях общественной жизни. Например, в экономике сектор развитого современного производства может оказаться оторванным от остальных сфер народного хозяйства. В социальном плане нередко серьезными препятствиями оказываются значительные различия в доходах. Наблюдаются диспропорции в развитии города и деревни. В политике крайностями являются как технократизм, игнорирующий социальные нужды людей, так и популизм, приносящий в жертву социальной демагогии эффективность экономического развития. В культурной сфере опасность заключа-

ется не только в сопротивлении переменам со стороны массового традиционалистского сознания, но и в элитарной отгороженности образованного меньшинства от широких слоев населения, которые третируются как «отсталые».

Все эти диспропорции и противоречия, порожденные частичной, ограниченной модернизацией, способны затормозить и даже повернуть вспять весь процесс. Поэтому история модернизации знает периодические срывы, застойные периоды и попятные тенденции — в России в начале XX в., в Японии в 30–40-е годы нашего века, в Иране в конце 70-х — начале 80-х годов и в других странах.

Противоречия и общественные конфликты процесса модернизации, естественно, проявлялись наиболее остро в регионах запоздального развития. Но и в первом эшелоне они были достаточно серьезны. Можно указать, например, на эпоху промышленной революции в Англии, красноречиво описанной Марксом в «Капитале». В погоне за прибылью предприниматели раннекапиталистического периода нещадно эксплуатировали труд рабочего, удлиняли рабочий день до 14–15 часов, использовали труд малолетних детей. Только возникшее в ответ рабочее и социалистическое движение заставило фабрикантов умерить свои аппетиты и ввести нормальное трудовое законодательство. Не менее драматичной была ситуация Великой депрессии в США и других развитых странах в конце 20-х — начале 30-х годов. Глубинной причиной кризиса явилась опять-таки непомерная алчность крупных промышленных корпораций и банков, в результате чего доходы трудящихся намного отставали от цен, что привело не только к обеднению массы населения, но и в конце концов к грандиозному экономическому кризису. Только активное вмешательство государства и переориентация экономической политики на концепцию «государства благосостояния» помогли выровнять положение.

Громадной ловушкой для модернизации в XX в. стал тоталитаризм. Он явился порождением еще относительно незрелой индустриальной цивилизации, индустриализации «угля и стали», массового стандартизированного производства. Тогда возник соблазн использования невиданных ранее технических средств для всеохватывающего контроля над обществом. На этой почве выросли монополизм в экономике и империализм в политике, что привело к мировым войнам, революциям и появлению тоталитарных режимов, как «черных», фашистских, так и «красных», социалистических. Эти опасные тенденции в конечном счете были преодолены, хотя и нелегко. Для этого потребовалось насильственное уничтожение тоталитарных режимов (в Германии, Италии, Японии и др.), самоисчер-

пание тоталитарных структур в социалистических странах, отход от колониальной политики и борьба с монополизмом в странах Запада.

Несет ли модернизация с собой прогресс? Равнозначны ли эти два понятия? В XX в. слово «прогресс» произносится многими с гораздо меньшим энтузиазмом, нежели в XIX столетии. Нередко это понятие вообще отрицается. И тому, конечно, есть причины. События нашего времени показали, что научно-технические открытия, новые технологии не только не предотвращают общественные конфликты или разрушительные войны, но нередко даже стимулируют их. Справедливые законы и демократические институты оказываются хрупкими. Революционные лозунги, грандиозные обещания процветания, равенства и свободы оборачиваются диктатурами худшего сорта. Контрасты в уровне жизни как внутри обществ, так и между различными народами существуют до сих пор.

Уже четверть века не утихает спор между так называемыми алармистами и оптимистами. Первые указывают на глобальные проблемы, на кризис бесконечного и бездумного индустриального роста, истощающего невозполнимые материальные ресурсы планеты, приводящего к деградации окружающей среды и человеческой природы. Если не остановить темпы роста, не ограничить человеческие потребности, говорят они, катастрофа неминуема.

Оптимисты в ответ либо оспаривают анализ алармистов, либо считают, что опасность не так уж страшна и человечество с ней справится.

Историк имеет дело главным образом с прошлым. В настоящем и будущем ему ориентироваться труднее, хотя критерии своих суждений о прошлом он черпает именно из той эпохи, в которой живет. Но знание прошлого дает ему некоторую ретроспективу, масштаб, стремление к объективности.

С исторической точки зрения нет оснований отрицать прогресс, который в конечном счете принесла модернизация, несмотря на все издержки на этом пути, — грандиозный рост научного знания, новых технологий, информационных и социальных служб. Для большинства населения в развитых странах материальные проблемы практически решены. Но все эти достижения имеют свою оборотную сторону, особенно в сфере духовной. Культ потребительства приобрел гипертрофированный характер. Даже имея немалый доход, большая масса людей в модернизированных обществах обречена на каждодневный изматывающий нетворческий труд, на жизнь в «городах-спальнях» (куда приезжают только переночевать), на доступ лишь к эрзац-культуре (примитивные фильмы, детективы и пр.). Но о такой судьбе мечтают многие миллио-

ны бедняков из стран мировой «периферии», которые далеко отстали от развитых обществ.

Несколько веков мировой модернизации показали, что материальный, научно-технический прогресс намного обгоняет прогресс нравственный. А сейчас и экономический рост действительно начинает упираться в экологический тупик.

Однако модернизация создает открытое общество, где растут контакты между людьми, обратные связи между теми, кто принимает решения, и теми, кто выражает общественное мнение. Безусловно, решая одни проблемы, модернизация порождает другие, но одновременно вырабатывается механизм решения последних. Например, столкнувшись с проблемой окружающей среды, научно-техническая революция переориентируется, переходит к созданию новых, более чистых технологий.

Конечно, можно вообще отвергнуть прогресс науки и техники на том основании, что он поощряет ненужное потребление, приводит к появлению колоссальных средств разрушения и т. п. Но поступать так — значит отказать человеку в праве на поиск, на развитие знания.

Таким образом, ни прогресс, ни модернизация не есть нечто линейно восходящее. Приобретения неизбежно сопровождаются здесь потерями, движения вперед — откатами назад. Что ж, человек в своей эволюции бредет на ощупь. Таков естественный путь Истории.

§2. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ (ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА)

Русский народ формировался в рамках славянства — обширного этноса в центральной, южной и восточной частях Европы. Первоначальная территория обитания славян находилась в Прикарпатье, откуда они мигрировали на запад (на территорию нынешних Польши, Чехии и Словакии), на юг (где ныне проживают сербы, хорваты, болгары и др.), на восток. На Восточной равнине закрепилось несколько славянских племен — в северо-западном районе (ильменские славяне), в Смоленском и Полоцком крае (кривичи), на западном берегу Днепра (поляне), смешиваясь с малыми этносами аборигенов (например с финно-угорскими племенами). Эти миграции в V–VII вв. были частью Великого переселения народов.

Природно-географическая среда

Небольшие группы славянского населения осваивали обширную территорию, намного большую, чем Западная Европа. Но природные и климатические условия этой громадной равнины были гораздо более трудными, чем в западноевропейском регионе. Значительная часть территории нынешней России находится на широтах, где преобладают лес и лесостепь со сравнительно бедными почвами. В части лесостепи и степи почвы более плодородны. Но климатическая зона здесь такова, что период, пригодный для сельскохозяйственных работ, не превышает 5–6 месяцев (по сравнению с 8–9 месяцами в Западной Европе). В северной России этот срок сокращается до 4 месяцев. При этом осадки обильнее всего на западе и северо-западе, то есть в районах с неплодородными почвами, тогда как в черноземной зоне и в степной части нередко засухи.

Все это превращает большую часть России в зону так называемого рискованного земледелия. Примерно раз в три года случается неурожай. Да и сама урожайность невелика. В России она долгое время (вплоть до XIX в.) не превышала «сам-треть» (т.е. когда одно посеянное зерно дает три), что дает уровень, достаточный лишь для простого воспроизводства либо чуть выше его. Немногим лучше

обстояло дело с животноводством. Длинная зима сокращает сроки выпаса скота.

Подобная природная среда обычно диктует прогресс несельскохозяйственного производства, различного рода промыслов. Но, во-первых, малая продуктивность сельского хозяйства приводит к недостаточному производству сырья для промышленности, а также к узости внутреннего рынка в силу бедности и низкой покупательной способности крестьянства. Во-вторых, ряд факторов (отсутствие в течение долгого периода выхода к морям, окружение агрессивных степных народов) мешал развитию внешней торговли и связей с более развитыми странами. Наконец, величина территории, обилие леса, болот при редком населении — все это затрудняло коммуникации, устройство дорог. Правда, территория России богата реками, впадающими в моря. Речная сеть долгое время служила основным средством сообщения.

История древней и средневековой России делится на три основных периода, которые значительно отличаются, хотя и сохраняют между собой известную преемственность. Остановимся кратко на каждом из них.

Киевская Русь

Русскую историю принято начинать с Киевской Руси (IX–XII вв.). В 862 г., согласно летописям, славянские племена добровольно призвали нескольких норманнских военачальников (варягов) с их дружинами «княжить и володеть» на Руси. Легендарный Рюрик обосновался в Новгороде, Синеус и Трувор — в близлежащих северо-восточных районах, Аскольд и Дир в Киеве.

Так называемая норманнская теория образования русского государства до сих пор вызывает много споров между специалистами. Историки расходятся относительно происхождения самого названия «Русь» — принадлежало ли оно какому-то варяжскому племени или оно уже было до того в ходу у славян, обозначало ли оно поначалу высший класс в Древней Руси (князя и его дружину) и лишь позднее было распространено на все общество и территорию. Источники не дают четких подтверждений в пользу какой-то одной версии.

Но ясно, что норманны сыграли немалую роль в истории Древней Руси — так же, как в Англии, Франции и некоторых других государствах. Они основали княжескую династию Рюриковичей, а политическая структура, ими заложенная, значительно отразилась на последующей истории России.

Варягов привлекла в Восточную Европу торговля с Византией. Возник торговый путь от Балтики до Черного моря по рекам (путь «из варяг в греки»). Торговали людьми, а также тем, что

собиралось как дань с населения (меха, шкуры зверей, мед, кожи, воск и пр.), а взамен привозились золото, шелковые материи, вина, фрукты. Торговля была главной сферой деятельности в Киевской Руси.

В 882 г. князь Олег, убив Аскольда и Дира, захватил Киев и объявил его центром русской земли. Значение Киева как основного пункта на пути «из варяг в греки» и в самом деле было велико. После Олега киевские князья Игорь, Святослав, Владимир и другие в X–XI вв. ведут активные войны, целью которых было расширение торговой территории, отражение степных кочевников, нападавших на Русь, а также обеспечение наиболее выгодных условий торговли. Например, все войны с Византией заканчивались торговыми трактатами.

Важным событием для Древней Руси было принятие христианства при князе Владимире (988 г.). Крещение Руси объединило ее в вере с Европой. Князь Ярослав Мудрый (1019–1057 гг.) завязал контакты (в том числе брачно-династические связи) с европейскими монархами. Какое-то время Киевское государство развивалось на одном уровне со средневековой Европой. Киев превращался в оживленный большой город, где, по свидетельству современников, было 400 церквей и 8 рынков.

Но это благоденствие оказалось недолгим. В конце XI в. уже проявились признаки ослабления Киевской Руси. Набеги кочевников встречали все меньше сопротивления, нестабильность усиливалась также в результате внутренних раздоров. Население постепенно уходило в другие места, на север. В середине XII в. киевские князья перестали чеканить монету, а в 1169 г. Киев был взят и разграблен русскими же князьями. В чем причины такого упадка?

Прежде всего — в глубоких социальных контрастах общества киевского периода. Согласно ряду историков, благосостояние Киевской Руси держалось на рабовладении. «Живой товар», который добывался в войнах, был главной статьей вывоза на черноморские и каспийские рынки. Рабы (челядь) обрабатывали земли князей и дружинников. В кабалу нередко попадали и смерды, вольные крестьяне. Такое положение дел было отражено и в древнерусском законодательстве. В «Русской правде», своде законов, выработанных в середине XI в., имущество ценится значительно дороже человека, его личной безопасности и достоинства. Успехи Киевской Руси, как писал замечательный русский историк В. О. Ключевский, достигались «ценой порабощения низших классов».

Система управления в различных землях Киевской Руси различалась. Помимо князя и его дружины существовало вече — собра-

ние жителей, обладавшее правами самоуправления. Отношения между этими двумя институтами были неопределенными. Иногда вече приглашало того или иного князя и диктовало ему свои условия (Новгород), иногда, наоборот, находилось полностью под его влиянием. Но в большинстве княжеств Киевской Руси вече довольно быстро сошло со сцены, уступая силе князей.

Наконец, единство Киевской Руси как государства постоянно нарушалось взаимной борьбой князей за власть и за обладание званием великого киевского князя. Порядок наследования и разделения княжеских владений в Киевской Руси не был точно определен. Вроде бы установленный первыми киевскими князьями принцип передачи тех или иных территорий по старшинству постоянно нарушался. Почти с самого начала история Киевской Руси предстает как цепь беспрестанных кровавых столкновений, когда, по словам летописца, «брат восстал на брата». Эти междоусобицы в конце концов разрушили Киевскую Русь и привели русские княжества к безгосударственному состоянию.

Удельный период Он длился примерно с XII по XV в. Ослабление Киева и отток населения из киевской земли на северо-запад и северо-восток привели к усилению других княжеств и центров притяжения — Новгорода, Ростово-Суздальской земли. Некоторые князья в этих владениях, например Андрей Боголюбский во Владимире (вторая половина XII в.), по существу выполняли функции своих киевских предшественников. Но в целом Русь оказалась раздробленной на уделы — отдельные территории, бывшие в полной собственности тех или иных князей-родственников, которые беспрерывно враждовали друг с другом. К тому же военные люди князя, а также мелкие крестьяне имели право менять своих повелителей и переходить с места на место.

В таком состоянии и застали Русь монгольские завоеватели, пришедшие во второй четверти XIII в. под началом внука Чингисхана Батыя. Они разбили разрозненные русские княжества поодиночке. Почти все главные города были разграблены и сожжены. Население уничтожалось, уводилось в плен, подвергалось унижениям. Золотая Орда со столицей Сарай на нижней Волге как часть монгольской империи стала полным хозяином на Руси. Монгольское иго просуществовало более двухсот лет.

Последствия монгольского владычества были очень серьезны. Они выразились прежде всего в прямом разрушении производительных сил и очагов культуры. Резко упал уровень грамотности. Особый урон был нанесен южной и юго-западной Руси, которые

настолько ослабли, что затем надолго отпали от русской земли и оказались в зависимости от Литвы и Польши. Монгольское завоевание принесло в русскую жизнь новые поборы, ужесточение нравов, рост насилия и беззаконий, процветание угодничества, коварства и доносительства. Все это не могло не повлиять на национальную политическую культуру.

Правда, Золотая Орда парадоксальным образом стимулировала тенденции объединения Руси. Татары возродили значение великого князя, так как им было удобнее передоверить ему сбор дани со всех русских территорий. Это обострило борьбу князей за великокняжеское звание. Сами татары выступали жестокими арбитрами в этой борьбе. Они вызывали претендентов на великое княжение в Золотую Орду, одних убивали, а других поощряли, заставляли выступать против своих же собратьев.

В этой тяжелой ситуации наиболее жизнестойкими оказались князья из Москвы — города, основанного в середине XII в. в рамках Суздальского княжества. С конца XIII — начала XIV в. московские правители, среди которых выделяется Иван Калита, сумели обойти других князей и стать фаворитами Золотой Орды. С ее помощью они расширили свои владения и влияние, хотя за это им пришлось выполнять карательные функции по отношению к своим соотечественникам. Московские князья добивались успехов не только с помощью интриг и военных методов, но и покупкой других земель. В Москву приходили люди из других мест, население росло, край богател и расширялся естественным образом. Сюда была переведена из Киева резиденция митрополита русской православной церкви.

Москва стала, в конце концов, организатором общенационального сопротивления татарскому игу. Да и сама Золотая Орда начала слабеть в результате ожесточенных внутренних междоусобиц. В 1380 г. под руководством московского великого князя Дмитрия Донского объединенное русское войско разбило громадные силы татарского хана Мамая в знаменитой Куликовской битве. Правда, набеги татар на Русь продолжались еще долго. Лишь через сто лет московский великий князь Иван III сумел окончательно избавить страну от татарской опасности. Начался новый период — эпоха Московской Руси.

Московское государство

Со второй половины XV в. Москва оказывается в центре русской земли. Одолев в нелегкой борьбе своего основного соперника — Тверское княжество, Москва затем присоединяет к себе Рязань, Новгород, Псков и другие регионы. Уделы ликвидируются, их некогда безоговорочные хозяе-

ва один за другим склоняются «под руку Москвы». При Иване III (1462–1505), первом по-настоящему общенациональном властителе, в Москве начинает чеканиться русская монета, а сам он именуется «царем всея Руси». Его наследники используют уже этот титул.

Территориальные владения Москвы резко расширяются. На рубеже XIV в. Московское княжество занимало всего 20 тысяч кв. км. К началу правления Ивана III эта территория увеличилась примерно в двадцать раз. Через век московская территория вырастает в шесть раз, а через полвека — еще в два раза. Это уже не Москва, это — Россия. После проникновения в Сибирь к середине XVII в. русские цари правили самым большим государством в мире с площадью более 15 млн кв. км.

Какие исторические потребности вызвали к жизни этот процесс? Каковы были механизмы его осуществления?

Поначалу действовало простое стремление к выживанию. Русь удельного периода находилась в отчаянном положении. Ее население было вытеснено в гораздо более бедные и неплодородные по сравнению с югом земли северо-запада и северо-востока. Страна потеряла связь с более развитыми соседями, находилась под пятой татар. Даже когда последние стали ослабевать, им на смену пришли крымские татары, литовцы, поляки, немцы, шведы. За полтора столетия (начиная с XIII в.) Русь провела более 160 войн с иноземцами, не считая кровопролитных внутренних раздоров. Выход был только один: политическое объединение, создание сильной армии, способной противостоять как внешним вторжениям, так и удельным феодалам. Необходимость этого лучше других осознали московские князья.

Но для этого потребовались крупные и весьма жесткие социальные и политические меры. Кратко их можно определить так: всеобщее подчинение, закрепощение. Конечно, оно по-разному ложилось на привилегированные классы и на простой народ. У князей отбирались уделы, и они вместе со всеми своими людьми и ресурсами входили в систему Московского государства. Для бояр (бывших дружинников) становилась обязательной военная служба, на которую они должны были не только являться сами, но и приводить определенное число вооруженных воинов. Только таким образом они могли оправдать принадлежавшие им владения. Не довольствуясь этим, московские власти сами стали раздавать земли за службу (военную и административную) дворянам. Получаемое ими поместье было строго связано с постоянной военной службой. Таким путем в Московском государстве создавалась постоянная армия, составлявшая в

XVI–XVII вв. более 100 тысяч человек — цифра по тем временам весьма значительная.

Эту армию надо было кормить, что в условиях средней полосы тогдашней России было нелегкой задачей. Отсюда — закрепощение крестьянского населения, прикрепление его к земле, а точнее к ее владельцам — военным людям. Законодательство XVI–XVII вв. все более и более ограничивало возможности перехода крестьян от одного владельца к другому, строго наказывало беглых крестьян, устанавливало порядок работы крестьян на своих господ и нормы податей, которые должны уплачивать за крепостных их владельцы. Нередко крестьяне попадали в долги к крупным землевладельцам и оказывались вынужденными работать на них или просто стремились прибиться к «сильным людям» в то нелегкое время. Все население Московской Руси становится «тяглым», то есть подлежащим обложению. Сюда входят и жители городов — ремесленники, торговые люди. Создается государственная администрация, которая строго следит за исполнением всего этого распорядка.

Рабовладение и взимание дани с крестьян, бытовавшие в киевский период, уступили место крепостному строю Московской Руси. Впрочем, рабский труд частично сохранился. Так называемые дворовые люди, безземельные крестьяне, находившиеся в услужении у владельцев поместий, существовали вплоть до отмены крепостного права в XIX в., и их труд мало чем отличался от рабского.

Вся эта система создавалась во многом для военных нужд. Московское государство походило на военный лагерь. Оно было разделено на военные округа, которыми управляли воеводы. Города и многие монастыри строились прежде всего как крепости. На содержание армии работало, по разным подсчетам, от половины до двух третей населения. Помимо армии существовали пограничные военные поселения — казаки.

Вполне понятно, что наиболее адекватным методом управления такой системой явилась растущая политическая централизация. Москва решала все вопросы, не только политические или военные, но и хозяйственные — например, отпускала средства на строительство общественных зданий в Новгороде. Все жители, включая самых знатных, являлись только слугами и исполнителями воли царя. Всякое инакомыслие, самостоятельность запрещались. Не случайно с особой жестокостью были уничтожены все права и вольности Новгорода и Пскова — тех русских городов, которые своими традициями городского самоуправления ближе всех стояли к Европе и даже входили в европейскую систему торговли (Ганзейский союз).

В XV–XVI вв. сформировалась и идеология самодержавия. Средневековый религиозный мыслитель Иосиф Волоцкий писал в начале XVI в. о царе Василии III, что он только «по естеству» напоминает обычных людей, а властью подобен Богу. Еще раньше монах Филофей выдвинул идею о Москве как о «третьем Риме». Пробуждающимися имперскими амбициями отчасти объясняется тот факт, что, встав на ноги, Московское государство от обороны перешло к нападению (хотя вместе с тем здесь проявлялось и стремление к поиску новых богатств и ресурсов).

Периодически московские правители пробовали прибегать к некоторым реформам политической системы — упорядочению законодательства, введению элементов самоуправления и даже учреждению некоего подобия представительной власти. Таковы были, например, Земские соборы в XVI и XVII вв. — сбор представителей различных земель для обсуждения государственных дел. Эти учреждения иногда (особенно в XVII в., после тяжелого периода Смутного времени) помогали власти восстанавливать порядок и решать какие-то проблемы. Например, первый царь из династии Романовых Михаил был избран Земским собором в 1613 г. Но уже при его сыне царе Алексее Земские соборы были прекращены и более не возобновлялись.

Процесс политической централизации проходил непросто, что наиболее показательно в борьбе самодержавной власти с боярством. В первую очередь это ликвидация системы местничества — наследственного закрепления государственных должностей за членами боярских семей. Бояре претендовали также на роль обязательных советников царя и активное участие в принятии всех важных государственных решений. Иван Грозный (1547–1584) нанес решающий удар этим притязаниям. Создав специальные карательные органы (опричников), он обрушил жестокие репрессии на боярское сословие. Жестокости Грозного окончились трагическим Смутным временем (1604–1612), когда несколько самозванцев на царский трон при поддержке иностранных войск несколько лет хозяйничали в стране.

Боярские группы пытались использовать смутное время в своих интересах. Но в этот период на историческую сцену выходят широкие массы — казачество, часть крестьянства и др. Эти выступления были прологом последующих массовых бунтов — Степана Разина (XVII в.), Емельяна Пугачева (XVIII в.) и др.

Наконец, даже военная организация Московской Руси стала давать трещины. Столкновение армии Ивана Грозного с лучше обученными и оснащенными европейскими военными силами в Ли-

вонской войне (вторая половина XVI в.) показало недостатки военного дела в России. Сказывалась изолированность Московского государства от развитых европейских стран, социальная и культурная отсталость русского общества. Последнее нуждалось в дальнейших реформах, которые произошли уже в эпоху Петра I.

Традиционная культура в России

перспектив модернизации.

Культура — это система ценностей и норм, сформировавшихся в том или ином обществе и определяющих поведение людей, их жизнь и деятельность. Культура отнюдь не сводится к тем областям, с которыми ее обычно связывают — искусством, наукой, архитектурой и др. Культурные ценности пронизывают все сферы общественной жизни — хозяйство, власть, право, мораль, быт. Эти ценности и ориентации различаются в высших и низших классах, в интеллектуальной элите и в массовых слоях. Но между ними должно существовать определенное соглашение, взаимодействие, степень которого свидетельствует об уровне зрелости, развитости культуры. Это особенно важно для успешного приспособления к процессам изменений, развития, модернизации.

Исходя из того, что излагалось выше, нетрудно указать на те объективные факторы, которые определили социально-культурное отставание традиционного общества в России от более развитых западноевропейских стран. Это, во-первых, природно-географические и демографические условия — освоение численно незначительным населением громадной территории (особенно на северо-западе и северо-востоке) с достаточно суровым климатом и ограниченными возможностями ведения сельского хозяйства. Колонизация девственной и однообразной земли приучила русского человека довольствоваться элементарными технологиями и выработала у него, по выражению русского историка А. Л. Щапова, «непосредственно-природный умственный взгляд» на мир.

Далее — геополитическая ситуация, неблагоприятное внешнее окружение, давление степных кочевых народов, а также некоторых соседних европейских государств, слабые контакты с более развитыми европейскими нациями, ограниченность выходов к морским торговым путям. В результате Русь постепенно превращалась в «оборонное общество», а военные расходы при ограниченных людских и материальных ресурсах тяжелым бременем ложились на население.

Наконец, стартовые исторические обстоятельства, в которых происходило складывание государства на Руси, — утверждение варяжской правящей прослойки, которая дистанцировалась от коренного населения политически и по социальному статусу. И хотя затем пришельцы смешались со славянами, данное разделение управляющих и управляемых закрепилось. К тому же управляющие на долгие века ввергли общество в свои династические столкновения, нанешие большой урон экономике и культурному развитию.

Все эти факторы не могли не замедлить экономический и технический прогресс. Например, в средневековой России с ее плотностью населения 3–5 человек на 1 кв. км слабо прививался даже простой трехпольный севооборот, для которого необходимы 15–35 человек на указанную площадь. Мельницы, с которыми сражался Дон Кихот в отсталой средневековой Испании, были на Руси в аналогичный период очень редки. Водопровод появился впервые лишь в начале XVII в., да и то в столице. Часы пришли на Русь в XV в. (по сравнению с XII в. в Европе).

Невысок был и уровень трудовых мотиваций, стимулов к труду. В ранний период русской истории при обилии земли и трудностях ее обработки преобладало кочевое земледелие — расчистка лесного участка, сбор сравнительно неплохих урожаев в течение 2–3 лет и затем переход на новый участок. Поэтому в крестьянском правосознании не выработалось идеи, что приложение труда к земле является основой собственности на землю и продукты ее обработки. Русский земледелец не стремился к технологическим усовершенствованиям. Первое руководство по сельскому хозяйству появилось на Руси лишь в конце XVI в.

Причина такого консерватизма заключалась еще более в социальных условиях, в крепостнической зависимости трудящегося населения. Зачем трудиться, если господин или чиновник заберет у тебя львиную долю произведенного? Норма эксплуатации трудового люда доходила до 50% и выше — недаром на Руси существовал термин «половник» (т. е. арендатор, отдававший половину урожая). Точно так же не могло сложиться понятия собственности у людей, ее не имеющих. Собственность была достоянием лишь узкого боярского круга обладателей вотчин — земельных владений и живущих в них крестьян. Но даже у крупных землевладельцев это право было узурпировано государством в лице самодержавного правителя. Он был по существу — по крайней мере до Указа о вольности дворянства в XVIII в. — единственным собственником в России, смотревшим на всю страну как на свою вотчину.

Неопределенность правовых норм в России отмечали многие историки — особенно в области гражданского права, которое устанавливает правила распоряжения собственностью, наследством и т. п. И это вполне объяснимо. Право отражает кристаллизацию различных слоев и групп в обществе и их интересов. Но в древней и средневековой Руси общественная жизнь была текучей — колонизация, перемещение людей с места на место, нашествия, внутренние смуты... Здесь гораздо слабее, чем в Европе, шел процесс дифференциации тех или иных групп по социальному или профессиональному признаку, которые обмениваются между собой товарами или услугами, устанавливая в обществе горизонтальные связи. В России преобладали связи вертикальные, идущие сверху. Если в средневековой Европе государство было относительно слабым и обществу приходилось самому решать многие проблемы, то в России, наоборот, государство с определенного времени превратилось в демиурга общественной жизни. Будучи единственной организованной силой и не встречая серьезного сопротивления в «жидкой» общественной среде, оно привыкло действовать посредством насилия, произвола. Оно не нуждалось в правовом обосновании общественных отношений и своих действий. Потому идея законности и правопорядка не превратилась на Руси в общезначимую ценность.

В такой обстановке русский человек — будь он крестьянином, торговцем, чиновником или дворянином — постоянно чувствовал себя уязвимым, незащищенным. И это выработало у него холопскую психологию — привычку подчиняться, сгибать шею перед сильными. Когда Иван Грозный творил кровавые расправы над подозрительными ему боярами, он иногда, чтобы придать своим жестокостям легитимность, обращался за одобрением к простому народу — и получал его, хотя репрессии могли перекидываться и на массовые слои. В некоторых случаях этот конформизм был искренним, но чаще всего — средством выживания. За внешним послушанием скрывались глубокие антагонизмы.

Если всей своей трудной историей русское общество приучалось спланиваться перед лицом внешней опасности, то внутри его не было единства. Противоречия и центробежные тенденции были столь сильны, что для характеристики общественных структур в России может быть использовано понятие раскола. Раскол шел по различным направлениям и социальным срезам, пронизывал культурные ценности и повседневную жизнь.

Прежде всего это был раскол между правящим слоем и трудовыми массами, возникший еще со времен Киевской Руси с ее пришедшей военной аристократией. Управляющих и управляемых разде-

ляло все: уровень потребления, образ жизни, взгляды. Детям знатных людей нельзя было играть с детьми из низших классов. Князья и их приближенные с презрением относились к физическому труду, который был уделом простых смертных, рабов или крепостных. В русском языке слова «работа» и «раб» — одного корня, так же как «страда», напряженный крестьянский сезон, дало начало слову «страдание». Это социальное разделение в общем поддерживалось и церковью. Например, в средневековой литературе и документах можно встретить осуждение тех монахов из состоятельных людей, которые пытались изгонять грехи при помощи физического труда, что признавалось неприличным их званию.

Христианство на Руси было, конечно, общей религией для богатых и для бедных. Но в течение долгого времени оно оставалось достоянием по преимуществу привилегированных сословий. Вплоть до конца средневековья в церкви венчались, как правило, выходцы из знатных или состоятельных семей. Простые люди, прежде всего крестьяне, в значительной мере оставались язычниками. Это двоеверие (термин известного русского исследователя язычества Б. А. Рыбакова) было аналогом существовавшего социального раскола в сфере культуры.

Славянское язычество похоже на языческие верования других доиндустриальных обществ. Его пантеон богов (Перун, Ярило и др.) олицетворял природно-биологические стихии, различные суеверия, за которыми стояли надежды и страхи традиционного земледельца. Языческие обычаи и обряды сохранились в русской деревне вплоть до XX в. В них, как и во всем патриархальном сельском укладе, была своеобразная красота, которую с любовью описывали многие русские писатели. Однако оборотную сторону этой культуры составляли хозяйственный консерватизм, низкий технологический уровень и бедность потребностей. Выбраться из этих рамок русскому крестьянину не давал тот пресс эксплуатации, который в течение веков давил на него.

Основным социальным институтом русской деревни была сельская община. Историки до сих пор спорят, когда она появилась, возникла ли она самостоятельно или была организована властью. Здесь не место входить в детали этих дискуссий. Несомненно, государство на Руси приложило свою руку к созданию или хотя бы укреплению общины. Еще в Киевской Руси крестьяне собирали дань методом круговой поруки, то есть обязанности платежеспособных крестьян покрывать и подати тех, кто платить не мог. Община использовалась администрацией прежде всего в фискальных целях. С другой стороны, крестьяне действительно держались за общину, ко-

торая делила поровну земли, организовывала взаимопомощь, уплачивала за кого-то налоги и была, таким образом, для них хоть какой-то защитой в полном опасностей мире. В этом смысле община, общинность в России являлась нечто большим, чем просто сельский институт. В ней выражался характерный для национальной культуры коллективизм, стремление быть «как все», спрятаться за других. Коллективизм сдерживал развитие индивидуальности, личности, но одновременно становился средством выживания.

Тем не менее личность на Руси, как и в других традиционных обществах, постепенно начала формироваться в ходе естественной эволюции. Историки фиксируют ее появление по литературе XVII в. Что же это была за личность? В средневековой «Повести о Горе-злосчастии» описывается «добрый молодец», который по разным житейским причинам отделился от своей среды и захотел жить, «как ему любо». И в такой позиции он чувствует себя одиноким, незащищенным, начинает пьянствовать и в конце концов с горя идет в монастырь. Конфликт личности и общества — еще одна линия раскола в русском социуме и культуре.

Эта линия раскола особенно заметна в привилегированных слоях, где в консервативной по преимуществу среде время от времени появляются немногие свободомыслящие личности и реформаторы. Таковы были священник Сильвестр и незнатный дворянин Адашев, которые побудили молодого Ивана Грозного провести некоторые важные политические реформы (созыв представительных органов, реорганизация судопроизводства и др.). Но новаторы скоро впали в немилость, а все их предприятия были свернуты. Таков был И. Т. Посошков — разносторонне талантливый деятель XVII в., который одновременно занимался техническим изобретательством, строительством и писанием книг, в которых доказывал необходимость учиться у более развитых стран. Таковы были некоторые крупные администраторы XVII в. — А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев, В. В. Голицын, которые пытались перенимать какие-то элементы и институты европейской цивилизации, но наталкивались на инерцию и сопротивление окружающего большинства.

Отдельные реформаторы были и в сфере религии. В начале XVI в. монах Нил Сорский выступил с проповедью нестяжательства, отказа от крупных имуществ и земельных угодий, которыми владела православная церковь. Он доказывал, что авторитет церкви должен зиждиться на нравственных основаниях. Его идеи поначалу имели успех и в случае реализации могли бы заметно поднять авторитет церкви, обеспечить ее автономию и влияние, превратить в крупную общественную силу. Но в конечном счете победила партия его противни-

ка Иосифа Волоколамского, который требовал ни в чем не перечить власти, но вместе с тем ни в коем случае не отдавать церковное богатство. Теория Иосифа вполне соответствовала всей линии исторического поведения русской православной церкви, которая наследовала традиции византийской теократии: быть полностью конформной по отношению к государству, получая от него за это соответствующие щедроты.

Наконец, в XVII в. в русской церкви произошел раскол, который затронул и массовые слои. Патриарх Никон, занявшись реформой богослужения на Руси, обнаружил в существующей практике обрядов некоторые расхождения с византийской традицией (в способе креститься при молитве, в текстах некоторых молитв и т. п.). Он ввел соответствующие изменения в церковную службу, но неожиданно встретил серьезное сопротивление. Противники реформ не хотели отказываться от прежних порядков, считая, что русское православие есть единственно истинная религия на свете и не подлежит никаким исправлениям. Но поскольку специально созданный собор в 1666 г. все же утвердил предложения Никона (сам он, правда, был осужден и отставлен), от официальной церкви стали отпадать целые приходы, возникли многочисленные общины староверов, которые упорно продолжали следовать прежним обрядам. Власти преследовали их, и раскол в России дал много мучеников. Одним из первых и наиболее известным среди них был знаменитый священник Аввакум.

Раскол в России не был похож на европейскую Реформацию. Староверы хотели лишь сохранить прежнюю традицию и были против всякого ее обновления. Может вообще показаться странным, почему разгорелись такие страсти вокруг незначительных, чисто внешних изменений в религиозных процедурах. И тем не менее за религиозным расколом скрывался глубокий смысл: он обнаружил консерватизм, присущий многим русским людям, их нежелание что-либо менять, особенно при подозрении, что новшества идут от иноземцев (в данном случае — греков). Национальное самомнение и ксенофобия являлись своего рода защитной реакцией против возможности каких-то нарушений привычного строя жизни.

Таким образом, русские люди — как низовые, так и привилегированные слои — держались за традиционные структуры, за присущие им институты и ценности. Они поддерживали то самое самодержавное государство, которое угнетало их, но все же в их глазах было меньшим из зол, так как оно противостояло тенденциям раздробленности и вносило какой-то порядок. Но, с другой стороны, это привело к тому, что традиционное общество и традиционная

культура на Руси плохо развивались «снизу», путем естественной эволюции.

В средневековой Европе именно естественная общественная эволюция привела к достаточно раннему (XIII–XIV вв.) ослаблению феодальных пут, росту городов и городского самоуправления, развитию торговли, постепенному прогрессу в технологиях, появлению мануфактур, парламентских учреждений, элементов современного права и судопроизводства. Соответственно изменялись культурные установки, возник интерес к освоению античного наследия (Возрождение), происходили изменения в религиозной жизни и пр. Короче говоря, уже в рамках традиционного (доиндустриального и добуржуазного) общества формировались те предпосылки, которые затем обусловили, ускорили, облегчили процесс модернизации.

В России же эти процессы шли туго, медленно, а порой даже в противоположном направлении (закрепощение). Инициатором формирования общественных институтов выступало государство, и это накладывало отпечаток на все отношения — экономические, социальные, культурные, не говоря уже о политических. Самодеятельность снизу ограничивалась, общество сдавливалось налоговым прессом, из него выкачивался для государственных нужд не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Отсюда слабое развитие городов, торговли, предпринимательства, зыбкость права и отношений собственности, жесткость политической системы, лишенной обратной связи, бедность и неустроенность быта большинства населения, консерватизм культурных ценностей.

Некоторые исследователи полагали, что трудности процесса модернизации в России были связаны с сопротивлением традиционной культуры, прочностью тех социальных связей и культурных установок, которые препятствовали изменениям. Правомерно, однако, скорее сделать обратный вывод. Серьезным препятствием для модернизации являлась как раз недостаточная развитость традиционной культуры, ее неустоявшийся характер. Опыт Европы и некоторых других регионов показывает, что в нормальных условиях традиционное общество в силу естественной эволюции вырабатывает, пусть в зачаточной форме, такие элементы (институт частной собственности, понятие о личности, научные знания и пр.), которые образуют основу для последующего перехода к индустриальной цивилизации. В России по ряду исторических причин этого не произошло или происходило в ограниченной степени.

Конечно, было бы неверно представлять историю древней и средневековой Руси как сплошной застой. В ней происходили определенные изменения и прогрессивные сдвиги (иногда их стимулиро-

вало само государство), в том числе и в духовной сфере. Единство национальной культуры активно поддерживалось через летописную традицию. Создавалась литература, насчитывающая за XI–XVI вв. тысячи названий. Сложился национальный стиль в архитектуре, строительстве церквей. Религиозные искания выразились в деятельности таких мыслителей и подвижников духа, как Сергей Радонежский, уже упоминавшийся Нил Сорский и др. В начале XV в. творил гениальный художник-гуманист Андрей Рублев, его традиции продолжил иконописец Дионисий, близкий также к идеям Нила Сорского о нравственном самосовершенствовании. Русь знала талантливых военачальников, политических деятелей и реформаторов.

Если рассматривать эти достижения и, шире, тенденции развития традиционной культуры России, то мы увидим примерно те же процессы и векторы эволюции, что и в Европе. Например, знаменитая средневековая «Повесть о Петре и Февронии» очень напоминает роман о Тристане и Изольде. Политические традиции Новгорода близки к институтам самоуправления европейских городов. Один из иностранных путешественников в XVII в. удивлялся активности и деловым качествам русских купцов, которые быстро перенимали иностранные методы торговли и получали высокие прибыли. Аналогичным образом возникали ростки предпринимательства, представительной власти, передовые идеи и т. д.

Все дело в том, что эти ростки не получали развития, находились на периферии общественной жизни, были плодом деятельности отдельных, немногих личностей. Их влияние на общество оставалось весьма ограниченным. Интеллектуальная элита, которая, безусловно, была в традиционной России, не имела прочной опоры в обществе, наталкивалась зачастую на непонимание и консерватизм. Она могла лишь рассчитывать на содействие власти, но последняя поддерживала культурную элиту только в том, что совпадало с ее намерениями, и вообще с подозрением относилась к проявлениям индивидуальности. Эта социально-культурная диспропорция, разрыв между тонким элитарным слоем и остальным обществом, а также, в немалой степени, с государственными структурами, потом скажется на характере и темпах процесса модернизации в России.

§3. РОССИЯ— ВТОРОЙ ЭШЕЛОН МИРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Как уже говорилось выше, ко второму эшелону модернизации в мире относятся страны и народы, которые начинали процесс перехода от традиционного общества к современному позже западного региона (XVII — XIX вв.) и с менее сложившимися историческими предпосылками, хотя имели возможность осуществлять модернизацию на независимой национальной основе. Но и в рамках этой группы стран Россия обладает некоторыми существенными особенностями.

Имперская модель

Одной из таких особенностей является имперская модель исторической эволюции. Конечно, эта специфика относительна — среди стран данной группы империей была Турция, империей стремилась стать и Япония в первой половине XX в. Особенность империи в России состояла в том, что она складывалась в значительной мере путем колонизации, освоения слабо заселенных пространств и присоединения малых этносов. Кроме того, в силу невысокого уровня развития завоеватели не отделялись резко от побежденных. Градация метрополия — колония не проходила здесь по принципу центр — окраины. Государство эксплуатировало все население, независимо от места его нахождения. В этом смысле некоторые исследователи называли Россию самоколонией.

Признаки империи появляются уже в Московском государстве. С XVI в., наряду с объединением традиционно русских территорий, осуществляются завоевания или попытки завоеваний (Казань, Сибирь, Прибалтика). Начинает формироваться имперская идеология («Москва — третий Рим»), пышное титулование московских государей. Но до поры до времени амбиции превышали возможности, особенно когда Московскому государству приходилось сталкиваться с более развитыми европейскими странами. Поворот начинается с Петра Великого. Он первый понял: если хочешь сравняться с более сильным соперником, надо учиться у него. Еще с детства он оценил знания и технические навыки иностранцев, живших в России. Под-

роши, он снарядил специальное посольство в Европу и организовал систематическое перенимание западного опыта — в строительстве кораблей, производстве оружия, организации армии и пр. На внедрение этого опыта он мобилизовал всю свою кипучую энергию крупного исторического деятеля, а самое главное — свою власть всесильного самодержца, привыкшего повелевать без прекословий с чьей-либо стороны.

Так складывалась имперская модель развития России, которая включала три основные черты:

1) выборочное заимствование, главным образом для военных целей, технических и организационных достижений более развитых стран в обмен на сырье и сырьевые продукты;

2) одновременное ужесточение эксплуатации собственного народа традиционными, добуржуазными методами;

3) растущую централизацию и бюрократизацию управления.

В таком соотношении бросается в глаза контраст между модернизаторскими и архаическими тенденциями. В России он выражен значительно острее, чем в более или менее аналогичном случае Османской империи: если последняя формировалась в контексте классического средневековья, то исторический подъем России происходил при ее сосуществовании и соперничестве с быстро прогрессирующими европейскими нациями раннебуржуазного периода, что определило необходимость более форсированных заимствований.

Отмеченные черты имперской модели вполне отчетливо проявились в эпоху Петра I. Конечно, Петр вряд ли руководился какой-то глобальной стратегией, рассчитанной на века. Втянувшись в длительную Северную войну со шведами, он действовал под давлением обстоятельств. Но они привели его к определенной логике реформ. Преобразования затронули прежде всего военный сектор — армию. Приглашаются иностранцы обучать русских офицеров и солдат, консультировать строительство военных кораблей. Выписываются и тщательно изучаются новейшие образцы оружия, их начинают производить на месте. Создаются мануфактуры по производству сукна (чтобы «не покупать мундиру заморского»), полотняное, канатное и кожевенное производство, металлургия.

Импортируются не только идеи, специалисты и технология, но и организационные формы: акционерные общества, «кумпании». Правда, они походят на европейские аналоги больше внешне: даже частным предприятиям государство диктует все — и размер капиталов (нередко из казны), и сорт товаров, и объем производства, и сбыт.

Так или иначе, военное дело в России стремительно прогрессирует. К концу петровского царствования Россия уже располагала громадной армией, почти в 350 тысяч человек, включая 24 тысячи моряков. Она не только количественно и качественно превосходила прежние войска Московской Руси, но и успешно проявила себя в войне со шведами, обладавшими тогда одной из лучших армий в Европе.

Для достижения этих целей потребовалось колоссальное напряжение сил всего общества, особенно трудящихся классов. Петр I впервые в истории ввел обязательную воинскую повинность: каждые 20 дворов в селе или в городе должны были отдавать в солдаты одного человека в год. Рекрутский набор теперь шел, таким образом, прежде всего за счет низших сословий.

Создание и содержание такой армии, а также работающей на нее промышленности требовали огромных затрат, доходивших в петровские времена до 80–85% национального дохода. Поэтому Петр стал брать налоги не со двора или размера пашни, а с человека («подушная подать»). Это значительно расширило число плательщиков (в их число теперь включались слуги, холопы, обедневшие дворяне, беглые люди, священники без прихода и др.) и ограничило возможности уклонения от налога или его уменьшения. Подати были наложены буквально на все: на товары массового спроса, за ношение русского платья и бороды, двойной налог на староверов и т. д.

Все это означало усиление эксплуатации большинства населения традиционными, архаическими методами, а также развитие — практически до своего логического предела — процесса закрепощения. Крепостное право было распространено на городских жителей и индустриальную сферу: к предприятиям приписывались целые деревни, ремесленники также прикреплялись к своему роду деятельности и местам проживания. Принудительно были введены различного рода повинности — на строительство флота (10 тысяч дворов должны были построить один корабль или дать средства на это), прокладку дорог, рытье каналов, возведение городов. Например, на возведение Петербурга ежегодно происходила вербовка 40 тысяч крестьян, которые несколько месяцев должны были работать в тяжелых условиях за символическую плату. Правда, удавалось собирать не более 20 тысяч, остальные уклонялись или убегали.

Закрепощение в немалой мере распространялось и на высшие сословия. Дворянству предписывалась обязательная 25-летняя служба. В тот же Петербург были насильственно переселены тысяча дворян и тысяча купцов (не считая ремесленников). Им было приказано построиться за свой счет (хотя материал по низкой цене или даже

даром предоставляло государство), причем городской архитектор устанавливал формы и размеры домов.

Вся эта система выбивания налогов, рекрутских наборов организации общественных работ, различных предписаний и запретов потребовала реформы административного аппарата, который в Московском государстве был слишком неуклюж и не приспособлен для выполнения столь сложных задач. Поэтому Петр ввел в систему управления ряд новшеств, почерпнутых им из правил шведских, немецких и голландских учреждений. Были созданы коллегии (министерства), подчинявшиеся сенату (правительству) во главе с самим императором. Была учреждена также знаменитая Табель о рангах, разделившая все высшие сословия на 14 разрядов согласно занимаемой должности в военной или гражданской службе, а также среди духовенства. Петровская Табель о рангах способствовала повышению вертикальной мобильности в российском обществе. Хотя родовитое дворянство имело преимущество в получении чинов, но определенный шанс получали и простые люди, которые, заслужив своими способностями право на соответствующую должность, автоматически приобретали дворянское звание и могли продвигаться по службе дальше.

В петровской системе управления были существенно ужесточены контрольные и карательные функции. Со знаменитого Преображенского приказа (1702 г.) в России ведет начало секретная политическая полиция. Были созданы специальные органы контроля и досмотра за сбором податей и расходованием государственных средств (фискалы). Всячески поощрялись доносы, которые стимулировались материально, а в случае установления факта недоносительства виновные наказывались. Система наказаний при Петре была самой суровой за всю дореволюционную историю России.

Эпоха петровских преобразований и сама фигура императора до сих пор являются объектом горячих споров между историками. Одни считают Петра западником и модернизатором, другие — тираном и деспотом восточного типа. Одни видят в Петровских реформах разрыв с предшествующей национальной традицией, другие оценивают их лишь как «улучшенный вариант московских порядков». Такая полярированность мнений, во всяком случае, свидетельствует о том, что однозначные характеристики здесь не подходят.

Бесспорно, что Петр как личность и выдающийся исторический деятель был шире той модели, которую он создавал. Он искренно был увлечен европейскими порядками и стремился перенести в Россию все, что его в них привлекало. Помимо военных нововведений с именем Петра связаны попытки организации начального среднего обра-

зования, медицинского обслуживания, цеховой системы для ремесленников, учреждение Академии наук, первой газеты в России, европейского летоисчисления и т. п. Он даже пробовал ввести институты самоуправления в городах. Хотя далеко не все эти начинания прижились, они со временем дали толчок образованному слою, в той или иной степени открыли ему дорогу к европейской культуре.

Вместе с тем основные заимствования Петра были направлены на главную для него цель — превращение России в мощную военную державу. Все остальные новшества были для него либо подчиненными этой задаче, либо маловажными. Военные предприятия, завоевания были делом всей его жизни. Одолев в долгой борьбе шведов, он пробовал силы с турками, примеривался к Кавказу, Персидским владениям. В письмах к сыну он высказал однажды мысль о господствующей роли войны в истории. Поэтому к европейскому опыту он подходил прагматически — его интересовали скорее технические детали и профессиональные навыки, нежели институты и строй общественной жизни. Однажды он сказал своим приближенным: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом».

И это понятно: весь характер управления при Петре противоречил духу европейской жизни. Основными методами его реформ — даже при введении каких-то начинаний, заимствованных из Европы, — были приказ, принуждение, насилие. Сам Петр оправдывал такую жестокость ссылкой на инертность и консерватизм своих соотечественников: «известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». Частично он был прав — в своей массе житель России с огромным трудом принимал то, что нарушало его традиционные представления. Но все дело в том, что насильственное внедрение европейских начал (городского самоуправления, предпринимательства, научного знания) было в своем роде противоестественно — ибо эти начала как раз и требовали общественной самодеятельности, автономии, личной инициативы. А вот этого ни Петр, ни созданная им система власти допустить не были расположены.

Поэтому все преобразования и достижения Петровской эпохи доставались чрезвычайно дорого — через социальное перенапряжение общества, насилие, в буквальном смысле слова через пот, кровь и саму жизнь большинства русских людей. Увеличение податей втрое, сокращение населения на одну пятую — такова была цена Петровских реформ.

Основные тенденции имперского развития сохраняются и после Петра I. При его преемниках русские войска входят в Европу, отво-

евывають у Оттоманської імперії обширні території на юге (особенно в епоху Катерини II). В XIX в. бремя військових витрат Росії становило 35% тільки бюджетних асигновань (по порівнянню з 1% — на просвіщення), не рахуючи закордонних займів, більша частина яких була израсходована на військове відомство, і різних косвенних «випяжок» из общества на військові потреби (постой, транспортна повинність і пр.). Ці витрати обслуговували пріоритети відповідної політики — завоювання Кавказу, приєднання Середньої Азії, експансію на Дальньому Сході.

Противоречия русского капитализма

Імперська модель в Росії мала визначену раціональність, що дозволило їй протриматися майже три століття (включаючи радянський період, про який йдеться далі). Використовуючи довготерпіння власного народу, царський режим концентрував ресурси в потрібних йому напрямках, зміцнюючи власний апарат влади і розширюючи свої володіння вовне. Але імперська модель мала невідчужиме протиріччя — невідповідність між техніко-організаційними і соціально-політичними аспектами модернізації. Запозичення європейського досвіду не було органічним, так як здійснювалося тільки в деяких областях і — методами зовсім не європейськими. Тому, повторюючи, хоча і з запізненням, технологічні фази європейського розвитку, в соціальному і політичному плані Росія рухалася як би навпаки. Ця асинхронність російської і європейської історії неодноразово відзначалася в літературі. Остаточна дата юридичного оформлення феодального права в Росії — 1649 г., писав відомий російський економіст С. Г. Струмілін, збігається з революцією в Англії, а до моменту апогею феодальності в Росії, в епоху Катерини II, в Європі вже пролунав набат Великої французької революції.

Навіть в військовій сфері Росія періодично відставала, оскільки буржуазна Європа і її військові технології створювалися вільними або звільнюваними людьми. Тому самодержавна влада з часом була змушена послаблювати свою хватку і йти по шляху модернізації не тільки технічної, але і соціальної — допускати існування приватної власності, стимулювати підприємництво, вводити відповідні правові норми і т. п.

Найбільш серйозною спробою такого роду перетворень була серія реформ 1860-х років. Поразка в Кримській війні 1854 г. відкрило серйозні изъяни во всем державному і суспільному механізмі Росії — слабкість армії, в якій кріпаківських

рекрутов заставляли служить по 25 лет; низкое качество вооружения; скверное состояние дорог и транспортных средств и т. п. Результатом была отмена в феврале 1861 г. крепостного права. Вслед за этим последовало введение местного самоуправления (земства) и правовая реформа, главным элементом которой было учреждение суда присяжных. Была также значительно смягчена цензура на прессу. Все это в совокупности объективно открывало дорогу модернизации буржуазного типа.

Однако, стимулируя развитие капиталистических отношений в России, самодержавно-бюрократический режим одновременно всячески тормозил их. Ликвидация крепостного права была непоследовательной, она растянулась на десятки лет, в течение которых сохранялась хозяйственная и правовая зависимость крестьян от помещиков. Всю тяжесть выкупа земли у помещиков государство возложило на крестьян, поскольку приоритетным для него было вложение средств в строительство железных дорог (в немалой степени — из-за их стратегического значения). В отличие от европейских стран железные дороги строились главным образом за государственный счет и составляли часть громадного государственного сектора в экономике, сохранявшегося в пореформенный период, — колоссальный земельный и лесной фонд, горная промышленность на Урале и в Сибири, военные заводы, централизованная банковская система и пр. Весь этот обширный хозяйственный массив был составной частью государственного аппарата империи и управлялся не предпринимательскими, а бюрократическими методами.

Таким образом, отношение самодержавия и чиновничьего аппарата к процессам модернизации было противоречивым. Принималось лишь то, что укрепляло существующую власть; все остальное, особенно проявления общественной самодеятельности, допускалось с неохотой либо не допускалось вовсе. Реформы 60-х годов XIX в. были пределом модернизаторской деятельности режима, дальше которого он идти не хотел.

Более того, в 80-х годах последовала серия контрреформ — расширение функций полицейского ведомства, введение института земских начальников, стеснивших права крестьянства, и др. В деятельности режима все более явно проступала консервативная ориентация. Особенно заметно она проявлялась в политической сфере. Здесь российское самодержавие обнаружило особое упорство в неприятии даже ограниченных конституционных начал по сравнению с другими странами второго эшелона, где в XIX в. были приняты буржуазные конституции — Грецией (1844 г.), Румынией (1866 г.), Сербией (1869 г.), Японией (1889 г.) и др. Представительная система была

установлена лишь в 1905 г. в результате напора революционных сил снизу. Но и тогда выбранному национальному парламенту — Государственной думе отводилась роль лишь «законосовещательного» органа, деятельность Думы неоднократно приостанавливалась правительством и царем. В целом в пореформенный период второй половины XIX и начала XX в. можно констатировать постепенное угасание творческих потенций самодержавия.

Кто же в этих условиях мог выступить субъектом буржуазной модернизации в России?

Наиболее привилегированным классом в стране было дворянство. Преемники Петра I постепенно стали одарять его различными льготами. В 1762 г. вышел Указ о вольности дворянства, по которому последнее освобождалось от обязательной государственной службы и получало право свободного выезда за границу. Затем дворяне были признаны частными собственниками своих земель (вместе с крепостными) и освобождены от телесных наказаний.

Тем не менее российское дворянство не выросло в независимую и передовую общественную силу. Оно было резко дифференцировано: ничтожная часть дворянства (1,4%) имела владения в полтора раза большие, чем у 78% благородного сословия. Постоянно шел процесс дробления имений. В целом лишь чуть больше одной пятой дворян могли ощущать себя материально независимыми. Положение остальных было немногим лучше, чем их крестьян. Политически же и высшая и низшая группы вели себя пассивно: одни — потому, что нуждались в вооруженной защите государства от своих крепостных, другие — в силу постоянной нужды и ожидания щедрот от монархии. Возникшие среди дворянства оппозиционные течения (например декабристы) выступали не столько как выразители интересов своего класса, сколько даже против этих интересов и потому всегда были в явном меньшинстве. Для основной массы дворянства вольнодумство и интерес к европейским порядкам не шли дальше поверхностного вольтерьянства и платонического просветительства.

Наконец как сельские хозяева, несмотря на отдельные попытки перенять методы европейского фермерства, дворяне в России мало способствовали экономическому прогрессу. Барская психология и возможность пользоваться дешевым крепостным трудом ограничивали проявления предпринимательства в дворянской среде. В этом отношении русские дворяне были не похожи на прусских юнкеров, которые обнаружили активное стремление к экономической модернизации со второй половины XIX в., после завершения аграрной реформы. В России же после отмены крепостного права экономиче-

ские позиции дворянства неуклонно слабели, а полученные выкупные платежи, как правило, проедались. Пожалуй, основной сферой, где дворянство (его средняя, более или менее обеспеченная часть) внесло свою лепту в национальное развитие, явилась культура (XIX — начало XX в.).

Социальный оппонент дворянства — крестьянство было самым многочисленным классом в России. В 1861 г. русский крестьянин наконец-то перестал быть крепостным. Но его положение не улучшилось, скорее ухудшилось. В его распоряжении осталось меньше земли, чем он обрабатывал до реформы, — в пользу помещиков были проведены так называемые отрезки, составлявшие иногда до одной трети крестьянских земель. Но и за оставшийся участок крестьянин должен был платить солидный выкуп — значительно больший, например, чем во время аграрной реформы в Австрии или Германии, где выкупная цена за землю устанавливалась в три раза ниже рыночной. Срок выкупа был растянут на 49 лет, в течение которых в той или иной форме сохранялась зависимость крестьян от помещиков, так как крестьяне были вынуждены арендовать недостающую землю у помещиков или обрабатывать за нее на господском поле. К тому же крестьянин не стал собственником своей земли — на период выкупа крестьянская земля была отдана в собственность сельской общине.

Короче говоря, вся тяжесть выкупной операции была возложена на крестьянство. В результате подавляющее большинство его было практически лишено возможности стать фермерами и вести хозяйство коммерческого типа. У них просто не было необходимого капитала для приобретения сельскохозяйственной техники, породистого скота, улучшенных семян и т. п. Многие не могли даже кормиться сельским трудом. В конце XIX в. русский крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь от четверти до половины своих потребностей. Некоторое развитие товарных отношений в деревне было связано по преимуществу с необходимостью для крестьян продавать свою продукцию для уплаты податей за счет сокращения собственного потребления. Наконец, за 40 лет после реформы население страны увеличилось почти вдвое, и в основном за счет крестьянства. Этот демографический взрыв также привел к ухудшению жизни сельских масс.

Не удивительно, что постепенно нарастала волна крестьянского недовольства. В начале XX в. она вылилась в крупные аграрные волнения. Но это был скорее «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (если использовать выражение Пушкина), чем сознательные классовые выступления. Века подневольного существова-

ния не могли не наложить отпечатка на крестьянское сознание. В нем преобладали мотивы мести помещикам, разрушительные, а не созидательные тенденции. В своей массе русский крестьянин не имел ясной позитивной перспективы. Например, для него были долгое время характерны царистские иллюзии, надежда на «добротого царя», который отберет землю у дворян и отдаст ему.

В основном из крестьянства в России вырос рабочий класс. Численность его была невелика — порядка 2–3% населения. Правда, в связи с быстрой индустриализацией в конце XIX — начале XX в. она росла. Кроме того, социальная и политическая активность пролетариата была пропорционально неизмеримо выше его численности. Забастовки и фабричные бунты стали обычным явлением уже начиная с 70-х годов XIX в., а к началу XX в. рабочие давали почти половину участников революционного движения.

Такая ситуация отчасти объяснялась характером промышленного развития страны в пореформенный период. Форсированное строительство железных дорог, развитие металлургии, машиностроения и ряда других отраслей с применением передовой западной технологии потребовали квалифицированных кадров. Среди городских рабочих сравнительно рано пробудилось стремление к знаниям, к образованию. Почувствовав в них благодатный материал для пропаганды, просветительством рабочих стали активно заниматься оппозиционные политические деятели. Известный писатель Н. А. Рубакин констатировал, что в 90-х годах XIX в. тип «вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих... определился довольно ярко». Организованность рабочих была связана также с высокой степенью концентрации промышленного производства в России: к 1914 г. более половины индустриального пролетариата было сосредоточено на крупных предприятиях, а в таких городах, как Петербург, — до 70%.

Но слой развитых и квалифицированных рабочих в России был очень тонок. Преобладали рабочие первого поколения, близкие к крестьянской психологии и зачастую сохранявшие тесные связи с деревенской жизнью. В целом русский пролетариат был очень пестр по составу и не был способен выработать четкую социальную и политическую ориентацию. Это признавали даже русские марксисты, отводившие рабочему классу роль гегемона революционного движения в России и тем не менее считавшие, что сам по себе пролетариат способен отстаивать лишь свои сугубо профессиональные интересы (Ленин).

Одним из активных поборников модернизации могла бы стать российская буржуазия. Но она появилась слишком поздно (в ос-

новном во второй половине XIX в.) и ее социально-психологический облик во многом определялся теми историческими условиями, которые сложились еще со времен Московской Руси. В России не сформировалось третьего сословия, подобного европейскому. Для этого здесь был слишком силен гнет государства. Русское купечество испытывало его по-разному: то в форме значительных налогов на торговлю, то в результате установления прямой государственной монополии на самые прибыльные товары (зерно, спиртное, меха и др.). Наиболее видные купцы становились по существу государственными агентами, исполняли различные поручения власти — оценивали товары, которые собирался купить царь, руководили отдельными производствами, чеканили монету и пр. На этом они порой обогащались, но могли и впасть в немилость.

Все это вкупе с неблагоприятными условиями для коммерции в России (громадные расстояния, плохие дороги, узость внутреннего рынка, нехватка наличности, преобладание бартера, отсутствие в течение долгого времени правильной системы кредита и бухгалтерии и т. п.) приводило к тому, что в стране слабо шел процесс складывания традиций предпринимательской деятельности. Известный американский экономист Самуэль Барон подсчитал, что в России в XVII–XIX вв. лишь одна купеческая семья из 4 могла продолжать дело в течение двух поколений и лишь одна из 15 — более чем в двух поколениях. Политика государства по отношению к купечеству была противоречивой. Ему то давались различные льготы (например право приобретать крепостных рабочих), то наоборот, предпочтение оказывалось предпринимательским элементам из других сословий — дворянам и отдельным зажиточным крестьянам. Дворяне, как уже отмечалось выше, оказались не слишком способны к коммерческой деятельности. Крестьяне же были слишком стеснены в условиях крепостного строя (хотя некоторые из семей крестьянских староверов стали зачинателями национальной текстильной промышленности).

В целом русские купцы, так же как и ремесленники, обитавшие в городах, лишенных городских вольностей, не стали теми бюргерами, которые в Европе стояли у истоков образования предпринимательского класса. И это дало себя знать во второй половине XIX в., в эпоху промышленной революции. Прежде всего, купеческий капитал неохотно шел в производство. Согласно, например, справочникам 1913 г. почти две трети промысловых свидетельств было взято на торговые предприятия.

Что же касается промышленного капитала, то он развивался под жесткой опекой государства. Царизм выращивал буржуазию путем гарантированных заказов, щедрых субсидий, таможенных барьеров, ограждавших от конкуренции. Все это приводило к зависимости предпринимателей от государства, фаворитизму, продолжению в иной форме системы монополий феодального типа. Конечно, эти процессы захватывали узкий, верхушечный слой российского предпринимательства. Снизу же рос слой так называемых мироедов — ростовщиков и им подобных, которые эксплуатировали население по существу добуржуазными методами.

Далее, росла зависимость российских предпринимателей от иностранного капитала. Его доля в имущественных фондах российской промышленности составляла 36%. Извне контролировалось три четверти фондов российских банков. На заграничную технику приходилось 63% общей стоимости оборудования, да и часть остального оборудования делалась по европейским технологическим образцам.

Если к этому прибавить глубокие экономические и социальные диспропорции, которые сопровождали недолгое развитие русского капитализма (отставание аграрного сектора от индустриального, узость внутреннего рынка, бедность подавляющего большинства населения), то станет понятным, почему русский капитализм, несмотря на сравнительно быстрое развитие в конце XIX — начале XX в., не проявил себя силой, способной ликвидировать или хотя бы существенно уменьшить национальную отсталость. Буржуазная эпоха в России принесла прогресс скорее количественный, чем качественный. Например, в 1913 г. производство угля увеличилось по сравнению с 1861 г. в 100 раз, но производительность труда на одного рабочего — всего в 1,5 раза. В начале XX в. годовая производительность труда на одного рабочего по всей промышленности в России была в 3,5 раза меньше, чем в Европе и США. Располагая дешевым наемным трудом, русские предприниматели не слишком заботились о техническом прогрессе.

Наконец, будучи постоянно зависимой от царского государства, русская буржуазия в своей массе была политически инертной, если не сказать консервативной. В оппозиционном движении она принимала ограниченное участие, да и то на самом позднем этапе. Например, российские промышленники не оказали серьезной поддержки конституционно-демократической партии, в наибольшей степени приверженной демократическим идеям. Партия же, к которой они были наиболее близки («Союз 17 октября»), отличалась склонностью к постоянным компромиссам с монархией и была политически маловлиятельной.

Наибольшую активность в осуществлении модернизации в России проявил промежуточный социальный слой — интеллигенция. Но это — особая тема, которая будет рассмотрена далее.

Модернизация в России и Японии: краткое сравнение

В середине прошлого века известный русский писатель Иван Александрович Гончаров, совершавший кругосветное путешествие на фрегате «Паллада», достиг берегов Японии. Он застал страну за четырнадцать лет до революции Мейдзи, отгороженную от остального мира, почти наглухо закрытую для иностранцев, отсталую, как бы застывшую. Зорким писательским глазом Гончаров сразу заметил этот застой и провинциализм. Он сравнивал японцев с детьми, которые нуждаются в опеке старших. Кто же будут эти старшие, спрашивал он, — Англия, Америка, а может быть, Россия? «Если не нам, то американцам, если не американцам, то следующим за ними — кому бы то ни было, но скоро суждено опять влить в жилы Японии те здоровые соки, которые она самоубийственно выпустила... и одряхла в бессилии и мраке жалкого детства».

Не правда ли, любопытно сейчас, в конце XX столетия, читать, что меньше чем полтора века назад россиянин мог таким манером смотреть на Японию. Но вот интересная деталь. Разгуливая по японскому городу, русский писатель не мог не подивиться «необыкновенной опрятности» японцев. «Все они отличаются чистотой... Не говорю уж о чиновниках: те и опрятно, и со вкусом одеты, но взглянешь и на нищего, видишь наготу или разорванный халат, грязи нет».

Это действительно интересная деталь, не случайная в глазах русского человека. И, пожалуй, не просто деталь. Чистота, порядок, организованность быта — важнейшие показатели культуры общества, его цивилизованности.

Этот эпизод может служить хорошей прелюдией к нашему сравнению. Через несколько лет, после того как Гончаров написал приведенные строки, обе страны — Россия и Япония — стартовали в процессе преобразований. Россия вступила в эпоху реформ 60-х годов, а в Японии началась революция Мейдзи, разбуженная пушками американского адмирала Перри.

У обеих стран много сходного в процессе запоздалой модернизации. Та же определяющая роль государства. Та же форсированная индустриализация, когда развитие, в значительной мере минуя мануфактурный период, начинается прямо с фабрики, строительства железных дорог, тяжелой промышленности. Похожие имперские тенденции. Однако результаты существенно отличаются. Почему?

Прежде всего, этнически Япония являлась несравненно более однородным обществом, тогда как в России национальные противоречия существенно осложняли процесс развития.

Далее, Япония исторически была гораздо более подготовлена к модернизации. Она была тем, что сейчас обозначается термином «передовое традиционное общество». Японский феодализм в ряде черт был типологически близок европейскому, в недрах которого, как известно, впервые в истории зародился капитализм. Частная собственность возникает в Японии уже в средневековый период. Значительное развитие еще до революции Мейдзи получают мануфактура и торговля. Что же касается сельского хозяйства, то благодаря ряду нововведений еще в XVII–XVIII вв. рисоводство постепенно становилось интенсивным и давало весьма высокие урожаи. Во всяком случае, по подсчетам специалистов, Япония в начале периода Токугава могла кормить 30 млн человек на такой же по площади территории, на какой Европа того времени кормила только 5–10 млн человек.

Можно отметить также некоторые особенности японской традиционной системы управления. Уже с XVII в. японское государство превосходит многие черты современной бюрократии. В токугавский период профессиональное военное сословие (самурай) частично превращается в бюрократию — «правлящий салиариат, отделенный от земли». Эта прослойка обладала некоторыми чертами веберовской «рациональной» бюрократии. Во всяком случае именно бюрократы-самураи сыграли значительную роль в модернизации государственных структур в Японии в период Мейдзи.

Уровень грамотности в Японии в конце XVIII — первой половине XIX в. составлял по разным оценкам от 40 до 60%. Это, может быть, даже более высокий показатель, чем в европейских странах на сопоставимом отрезке исторической эволюции. Самое же главное, что это — признак связи между культурной элитой и остальным населением, возможность для образованного слоя влиять на массовые слои в эпоху модернизации и переоценки ценностей.

Наконец, в Японии в течение ряда предшествующих веков самостоятельно складывалась исторически своеобразная социальная организация «изэ» — тип коллективизма на семейной основе, в котором, однако, постепенно открывались возможности проявления и самоутверждения личности (при доминанции коллективного начала). Это — обстоятельство громадной важности. Можно сказать, что японцам впервые среди так называемых стран запоздалого развития удалось решить проблему, одну из ключевых с точки зрения модернизации в данных условиях, — проблему синтеза

традиционного коллективизма и индивидуализма. Как показал последующий опыт стран второго и третьего эшелонов (в том числе и России), иные попытки решения — простое сохранение традиционного коллективизма или, наоборот, его насильственная ломка и прямолинейное насаждение индивидуализма — не приводят к успеху.

Перечисленные черты и особенности уходят корнями в почву культуры, характер японской цивилизации. Позитивная роль культурного фактора — вот что составляет главное отличие, определившее более успешный исход модернизации в Японии по сравнению с Россией.

Дело заключалось не только в том, что исторически японская цивилизация была более древней, чем российская, что она не знала крупных катастроф, нашествий, разрушений. Японская традиционная культура выработала такие ценности, которые хорошо вписались в процесс национальной модернизации. Попробуем кратко отметить некоторые из них.

Во-первых, синтоизм — древняя религия Японии, согласно которой японцы произошли от богов («ками»), что персонифицируется в личности императора. Революция Мейдзи была одновременно реставрацией императорской власти и синтоизма как государственной религии. Синтоизм воплощал японский патриотизм, призванный доказать окружающему «варварскому» миру духовную состоятельность японцев, их способность усвоить технологические достижения Запада без ущерба для национального самосознания (лозунг «Японская этика плюс западная техника»).

Синтоизм — разновидность язычества, особенностью которого, как известно, является наделение душой всех окружающих явлений и предметов. У многих народов язычество было оттеснено «высокими» мировыми религиями. В Японии же синтоизм дожил до эпохи промышленной революции, да еще в качестве объединяющего национального символа. И это неожиданно помогло научно-техническому прогрессу, эффективному освоению техники, которая не являлась для японского инженера или рабочего мертвым миром, объектом лишь механической деятельности.

Далее — культура выращивания риса, на основе которой сформировался японский коллективизм, общинность, внедрившиеся затем и в капиталистическое производство.

Далее — конфуцианские корни японской цивилизации. Это — конфуцианская этика долга («он», «гири»), культ семьи и предков, отношения между отцом и сыном, руководителем и подчиненным что столетиями определяло моральный климат в стране и что до сих

пор скрыто или явно проявляется в различных сферах экономики, политики и частной жизни.

Это также «измото» — модель социальной организации по типу отношений учителя с учеником на основе взаимозависимости. Это — психология «амаэ», ориентирующая японца на благожелательное отношение к зависимости от другого, что обусловило периодическую «открываемость» японской цивилизации влиянию извне (сначала Китаю, затем Западу).

Это — принцип «кокутай», согласно которому для среднего японца государство испокон веков было сложным натуральным организмом, неким целым, частицей которого он был сам и которому он готов был приносить определенные жертвы. Отсюда, например, способность японского рабочего в течение долгого времени терпеть заниженную оплату труда, столь характерную для стран запоздалого капитализма, вынужденных нагонять других.

Кроме синтоизма и конфуцианства структурообразующим элементом японской цивилизации являются буддистские ценности. В варианте дзэн буддизм привил японцам вкус к созерцанию, интуитивно-чувственному постижению мира, «соразмерному», эстетическому восприятию окружающего. С этим связаны изумительное японское умение распорядиться пространством, стремление к минимизации, оптимальность технического дизайна. От буддизма (а также, возможно, даосизма) распространилась еще идея «равенства», эгалитаризма, поскольку, согласно буддистско-даосской метафизике, все люди обладают возможностями для самосовершенствования.

Равенство по-японски существенно отличается от европейского понимания. В западном смысле эгалитаризм, социальная справедливость — это скорее равенство возможностей, но никоим образом не достижений и, соответственно, получаемого вознаграждения. В Японии же так называемая система пожизненного найма в фирмах и государственных учреждениях основана на различиях в оплате труда в зависимости от возраста, но не по индивидуальным качествам.

Откуда такое усреднение, своего рода уравниловка? Здесь заложена своеобразная и глубокая идея, уходящая корнями в национальные духовные традиции. А именно: безусловно, по своим способностям, а следовательно по результатам труда, люди не равны. Но ведь способность — это не заслуга человека, это, что называется, дар Божий. Другое дело — умение человека дисциплинировать себя, выкладываться на своем уровне, по своей мерке. Если индивид добивается этого, он как личность достоин уважения. Стало быть, в возможности работать на своем максимуме люди в принципе равно-

ценны. И если два неравных по своим природным потенциям человека трудятся в полную силу (каждый в свою), то справедливо будет платить им примерно одинаково. Вот японская логика в отличие от западного подхода. Ее достоинство заключается не только в эффективном стимулировании индивидуальной трудовой активности, но и в избегании значительных социальных контрастов в обществе.

Конечно, процесс модернизации в Японии отнюдь не проходил гладко и безболезненно. Здесь также имели место противоречия и трудности, болезненные рецидивы традиционализма, проявления национализма и имперского великодержавия. Это особенно развилось в период после Мейдзи. Потребовалось военное поражение, чтобы преодолеть националистические имперские амбиции, а также воздействие американской оккупационной администрации, которая блокировала консервативные силы и дала толчок позитивным экономическим и политическим реформам в послевоенной Японии. Но было бы неверно связывать успехи модернизации в Японии лишь с послевоенным периодом и внешним воздействием. В действительности все основные предпосылки модернизации были заложены еще в период Мейдзи, а также в предшествующей традиционной культуре.

На фоне японского примера особенно отчетливо видны социокультурные особенности России, затруднившие процесс модернизации. Как уже отмечалось, в России по разным историческим причинам не сложилось передового традиционного общества, развитой традиционной культуры. Гипертрофированная власть государства ограничивала естественные проявления общественной самостоятельности. Институт частной собственности появился в России лишь в конце XVII в. — да и то он был условным, дарованным государством весьма узкому дворянскому слою. Трудовая и предпринимательская этика плохо формировалась в атмосфере политического произвола и крепостных отношений. Русская община, в отличие от японской «*иэ*», не способствовала развитию индивидуального начала и в значительной мере была фискальным инструментом в руках государства.

Также иную картину мы наблюдаем в сфере верований. Язычество было национально значимой религией лишь в ранний период Киевской Руси, затем оно сохранялось преимущественно на бытовом уровне, в форме различных суеверий. Что же касается христианства, то русская православная церковь унаследовала от Византии традицию тесной связи с государственной властью и подчинения ей. Поэтому в политическом и социальном плане русское православное духовенство было гораздо более пассивно по сравнению с

католичеством, протестантизмом и даже некоторыми восточными религиями. Например, русская церковь мало способствовала развитию образования. Низшие, церковноприходские школы возникли только в 1839 г. (20 тысяч учащихся), через 40 лет в них училось впятеро больше детей. И хотя появилась еще земская начальная школа, все же первичное образование охватывало лишь небольшую часть основного населения. Так, на 1890 г. среди сельского населения числилось всего более 17% умеющих читать и писать. В это же время в Англии и Франции было грамотным более 90% населения, в Пруссии — 89%. Но и в Японии к концу XIX в. уже около 90% мальчиков посещали хорошо организованные начальные школы. Среднее и тем более высшее образование в дореволюционной России было по преимуществу уделом высших сословий.

Таким образом, наиболее серьезное отличие от японского примера — гораздо меньшая степень социальной и культурной гомогенности российского общества. Образованная элита (включая сферу управления) была отделена от остального населения не только культурными, но и социальными барьерами. Заложенное еще в доиндустриальный период, это противоречие в полной мере дало себя знать на этапе модернизации.

§4. НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ

До сих пор наше внимание было направлено на макропроцессы в русской истории — то, что в марксистской теории называется «общественным бытием». Обратимся теперь к общественному сознанию. Частично эта тема уже затрагивалась, когда речь заходила, например, о психологии крестьянства или о менталитете бюрократии в проекции их отношения к модернизации. Самодержавное государство, аппарат власти понимали модернизацию (и осуществляли ее) в духе имперской модели. Но существовал и альтернативный вариант модернизации (их было даже несколько), который стал вырабатываться примерно с конца XVIII — начала XIX в. политической оппозицией, сосредоточенной в образованных слоях. Его-то нам сейчас и предстоит рассмотреть.

Модернизация протекает в определенной национальной среде, предполагает выработку проекта национального развития. Это связано с возникновением чувства национальной идентичности, что в странах запоздалой модернизации во многом стимулируется осознанием отечественной отсталости, стремлением достичь уровня более развитых стран. Иногда этот идеологический процесс направляется государством, иногда происходит помимо него. В России с начала XIX в. события развивались по второму сценарию — по мере того как обнаруживались противоречия имперской модели и углублялся конфликт между государством и обществом.

У истоков национального самосознания

Отечественная война 1812 г. вызвала в России подъем национальных чувств. Затем, когда русская армия пришла в Европу, возникло более сложное ощущение: сравнение русских порядков с европейскими. «Войска от генералов до солдат, пришедши назад, — вспоминал писатель А. А. Бестужев (Марлинский), — только и толковали: «Как хорошо в чужих землях». Сравнение со своим естественно произвело вопрос: почему же не так у нас?». Среди гвардейских офицеров возникли тайные общества, имевшие целью реформы в европейском духе —

отмену крепостного права и введение конституционного правления. 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге революционные офицеры подняли военное восстание, которое, однако, закончилось разгромом мятежных войск. На престол взшел царь Николай I, и на тридцать лет в России установилась эпоха консервативного застоя.

Возникновение национального самосознания в образованных слоях российского общества приходится как раз на этот период. Данный процесс стимулировался несколькими факторами. Во-первых, реакцией на выступление декабристов. Их поражение тяжело переживалось передовой общественностью в России. Дело было не просто в военной неудаче, но в несостоятельности всего замысла — просто, что называется с ходу, водворить институты и нормы европейской жизни в России. Как выяснилось, они были непонятны и чужды большинству общества — не только многим дворянам или чиновникам, но и крестьянству, трудовому люду. Декабристские офицеры были даже вынуждены скрывать от своих солдат подлинные цели своей акции.

Что вообще нужно России? Каковы внутренние закономерности ее существования и возможности развития? Эти вопросы волновали мыслящих русских людей в 30–40-е годы XIX в. Порицая декабристов или не считая возможным идти по их пути, они вместе с тем мучительно ощущали отсталость своей страны по сравнению с Европой, тем более что в душной атмосфере николаевской России они не видели выхода из тупика. Это вызывало у многих тоску и уныние, порой даже подлинное отчаяние.

Но человек не может долго существовать в состоянии безысходности. Именно самый глубокий пессимизм рождает надежду, стремление к разрешающему исходу. И стремление это в рассматриваемую эпоху питалось тем, что можно назвать национально-патриотическим чувством, националистическим настроением.

Это явление мы видим во многих странах второго и третьего эшелонов модернизации. В условиях запоздалого развития капитализма, при преобладании традиционных или полутрадиционных структур национализм складывается как соединение буржуазных, традиционных и антикапиталистических ценностей. Этот своеобразный симбиоз выполняет определенную задачу — идейно обеспечить преодоление отсталости, служить импульсом развития. Такого рода национализму всегда свойственна амбивалентность: констатация отсталости соседствует с отрицанием ее, с всемерным возвеличением своей родины, ее прошлого, ее культуры, что выполняет функцию идейно-духовной компенсации.

Поэтому в николаевскую эпоху, когда у россиян были все основания для пессимизма и уничтожения перед развитыми странами, происходит, пожалуй, самый значительный и сильный во всем столетии подъем национально-патриотических чувств. Например, будущий революционер Н. П. Огарев в 1841 г. в частном письме поет восторженный гимн славянству, России, которые превосходят по своим потенциям другие народы. И хотя они «пока еще ничего не произвели», «еще не жили», но «они будут жить и производить». Знаменитый русский писатель Николай Гоголь в романе «Мертвые души» сравнил Россию с могучей «птицей-тройкой», которая летит куда-то вперед, а перед ней расступаются другие народы и государства.

Оборотной стороной этого национального возвеличивания было национальное самоуничужение, признание отсталости России. Такая противоречивость была и по отношению к Европе: признание ее превосходства, ее большей развитости сочеталось со стремлением как-то преуменьшить эту развитость, найти «пятна на солнце».

Это стремление легко находило себе пищу. Социальные контрасты и противоречия нарождающегося капитализма на Западе были видны невооруженным глазом. В одной из своих статей 1830-х годов великий поэт Александр Пушкин писал: «Прочтите жалобы английских фабричных рабочих: волосы встанут дыбом от ужаса... Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой, какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смифта или об иголках г-на Джаксона...».

«Язва пролетариата» — это понятие в 30–40-е годы для русских мыслителей стало своего рода символом, обозначением внутренней несостоятельности европейского буржуазного прогресса. Фиксировались и другие оборотные стороны буржуазного развития: гипертрофированное чувство собственности, эгоизм, индивидуализм и т. д.

Под этим углом зрения передовая российская общественность 30–40-х годов восприняла и все более распространявшиеся в Европе течения социализма. Для русских мыслителей идеи А. Сен-Симона, Р. Оуэна и других были как бы фактом самокритики европейской цивилизации, указанием на противоречия буржуазного прогресса в развитых странах. «Европа требует новой жизни», — констатирует Огарев в рукописи 30-х годов. Но тем самым как бы сокращалась дистанция, отделявшая Россию от развитого мира; сама эта развитость подвергалась сомнениям и переоценке; отпадала необходимость

перенимания того, что содержало в себе серьезные внутренние изъяны; возникала возможность и необходимость поисков каких-то иных путей ликвидации национальной отсталости.

В укреплении подобных настроений сыграла немалую роль реакция на июльскую революцию 1830 г. во Франции, после которой, как вспоминал позднее А. И. Герцен, «в России потеряли веру в политику; там стали подозревать бесплодие либерализма и бессилие конституционализма». И это также выражало критическое отношение к складывающейся на Западе буржуазной цивилизации, стремление обнаружить в ней те или иные пороки — даже по сравнению с обществами докапиталистического типа.

Итак: переоценка опыта декабристов и отрицание «политики» в смысле возможности перенесения западных форм; поиски глубинных исторических закономерностей и путей исторического действия, не сводящихся к просветительскому «разумному совершенствованию» извне; сознание глубокой отсталости России и преодоление этого пессимизма в национально-патриотическом одушевлении; уважение к развитой Европе и вместе с тем все более активная фиксация пороков буржуазной цивилизации — таковы были исходные элементы, характерные для общего идейного климата в передовой среде русского общества последекабристского периода. Их надо было объединить в единую концепцию, которая заключала бы решение стоящих перед страной задач. Это и пытались делать, каждый на свой лад, представители различных общественных течений и групп.

**П. Я. Чаадаев:
отсталость имеет
преимущества**

Первая попытка такого рода принадлежала известному русскому философу Петру Яковлевичу Чаадаеву.

Чаадаев был членом тайного общества декабристов, но активного участия в его деятельности не принимал. За два года до вооруженного выступления своих друзей-офицеров он уехал за границу. Путешествие по европейским странам и знакомство с западными порядками произвели на него сильное впечатление. Но за границей он не остался и вернулся в Россию, несмотря на то, что после 14 декабря 1825 г. власти преследовали всех, кто так или иначе был связан с декабристами. Чаадаев тоже подвергся домашнему аресту и ссылке в принадлежащую ему деревню. Там он и написал свои знаменитые «Философические письма» — размышления о судьбах России, о ее прошлом и будущем. За опубликование в 1836 г. первого «Философического письма» Чаадаев был по распоряжению царя Николая I объявлен сумасшедшим, к нему был приставлен врач. Но эта недостойная

акция только добавила Чаадаеву и его идеям популярности в общественном мнении.

О чем же писал Чаадаев? Исходное настроение «Философических писем» близко к тотальному пессимизму. Их автор ощущает себя живущим в Некрополисе, в мертвенном и застойном обществе, которое не имеет своего культурно-творческого прошлого, существует лишь бездумными заимствованиями, коснеет в глубоком рабстве. Отторгнутая от западного христианства в результате разделения церквей, Россия, по мнению Чаадаева, оказалась лишенной источника развития. Напротив, Европа сумела достичь столь высокого расцвета благодаря напряженным многовековым религиозным поискам. Именно на пути разрешения проблем истины и веры западная цивилизация обрела «идеи долга, закона, правды, порядка», то есть то, чего столь остро не хватало России. Строгая, сгущенная, если не сказать безнадежная, оценка русской действительности, высказанная в напечатанном «Философическом письме», произвела огромное впечатление на умы соотечественников.

Многие современники и потомки воспринимали Чаадаева как западника, чуть ли не апологета католицизма. Но чаадаевский критицизм по отношению к собственному отечеству был движим самой искренней и горячей любовью к нему, напряженно искавшей выхода, способов преодоления национальной отсталости. Выход нашелся довольно скоро. В письме к А. И. Тургеневу 1835 г. (т.е. после написания «Философических писем») Чаадаев начинает с прежних положений об историко-культурной бедности российской цивилизации. Но вывод из этого следует неожиданный: «Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти изо лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам».

Здесь едва ли не впервые высказан тезис, оказавший сильнейшее влияние на всю последующую общественную мысль в России: отсталость есть не только минус, но и огромное преимущество. Для национально-патриотического сознания это было своего рода открытием, настраивавшим на весьма оптимистические перспективы. В том же письме А. И. Тургеневу Чаадаев простирает свои мечты настолько далеко, что утверждает: «Мы призваны... обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого... Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит

наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу».

Но на чем же основано преимущество отсталости? Во-первых, как это явствует из указанного письма, на возможности перенимать готовое, начинать сразу с высокой фазы развития, достигнутой другими нациями. Другой пункт Чаадаев формулирует спустя два года в письме к тому же А. И. Тургеневу: по сравнению с западными народами «мы имеем... великие преимущества, бескорыстные сердца, простодушные верования, потому что мы не удручены, подобно им, тяжелым прошлым, не омрачены закоснелыми предрассудками и пользуемся плодами всех их изобретений, напряжений и трудов». Итак, второе преимущество — свежесть, наивность, неиспорченность, открытость любому позитивному влиянию, историческая юность, необремененность долгим вековым развитием.

Тему преимущества отсталости Чаадаев подробно развивает в неоконченной статье «Апология сумасшедшего». Он сравнивает Россию не только с Западом, но и с Востоком, между которыми Россия занимает как бы срединное положение. Хотя христианская Европа и восточные цивилизации, по мысли Чаадаева, различны, но их объединяет одна черта — они выработали сложный и разветвленный комплекс традиций, которые уже затвердели и окостенели, препятствуют дальнейшему росту. И это свидетельствует об их «завершенной жизни», об исчерпанности отпущенного им жизненного цикла. Таким образом оказывается, что Европе мешает... ее развитость, историческая зрелость, которая становится не только достоинством, но и недостатком.

Напротив, Россия, по словам Чаадаева, готова к стремительному культурному старту. Ибо «мы девственным умом встречаем каждую новую идею. Ни наши учреждения, представляющие собою свободные создания наших государей или скудные остатки жизненного уклада, вспаханного их всемогущим плугом, ни наши нравы — эта странная смесь неумелого подражания и обрывков давно изжитого социального строя, ни наши мнения, которые все еще тщетно силятся установиться даже в отношении самых незначительных вещей, — ничто не противится немедленному осуществлению всех благ, какие Провидение предназначает человечеству. Стоит лишь какой-нибудь властной воле высказаться среди них — и все мнения стусеиваются, все верования покоряются и все умы открываются новой мысли, которая предложена им».

Вот и еще одно преимущество отсталости: воспитанная веками привычка повиноваться в принципе может обеспечить высокую социальную, политическую и культурную мобильность. Рабство, кре-

постное право, столь решительно обличенное Чаадаевым в первом «Философическом письме», начинает становиться под его пером не только недостатком, но и достоинством. «Просмотрите от начала до конца наши летописи, — констатирует он, — вы найдете в них на каждой странице глубокое воздействие власти, непрестанное влияние почвы, и почти не встретите проявлений общественной воли. Но справедливость требует также признать, что, отрекаясь от своей мощи в пользу своих правителей, уступая природе своей страны, русский народ обнаружил высокую мудрость». Ибо, сохранив силы и воспитав в себе дисциплину повиновения, русская нация оказывается потенциально способной на быстрый рывок в своем развитии. Более того, автор «Апологии сумасшедшего» глубоко убежден, что «мы призваны решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество».

Не удивительно, что при такой эволюции взглядов Чаадаев на какое-то время сближается со славянофилами. И все же он не стал славянофилом. Националистические увлечения никогда не подавляли присущие ему изначальные импульсы — признание превосходства западной цивилизации и острый критицизм отечественных порядков. Аналогичным образом, несмотря на прорывавшиеся иногда ноты великодержавного мессианизма, Чаадаев в целом сохранял оппозиционность самодержавно-крепостническому режиму.

Значение Чаадаева для эпохи 30–40-х годов, да и для последующей общественной мысли велико. Он не только прервал «рабье молчание», произвел, по выражению Александра Герцена, «выстрел в темную ночь». Он один из первых продемонстрировал столь искавшийся его современниками механизм перехода от пессимизма к оптимизму и надежде. Он первый заговорил о преимуществах отсталости, о том, что в неразвитости таятся потенции развития, в ничтожестве — могущество, в рабстве — перспектива обрести свободу. И эти его идеи были оценены вполне.

Славянофилы Если Чаадаев усматривал преимущества России в ее отсталости и с ней связывал шансы будущего, то славянофилы подвергли сомнению саму эту отсталость и сделали акцент на преимуществах российского прошлого, достоинствах русской цивилизации. Славянофильство явилось наиболее ярким выражением националистических тенденций 30–40-х годов.

Становление и развитие славянофильства происходило в контексте тех проблем эпохи, о которых шла речь выше. Это хорошо видно на примере одного из наиболее крупных теоретиков славяно-

фильства И. В. Киреевского. Как и у Чаадаева, его отправной точкой в статье «Девятнадцатый век» в начале 30-х годов была пессимистическая констатация отсталости России по сравнению с Западом, которую он объяснял тем, что из трех основных элементов, составлявших европейскую цивилизацию (христианство, варварство, античность), России не хватало последнего, древней классической образованности. Поэтому в России отсутствовало то, что Европа почерпнула из античного наследия, — римское право, самоуправление вольных городов, образованность католической церкви, политическая мобильность среднего сословия, Возрождение. Переворот Петра I был не столько органическим развитием, сколько внешним нововведением.

Однако затем в статье «В ответ А. С. Хомякову» (1839), написанной в период идейного и организационного оформления славянофильского течения, И. В. Киреевский вводит в свою концепцию иные акценты. А именно: особенностью западной цивилизации является «торжество рационализма над внутренним духовным разумом». Это — односторонность, которая в конечном счете привела к утрате веры, всеобщему эгоизму, индивидуализму, гипертрофированному утилитаризму и собственничеству, поскольку христианское чувство на Западе «исказилось своемыслием». В России же, наоборот, всегда имел место примат веры над разумом, разума над рассудком, общинности над индивидом. Не укоренился в России и институт собственности, прежде всего собственности на землю.

Еще более решителен в реабилитации российской истории признанный лидер славянофильства А. С. Хомяков. В статье «О старом и новом» (1839) он подымает на щит «прежнюю жизнь России», где существовали и грамотность простых людей, и суд присяжных в северных областях, и деятельное монастырское духовенство. И хотя Хомяков не закрывает глаза на темные стороны русской истории и жизни (крепостничество прежде всего), его статья заканчивается фанфарами: «Нам стыдно было бы не перегнуть Запада. Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собою. Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни частной, в судопроизводстве, в отношении людей между собою; но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала, раздорами внутренними, игом внешних врагов. Западным людям приходится все прежнее отстранять как дурное и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и жизнь. Надежда наша велика на будущее». Это националистическое, черно-белое проти-

вопоставление Запада и России постепенно нарастает у славянофилов, доходя порой до геркулесовых столпов ослепления. По временам они приходили к проповеди откровенного культурного изоляционизма. Даже И. В. Киреевский, который сначала достаточно трезво предупреждал своих единомышленников против того, чтобы односторонне отрицать все западное, переменял точку зрения. В статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» он предлагал создать чисто национальную систему образования. Тогда в России появится «наука, основанная на самобытных началах, отличных от тех, которые нам предлагает просвещение европейское».

Конечно, при всей своей идеализации допетровской России и патриархальности славянофилы не могли отрицать и не отрицали необходимости привнесения в Россию технического прогресса, образованности, демократических реформ. Но модернизация мыслилась ими лишь на основе элементов национальной культурной традиции. Главнейшим из них они считали крестьянскую общину. Интересно, что на эту идею их натолкнула книга прусского барона Августа Гактсгаузена, который побывал в России и воспринял русскую общину как спасение от «язвы пролетариата», индивидуализма и тому подобных вещей.

Хотя славянофилы не были социалистами, но в их воспевании общины были мотивы, сходные с идеями европейских социалистов. Например, А. С. Хомяков доказывал, что община должна стать главным институтом в России и «община промышленная есть или будет развитием общины земледельческой». Правда, замечал Хомяков, «я не знаю ни одного примера совершенно промышленной общины, так сказать, фаланстера, но много есть похожего; например, есть мельницы, эксплуатируемые на паях, есть общие деревенские ремесла...». Он и его единомышленники полагали, что Россия со своей общиной лучше разрешит те проблемы, которые выдвигают европейские социалисты.

**«Русский
социализм»
Герцена—
Огарева**

Родоначальниками социализма в России считаются Александр Герцен и Николай Огарев — видные деятели революционного движения середины XIX в. Еще мальчиками они дали «аннибалову клятву» бороться с царизмом и про-

должать дело декабристов.

Потом они убедились, что методы декабристов уже неприменимы, но клятве своей остались верны. Уехав в Европу, они основали бесцензурную русскую печать за границей, которая сыграла боль-

шую роль в становлении радикальной политической оппозиции в России.

У себя на родине Герцен и Огарев были одними из первых, кто увлекся идеями А. Сен-Симона, Ш. Фурье и других ранних европейских социалистов. Вместе с тем в их идейном формировании проявились все те тенденции, которые были характерны для их поколения: антибуржуазная направленность и критика социальных контрастов раннекапиталистического периода в Европе, патриотизм и огромная вера в особую историческую роль России, поиски путей преодоления национальной отсталости и пр. Главное же, они искали пути перенесения социалистических идеалов на национальную почву. Отчасти здесь помог феномен русской общины, на который их внимание обратили славянофилы.

В окончательном виде концепция «русского социализма» появилась в начале 50-х годов. Толчком к ее созданию стало разочарование Герцена в результатах европейских революций 1848 г., которые не принесли ожидавшегося им социализма. С тем большими надеждами обратился он к собственному отечеству, к которому, по его мнению, теперь переходила революционная инициатива.

В теории «русского социализма» многое из того, что было прежде сформулировано российскими мыслителями 30—40-х годов (в том числе самими Герценом и Огаревым), развито и доведено до логического конца. Например, тезис о преимуществе отсталости. «Неспособность» и «неполнота» российской цивилизации, без обвинянок заявляет Герцен, «великие таланты в наших глазах». «Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее ее, что так отстаем от нее. Либералы боятся потерять свободу — у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности — правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав — нам их еще надобно приобретать». Преимущество отсталости состоит в готовности русских людей пойти сразу на «социальный переворот», перейти к социализму, потому что им, можно сказать, нечего терять, кроме своих цепей.

Под пером Герцена даже отсталость России становится порой номинальной — ведь европейские революции 1848—1849 гг. доказали, по его мнению, свою регрессивность и антинародность, обнажили тупик, в который зашло западное общество. «Конец политических революций и восхождение нового мирозерцания — вот что мы должны проповедовать, — писал он друзьям в Россию в сентябре 1849 г. — ...Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм — тот же падающий мир. Есть различия: например, в Швейцарии гласность не имеет предела — печатай, что хочешь; в

Англии есть ограждающие формы, но если мы поднимемся несколько выше, то разница между Парижем, Лондоном и Петербургом — исчезнет, а останется один факт — раздавленное большинство толпою образованной, но несвободной...»

У Герцена нет, как у славянофилов, доминирующего антизападничества. Наоборот, он считал, что «будущее России никогда не было так тесно связано с будущим Европы, как в настоящее время... Национальный элемент, привносимый Россией, — это свежесть молодости и природное тяготение к социалистическим установлениям».

Таким образом, в концепции «русского социализма» сделана попытка соединить национальное и универсальное, вписать Россию в контекст мирового прогресса. В своем обосновании возможности некапиталистического развития России Герцен исходит из принципа всемирности исторического процесса, из социализма как универсальной закономерности развития человечества. Если социализм, рассуждает он, уже определился как направление исторического движения передовых стран Европы, то «не странно ли нам повторять теперь всю длинную метаморфозу западной истории, зная вперед ее *le secret de la comédie*...» Таким образом, перспектива минования капитализма обосновывается возможностью отставших стран учиться у стран развитых, перенимать их достижения и избегать ошибок. «...Хорошие ученики часто переводятся через класс».

Но в этом процессе чрезвычайно важны благоприятствующие национальные предпосылки. Главная из них состоит в том, что к моменту возможного и столь кардинального исторического поворота Россия сумела сохранить «свою незаметную скромную общину, то есть владение сообща землею, равенство всех без исключения членов общины, братский раздел полей по числу работников и собственное мирское управление своими делами». Именно эти принципы — «общинность» производства, эгалитаризм распределения, демократизм — лежат в основе появившегося и крепнущего в Европе социализма. Пример развитых стран указывает отставшей стране цель, а ее собственный институт общины — средства ее достижения.

Отсталая страна не просто должна догонять развитые страны и учиться у них, но и совместно с ними и вместе с тем самостоятельно решать общую задачу достижения социализма. На Западе, рассуждает Герцен, выработаны свобода личности и демократические нормы, — но они во многом «поглощают личность». «...Как снять их противоречие; как сохранить независимость бри-

танца без людоедства (т.е. без всеобщей конкуренции. — В.Х.), как развить личность крестьянина без утраты общинного начала? В этом-то вся мучительная задача нашего века, в этом-то и состоит весь социализм».

Отсюда необходимость различных, параллельных путей к одной и той же цели. «Безумно было бы начать переворот с уничтожения свободных учреждений (в развитых странах. — В.Х.), потому что они на деле доступны только меньшинству; еще безумнее уничтожить общинное начало, к которому стремится современный человек, за то, что оно не развило еще свободной личности в России». Насильственное уничтожение традиционных коллективистских институтов — хотя бы из просветительских, цивилизаторских побуждений — может принести отсталой стране только вред; пример тому — поведение англичан в Индии.

Подобного рода соображения свидетельствуют о том, что Герцен, как вслед за ним Н. Г. Чернышевский, уже не ограничивал рамки своих построений только Россией, но нащупывал «алгебраическую» формулу развития отставших стран в целом, которые на пути модернизации и прогресса должны не только не уничтожить сохранившиеся формы традиционного коллективизма (наподобие общинных обычаев, форм соседской трудовой взаимопомощи и пр.), но и использовать их для перестройки общественных отношений в социалистическом духе. Такой путь развития отставшей страны является не просто желательным, но и наиболее естественным, отвечающим ее национально-культурным традициям и существующим социальным структурам. В этом также проявляется универалистский, интернациональный характер «русского (или «общинного») социализма».

По мнению Герцена, такая страна, как Россия, по сравнению с европейскими странами имеет несколько не меньше шансов для достижения социализма. Более того, у нее даже есть определенные плюсы. Главное преимущество — в наличии общины, ибо с точки зрения обеспечения социализма дух коллективизма важнее, чем свобода личности. Поэтому «наша невозделанная почва, наш чернозем *способнее* для посева зерна, собранного с западных полей», — так вывод Герцена.

В окончательной редакции герценовского «русского социализма» сохраняется и даже углубляется острая критика европейской буржуазной цивилизации. Основной порок Запада, по мысли Герцена, — «мещанство», гипертрофированное приобретательство и собственничество, которое явилось результатом отчуждения трудящегося от средств производства (прежде всего от земли). Поэ-

тому «немецкий крестьянин — мещанин хлебопашества, работник всех стран — будущий мещанин». Поэтому существует опасность, что индустриальный Запад не сможет пробиться к социализму и «мир безземельный, мир городского преобладания, до крайности доведенного права собственности... весь пройдет мещанством».

В этой критике буржуазной цивилизации немало аристократических и романтических обертонов. Но вместе с тем Герцен сумел схватить некоторые тенденции, которые действительно стали проблемами для современного Запада. Например, проблема растущей стандартизации жизни, обезличивание личности и ее духовного мира, утрата «подлинности» человеческой деятельности и творчества и т. д. — «все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни личного вкуса... самодержавная толпа сплоченной посредственности...». Не менее ярко под пером Герцена вырисовываются будущие экологические проблемы. «Взгляните на темные сырые переулки, — писал он о Лондоне, — на население, вросшее на сажень в землю... посмотрите на реку, текущую гноем и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только город, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимые условия цивилизации?»

Одно время Герцен был убежден в «тупиковости» европейского развития и связывал надежды на социализм и прогресс только с Россией. Однако мессианистские мотивы не были для Герцена определяющими. Он признавал (особенно в конце жизни, когда он, по выражению Ленина, «обратил свои взоры... к Интернационалу») собственную дорогу к социализму на Западе, «рабочий социализм». Но одновременно он отстаивал некапиталистический путь развития России через крестьянскую общину.

Свою принципиальную позицию Герцен выразил в следующей емкой формуле: Запад и Россия пойдут к одной цели, но «не по одной дороге — вы пролетариатом к социализму, мы — социализмом к свободе». Нельзя не отдать должное проницательности Герцена: несмотря на свою приверженность социализму, он понимал, что социализм приводит к ущемлению прав личности. Зародыши этого он мог наблюдать как среди европейских социалистов, так и особенно среди их российских коллег и не раз выступал против присущей многим социалистическим течениям черты «казарменности», диктата коллектива над человеком. По большому историческому

счету Герцен оказался прав: утвердившийся в XX в. в ряде стран мира социализм в конце концов вынужден был искать пути к «свободе».

Проделанный анализ приводит нас к некоторым важным выводам.

Во-первых, зарождение социализма в России было связано не с простым заимствованием соответствующих идей из Европы, но со становлением национального самосознания. Возникновение патриотического подъема, даже национализма было не случайно — оно стимулировалось осознанием отсталости России от уходивших вперед европейских государств, пониманием необходимости модернизации полноценной, а не такой, которая до сих пор проводилась в России в духе имперской модели. Социализм в России и стал по существу альтернативным проектом национального развития. Для многих образованных русских людей социалистическая идеология оказалась привлекательной по ряду причин. Социализм указывал вектор развития, совпадающий с мировым (ведь социалистическое движение родилось в развитой Европе); сокращалось расстояние между Россией и развитыми странами (принцип минования буржуазной стадии). Социалистические идеи опирались на национальные культурные традиции (изначальный коллективизм и общинность русского человека), отвечали антибуржуазной тенденции общественного сознания, столь характерной для стран запоздалой модернизации.

Конечно, как общественное направление социализм в России утвердился не сразу. Но он довольно быстро превратился в наиболее влиятельное течение политической оппозиции. «Русский социализм» Герцена — Огарева (а позднее Чернышевского) дал жизнь народничеству. От последнего потом отпочковался марксизм. Разумеется, в России были и другие оппозиционные течения, например, либеральное. Но они в той или иной мере испытывали на себе воздействие социалистических идей, никогда не могли полностью отмежеваться от социализма, что снижало их оригинальность, идейное и политическое влияние.

Во-вторых, социализм в России, при всей своей полярности существующему политическому порядку, наследовал какие-то элементы имперской модели. Уже в ранних социалистических течениях (у того же Герцена) проскальзывают нотки российского мессианизма. У его последователей (народников) они выражаются в уверенности, что русский народ, как писал революционер 70-х годов Сергей Ковалик, «сохранивший один, несмотря

на все исторические превратности своей судьбы, общину и не испытавший вредных последствий капитализма, увидит первый осуществление на земле социализма». У марксистов лидерская историческая миссия России нашла выражение в теории «слабого звена», в котором оказывается прорванной «цепь империализма».

Наконец, «русский социализм» не был только специфически национальным явлением. Аналогичные течения возникали во многих других исторически отставших странах как порождение проблем запоздалой модернизации. Об этом пойдет речь в следующем разделе о русском народничестве.

§5. РУССКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО — ВАРИАНТ ПОПУЛИЗМА

Общественной силой, которая попыталась действовать в духе идей «русского социализма», явилось народничество.

Народничество — большая страница в истории пореформенной России, весьма сложная, разветвленная идеология, комплекс философских, социологических, экономических и политических теорий, устойчивых стереотипов мышления и идеологических клише. Это вместе с тем — широкое общественное движение, знавшее свои подъемы и спады, революционные и реформистские течения, прошедшее путь от отдельных кружков до массовых политических партий. И, наконец, определенный срез российской культуры, нашедший отражение во многих произведениях литературы, искусства, науки.

Непосредственно народническое движение охватывало лишь часть образованных слоев. Но оно стремилось вовлечь в борьбу с царским режимом трудящиеся массы, прежде всего крестьянство. Деятельность народничества не ограничивалась политическими целями. Оно отстаивало определенную социальную программу, проект и стратегию национального развития, хотя в конечном счете реализовать свои планы ему не удалось.

Популизм Сами народники полагали, что их деятельность вызвана к жизни глубоко национальным чувством. Однако феномен русского народничества не был лишь специфическим и локальным. Не только потому, что народники в России имели широкие интернациональные связи и даже прямых последователей в других странах (Польше, Румынии, Японии и др.). Дело в том, что народничество в России может считаться разновидностью определенного типа идейных течений и общественных движений, который в научной литературе обозначается понятием «популизм». Как таковой термин «популизм» возник при создании Народной партии в США в 1892 г. Потом он стал применяться ко многим другим сходным явлениям. В широком смысле слова популизм (от лат. *populus* —

народ) отражает различные политические идеологии и движения, которым в той или иной мере свойственна апелляция к народу. Что означает подобная апелляция? Какая историческая ситуация вызывает ее к жизни?

Обобщенно говоря, это — ситуация раннего периода модернизации, когда противоречия перехода от традиционного общества к современному выступают наиболее болезненно. Процесс развития протекает неравномерно, его плоды достаются пока немногим, последние захватывают ключевые позиции в экономике, политической и социальной сфере. Город обгоняет деревню, промышленность — сельское хозяйство. Традиционная система производства оказывается в кризисе, а новые, буржуазные структуры не успели утвердиться. Демократический механизм урегулирования общественных конфликтов еще отсутствует или не отлажен. К этому можно прибавить социально-психологическую инерцию большинства населения, которое не может быстро приспособиться к изменениям и переоценке привычных ценностей, испытывает сильный психологический стресс. Данная ситуация особенно характерна для обществ второго и третьего эшелонов, где процесс модернизации протекает форсированно и менее органично.

Реакцией на эту ситуацию стали идейные течения и движения популистского типа. Их отличает внутренний дуализм, противоречивость. Общества, в которых они возникают, находятся в фазе восходящей буржуазной модернизации. Отсюда в популистских программах — требования политической демократии, ликвидации добуржуазных методов эксплуатации, отстаивание индивидуальных свобод и т. п. С другой стороны, все это сочетается с социалистическими лозунгами и нередко заглушается ими. Радикальные социалистические компоненты популистской идеологии выражают неудовлетворенность тех или иных групп общества существующими формами буржуазной модернизации и ее противоречиями.

Позитивный исторический смысл в деятельности популизма заключается в стремлении амортизировать, облегчить последствия модернизации для широких слоев населения и тем самым вовлечь их в процесс развития. В какой мере это удастся — другой вопрос. Все зависит как от конкретных исторических условий, сложившихся в данном обществе, так и от того, насколько осознанно и реалистично подходят сами популистские лидеры к поставленным задачам.

Первые зародыши популистских идей и течений можно обнаружить еще в раннебуржуазной Европе (левеллеры и диггеры в Английской революции, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Сисмонди, немецкие «истин-

ные социалисты» и др.). Но основное развитие популизм получил в странах поздней модернизации.

Здесь можно выделить две основные разновидности. Одна из них — «сельский», или «крестьянский», популизм, возникающий в странах более отсталых, с преимущественно крестьянским населением. В идеологическом плане эта разновидность популизма наиболее противоречива. Она воспроизводит социально-психологические ожидания сложного конгломерата социальных слоев развивающегося общества — крестьянства, мелких собственников, отдельных отрядов рабочего класса и отчасти деклассированных элементов. Эти группы лишь в небольшой степени затронуты модернизацией. Они готовы принять ее отдельные элементы (собственность на землю, освобождение от гнета помещиков и пр.), но в целом боятся изменений и предпочитают в процессе развития опираться на привычные традиционные институты и ценности (община, корпорация, семья, религия, принципы морального солидаризма). Получается симбиоз традиционализма и модернизма, антифеодальных и антибуржуазных тенденций. Более детально идейные компоненты «сельского» популизма можно представить следующим образом:

- концепция «народа» (прежде всего крестьянства) как социально-культурного слоя, который распадается под натиском буржуазных отношений, но должен быть сохранен и укреплен для национальных целей всестороннего развития;

- идея некапиталистического пути через удержание, развитие и усовершенствование традиционного коллективизма;

- тенденция к отстаиванию неклассового пути социальной эволюции; отрицание как классовых различий в «народе», так и классовых функций его лидеров, социально-критической интеллигенции;

- акцент на аграрные преобразования, которые призваны не только заложить основу индустриализации, но и обеспечить необходимое социальное равновесие в процессе модернизации.

Если социальная база «сельского» популизма является весьма пестрой и аморфной, то в формулировании его идеологии особо активное участие принимает интеллигенция — та ее часть, которая по тем или иным причинам также не вписалась в процесс модернизации. Американский ученый Р. Уортман отмечает, что интеллигенция и крестьянство в пореформенной России имели «похожее ощущение растерянности и дезориентированности — утрату прошлых ценностей и сомнения в том, что принесет будущее». Аналогичная взаимосвязь прослеживается и в развивающихся странах XX в.

Интеллигенция в популистских течениях выступает главным инициатором социалистических идей.

Народничество в России было исторически первой развитой идеологией «крестьянского» популизма. Из более поздних примеров можно указать на Гоминьдан в Китае, гандизм в Индии, мексиканских «аграристов», идеологию «уджамаа» в Танзании и ряд других.

Другая разновидность популизма возникает в обществах, где процесс модернизации продвинулся уже достаточно далеко. Поэтому идеологический радикализм и социалистические проекты свойственны ей в меньшей степени. Это, как правило, «городской» популизм. Если же он ориентируется на сельское население, то не на традиционное или полутрадиционное крестьянство, а на фермерство. Популизм этого рода выступает как часть буржуазно-демократической политической системы, его идеология не противостоит ей. Обычно он вообще не имеет никакой особой, четко очерченной идеологии, хотя объявляет себя выразителем интересов «народа», «простых людей», «маленького человека» и пр. Его цель — используя недовольство тех или иных массовых слоев (рабочих, мелких предпринимателей, фермеров), образовать некую политическую силу или блок сил и таким образом «перераспределить» существующую систему власти.

Популизм данного типа выступает скорее как специфическая политическая культура. Американский социолог Э. Шилз выделяет две ее основные черты: 1) приоритет «воли народа» над любым другим политическим стандартом; 2) стремление лидеров к прямым контактам с массами без посредства каких-либо политических форм и институтов. К этому можно прибавить определенную социальную политику (часто она по большей части лишь декларируется во время предвыборных кампаний), которая заключается в различного рода «подкармливании» масс: повышении зарплаты, снижении цен и налогов — причем нередко за счет экономической эффективности.

Кроме уже упоминавшегося популистского движения в США в конце XIX в. к этой разновидности популизма можно отнести перонизм в Аргентине, идеологию периода правления Ж.Варгаса в Бразилии, фермерское движение в канадском штате Саскачеван, «веннамоизм» в первые годы после второй мировой войны в Финляндии и др. Мы видим, что популизм этого рода имел место в развитых странах или в таких развивающихся странах, в которых буржуазная направленность модернизации уже стала необратимой.

Между обоими видами популизма, при всем их различии, имеется определенная связь. Стадиально-исторически второй как бы

идет за первым и наследует некоторые его идеи и лозунги. Вместе с тем первый в своей практике и политической культуре может иметь сходные черты со вторым.

Идеология народничества

На фоне этой общемировой популистской традиции русское народничество, разумеется, обладало немалыми национальными особенностями. Оно существовало долго, более полувека, и за это время проявило себя в различных областях общественной мысли. Отталкиваясь от теории некапиталистического развития России Герцена – Огарева – Чернышевского, оно стремилось применить ее к жизни, сделать основой практического действия. Но народничество действовало в таком обществе, где возможности политической оппозиции были крайне затруднены. Деятелям движения противостоял громадный репрессивный аппарат самодержавия. Вместе с тем, ища поддержки снизу, они наталкивались на пассивность и непонимание со стороны того «народа», которому они так желали служить.

Поэтому народники нуждались в такой идеологии, которая могла бы вдохновить их на деятельность вопреки неблагоприятным окружающим условиям. Данной цели отвечал так называемый субъективный метод в социологии (или «этико-социологическая школа»), разработанный Н. К. Михайловским и П. Л. Лавровым. Существование их взглядов состояло в провозглашении личности (а не группы или класса) основной «единицей» исторического действия, а также во введении этических критериев в общественную науку и сферу социальной практики. «Кроме истинности, достаточной для естествоиспытателя... — писал Михайловский, — мнение социолога должно отразить в себе его идеал справедливости и нравственности». В этом разделении «правды-истины» и «правды-справедливости» приоритет, безусловно, был за последней.

Другой идеей, выдвигавшейся народническими мыслителями, было специфическое понимание прогресса. Они отрицали прогресс в общепринятом тогда смысле — как естественный ход вещей, в результате которого происходит накопление знаний, разделение труда, рост производства и пр. Все это, по их мнению, не дало ничего или дало слишком мало большинству людей, трудящимся. Прогрессом же в их глазах было превращение каждого человека в автономную и всесторонне развитую личность. Этой личности, считал Михайловский, необходима разнородность деятельности, то есть трудовая универсальность и кооперация с равными себе личностями. Так было в древности, в сельских общинах, но затем рост цивилизации совершался за счет профессиональной специализации, «дробления» лич-

ности, ее растущей «однородности», отчуждения от других. Следовательно, надо возродить — разумеется, на базе современных культурных и технических достижений — принципы былой кооперации и коллективизма.

Нельзя сказать, чтобы народнические теоретики просто навязывали свои проекты действительности, не считаясь с объективной реальностью. Но реальность, окружающая среда рассматривалась ими или как подспорье, или как препятствие для осуществления своих идеалов. Сами же идеалы представлялись им самоочевидными — нечто вроде морального долга, который надо было исполнять, не спрашивая, осуществим он или нет. «Будет или не будет осуществлен прогресс в его окончательных задачах — это неизвестно», — писал Лавров, но «это не касается личности... не должно влиять на ее нравственные стремления». Даже если личность встретит непонимание со стороны тех, за интересы кого она борется, т.е. народа, это не должно смущать ее — «именно во имя народного духа... личность должна подвергнуть народный дух критике».

Поэтому в свои концепции Лавров вводил нравственные критерии — «цены прогресса» и исторической «вины». В знаменитых «Исторических письмах» он доказывал, что все достижения техники и культуры созданы лишь посредством эксплуатации масс, обеспечивавших своим трудом досуг для интеллектуальных занятий образованной и властвующей элите. «Цена прогресса» оказывается непомерно высокой. Поэтому часть наиболее сознательных представителей образованного слоя, «критически мыслящие личности» должны возратить свой «долг народу», создать человеку физического труда все условия для превращения его во всесторонне развитую личность.

Сейчас такие взгляды могут показаться романтическими и наивными. Но тогда они отвечали настроениям интеллектуальной российской молодежи и как бы давали ей идеологическую санкцию на общественную борьбу в трудных условиях.

Принципы этического субъективизма нашли также выражение в трудах народников-экономистов. Народничество создало свою экономическую школу, в том числе в прикладных исследованиях, в области земской статистики. Выдвинуло оно и теоретиков в экономической мысли. Их концепции были реакцией на процесс развития капитализма в России, его противоречия и диспропорции — короче говоря, на такие его особенности, из которых народники выводили необходимость альтернативного, некапиталистического (или неклассически-буржуазного) развития.

В чем же народнические экономисты видели эти особенности? Во-первых, в том, что развитие капитализма в стране шло за счет подрыва хозяйства массы мелких производителей. Сочетание грубых, примитивных форм первоначального накопления с внедрением механизированного капиталистического производства, по мнению В. Л. Воронцова, приводило к массовому разорению ремесленников, уходу крестьян с земли, образованию огромной армии безработных, которую не мог поглотить рынок наемного труда. Происходило не столько «обезземеливание» мелких производителей, то есть превращение их в фабричных рабочих, «сколько их обеднение».

Во-вторых, как подчеркивал другой народнический экономист, Н. Ф. Даниельсон, развитие буржуазных отношений в России выражалось более в росте сферы обращения, нежели сферы производства. Это было следствием как своеобразной «торговой экономики» (усиленный вывоз, часто за бесценок, хлеба и сырья на европейские рынки), так и финансовой стратегии правительства, возложившего на крестьянство бремя земельного выкупа и различных налогов. Чтобы заплатить подати, крестьянин был вынужден продавать свой хлеб зимой, чтобы вновь покупать его весной. Это разоряло его, сокращало потребление, а следовательно, подрывало производительные силы страны в целом. Но если рост обращения не подкрепляется ростом производства, «то ход всего механизма обмена сначала несколько замедлится, затем это замедление будет все более и более увеличиваться вплоть до полной остановки всего механизма».

Таким образом, капитализм в России, считали народники-экономисты, наталкивается в своем развитии на объективные препятствия. На внешнем рынке он не в силах конкурировать с развитыми странами; в то же время внутренний рынок остается узким в силу низкой (и снижающейся) покупательной способности масс. Капиталистическая система попадает в своего рода «заколдованный круг: для ее процветания необходимо богатое население, а каждый шаг ее развития сопровождается обеднением последнего». Это «буксование» капитализма в России народнические мыслители считали не случайным явлением, а закономерностью, характерной для всех стран с поздним развитием капитализма и находящихся на периферии развитых капиталистических держав. «Чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, — писал Воронцов, — тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем». Для молодых стран необходимо найти иной путь развития, поскольку под угрозой ставится не только их экономика, но и вообще существование как нации.

В качестве «иногo, не капиталистического пути» Воронцов предлагал «преобразование нашего капиталистического производства в государственное и артельное». Он имел в виду, конечно, не самодержавное, а социалистическое государство, которое возникнет в результате народнической революции.

Такое государство будет регулировать экономическое развитие в интересах «народного производства», т.е. массы крестьян и ремесленников. Оно будет способствовать объединению их в трудовые коллективы (артели), на базе которых возможно и создание крупных предприятий с применением современных технических достижений. Народники при этом специально подчеркивали, что отставшая страна имеет здесь даже преимущество и может сразу заимствовать технический опыт более развитых стран.

По справедливому мнению польского историка А. Валицкого, труды Воронцова, Даниельсона и др. явились «первой идеологической рефлексией относительно специфических черт экономического и социального развития отсталых аграрных стран, поздно вовлеченных в процесс модернизации в условиях сосуществования с высокоиндустриальными нациями». Их взгляды были значительно более конкретными, чем у родоначальников «русского социализма», поскольку они исходили из реальных противоречий национального капитализма в пореформенный период — того, что они называли «ужасами первоначального накопления».

Наконец, народничество выдвинуло ряд программных и тактических установок революционного действия. Некоторые из них были общими для всех народнических направлений. Во-первых, программное требование «земли и воли» — «черного передела» помещичьих земель в пользу крестьян и введение конституционного строя. Во-вторых, идея последующего социалистического переустройства общества на базе национальных форм коллективизма (община, артель). В-третьих, задача создания нелегальной, сплоченной политической организации, партии. Но как должна действовать эта организация, какова должна быть тактика оппозиционного движения — в этом различные народнические фракции расходились.

Группа П. Л. Лаврова, издававшая за границей журнал «Вперед», отстаивала путь пропаганды. Он предполагал работу активистов среди крестьянских масс и постепенное вовлечение их в революционную борьбу. Другая фракция связана с именем Михаила Бакунина, одного из основателей международного анархизма. Бакунисты проповедовали «путь боевой, бунтовской», то есть организацию массовых выступлений протеста крестьянства и городских низов.

Народ, утверждал Бакунин, находится в таком отчаянном положении, что «ничего не стоит поднять любую деревню».

Наконец, третье направление, «якобинское», или «бланкистское» (П. Н. Ткачев), возлагало основную надежду на переворот, который должен быть произведен силами «меньшинства», организации революционеров. Она создаст социалистическое государство, которое необходимо не только для подавления сопротивления эксплуататорских классов, но и для «подталкивания» самого народа к социалистическим порядкам. Все эти идеи и тактические установки так или иначе опробовались на практике, в народническом движении, хотя последнее во многом действовало самостоятельно, независимо от идей теоретиков.

Движение народничества

Оно началось в 60-х годах, когда стали возникать небольшие кружки и тайные организации, где собирались радикально настроенные студенты, журналисты, писатели.

Наиболее крупным среди них было тайное общество «Земля и воля». Его участники надеялись на стихийные выступления деревни, которая, по их расчетам, должна была отвергнуть несправедливую крестьянскую реформу. Народники даже выпустили по этому поводу несколько революционных прокламаций и пытались распространить их. Однако никаких серьезных массовых крестьянских протестов не произошло.

Какое-то время молодые радикалы искали легальные пути деятельности — устраивали бесплатные школы для бедняков, общества взаимопомощи, различного рода коммуны и трудовые ассоциации, которые рассматривались ими как начальные формы будущего социализма в России. Все это, естественно, кончалось ничем.

Тогда наиболее решительные из ранних народников переходят к террористическим методам борьбы. Член нелегального кружка Дмитрий Каракозов в 1866 г. совершает покушение на императора Александра II. Позднее недоучившийся студент Сергей Нечаев создает революционное общество «Народная расправа», но это предприятие было обезврежено полицией в самом зародыше.

Постепенно тайные народнические кружки склоняются к тому, чтобы развернуть активную агитацию в среде крестьянства. Это стремление в конце концов привело к знаменитому «хождению в народ». Весной 1874 г. масса народнической молодежи (порядка 3–4 тысяч человек) двинулась в деревню. Шли под видом фельдшеров, торговцев, ремесленников, переодетых крестьян, якобы отправившихся на заработки, и пр. Пропагандисты проходили определенную подготовку — осваивали плотницкое или сапожное ремесло, учились делать

прививки, закупали различный товар для продажи. Для пропаганды выбирались такие губернии, где когда-то происходили крестьянские бунты (Дон, Поволжье, Урал). Особое внимание обращалось на староверов и другие религиозные секты, которых народники считали наиболее оппозиционно настроенными. Им, а также всем, кто попался под руку, молодые народники со страстью проповедовали идеи социализма и крестьянской революции. Они настолько были уверены в успехе, что некоторые «шли уже выбирать позиции для будущей артиллерии» в ожидаемом крестьянском восстании.

Однако результаты этой акции оказались разочаровывающими. Прежде всего, к народнической пропаганде оказались глухи сами крестьяне. Социалистических идей они не понимали. Землю помещиков они, конечно, получить были не прочь, но вовсе не склонны были ради этого подыматься на вооруженную борьбу. Как обнаружили народники, большинство крестьян продолжали надеяться на то, что землю своих господ они получают из рук монархии. Призывы восстать против «царя-батюшки» были для них просто неприемлемы. Такие подстрекательства стали вызывать у них подозрения, тем более что крестьяне быстро разобрались в народническом карнавале и разглядели в агитаторах «образованных», представителей сословия «господ». Некоторых они попросту связывали и доставляли местному старосте, на других доносили. Так, по горестному признанию самих народников, обнаружилась «разделяющая стена между нашим братом и народом».

Помимо этого хождение в народ было быстро замечено полицией. На народников обрушились преследования, арестовано более полутора тысяч человек. Наказания часто оказывались чрезмерно суровыми, не соответствовавшими степени вины. Заключенные годами содержались под стражей во время предварительного следствия, ссылались на каторгу на длительные сроки. Репрессии только озлобили народническую молодежь.

Лидерам народнического подполья основная причина их неудач виделась в противодействии со стороны полиции, а также в том, что революционная пропаганда велась несистематически, не пускала прочных корней в крестьянской глубинке. Поэтому решено было перейти к постоянным поселениям революционеров в деревне и создать глубоко законспирированную централизованную нелегальную организацию, которая могла бы координировать действия народников. В 1876 г. появилась такая организация под названием «Земля и воля». Землевольцы сконцентрировали свои силы в нескольких губерниях (Украина, Поволжье) и попытались по рецептам Бакунина спровоцировать крестьянские бунты. Из этого также ничего не вышло.

Между тем полицейские репрессии продолжались. И тогда из рядов землевольцев выделилась группа «политиков». Они считали, что прежде чем совершать «социальную» (т.е. социалистическую) революцию, необходимо свергнуть существующий режим. Основным методом действия стал индивидуальный террор, который должен был не только сковать сопротивление властей, но и стимулировать массовые выступления снизу.

Так возникла «Народная воля», в центре которой был знаменитый Исполнительный комитет (А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская, В. Ф. Фигнер и др.). Она стала, безусловно, самой крупной нелегальной народнической организацией в России. Общее число народовольцев и сочувствующих им лиц доходило до 4–5 тысяч человек. В 70 городах России «Народная воля» развернула сеть из 300 студенческих, гимназических, рабочих и офицерских кружков. Но этот контингент все равно был слишком мал, чтобы всерьез атаковать режим.

Поэтому все усилия народовольцы направили на террор. Свои действия они оправдывали особыми условиями политического деспотизма в России. Например, Исполнительный комитет «Народной воли» осудил покушение анархиста Ш. Гито на президента США Д. Гарфильда, поскольку в этой стране существовали все возможности для «честной идейной борьбы» и потому не было нужды в политических убийствах.

Начав с покушений на представителей чиновничьего и полицейского аппарата, которым они мстили за преследования своих товарищей, народовольцы затем сосредоточились исключительно на фигуре царя Александра II. Через полтора года изматывающей борьбы горстки революционеров с громадным полицейским аппаратом империи царь был убит. Но и силы заговорщиков подошли к концу. Большинство их было арестовано, упало их влияние в обществе, в организацию проникли провокаторы, немало революционеров пережили моральный надлом. Все последующие попытки возродить деятельность «Народной воли» потерпели неудачу. Лишь через четверть века традиции «Народной воли» нашли продолжение в деятельности партии социалистов-революционеров.

В какой-то мере деятельность народовольцев можно рассматривать как попытку реализации «бланкистских» идей в народничестве (П. Н. Ткачев и др.). Но нелегальные организации и методы борьбы не исчерпывали все народническое движение. Вокруг народнического подполья существовал широкий круг сочувствующих. Большинство их относилось к тому идейно-психологическому типу, который принято называть либерально-народническим. Разделяя

основные элементы народнического мирозозерцания, либерально-народнические деятели в основном занимались просветительством среди трудящихся, главным образом крестьянского населения. Дело было не только в нехватке темперамента или боязни репрессий, но часто и в принципиальном отстаивании целесообразности линии на постепенные преобразования и легальные методы работы.

У либерального народничества были свои теоретики, например Я. В. Абрамов, которые в эпоху политической реакции 80-х гг., наступившей после убийства Александра II, выступили с лозунгом, что «наше время — не время широких задач». Они призывали интеллигенцию заняться социальной работой в крестьянской среде — пропагандой агрономических знаний, устройством музеев техники, организацией коммерческих кооперативов, артелей и пр. Долгое время историки советского периода презрительно именовали их оппортунистами и рыцарями малых дел. Между тем в реальной истории «малые дела», которыми занимались легальные народники, оказались не столь уж малы. Например, в 70-х годах возник кружок князя А. И. Васильчикова. Он объединил близких по духу к народничеству молодых чиновников, служащих банков, ученых и других специалистов, которые занялись организацией дешевого кредита для крестьян. Это была очень важная практическая задача, так как после реформы многие крестьяне, обремененные выкупными платежами, не имели средств для поддержки и развития своего хозяйства и вынуждены были занимать деньги у деревенских ростовщиков под большие проценты. Поначалу активистам кружка было очень трудно изменить эту ситуацию. Но постепенно под их влиянием стали возникать кредитные товарищества (по типу народных банков Г. Шульце-Делича в Германии). Кроме того, им удалось убедить министерство финансов всерьез заняться организацией народного кредита. К началу первой мировой войны система народного кредита охватывала почти четверть населения России.

Немало проникнутых народническими идеями образованных людей, специалистов пошли «служить народу» в земство — органы местного самоуправления. Там они работали врачами, школьными учителями, землемерами, агрономами и т. д. Их труд был отмечен духом настоящей самоотверженности. «Земский врач», «земский учитель» — эта характеристика стала своего рода эталоном высокого профессионального и нравственного уровня. Широко известны были также земские статистики, при которых статистические обследования в России достигли мировых стандартов.

Интересно, что когда сами революционные народники от социалистического агитаторства переходили на почву конкретных прак-

тических дел, жизненно важных для крестьян, они имели успех. Например, во второй половине 70-х годов, когда общество «Земля и воля» стало организовывать постоянные поселения революционеров в провинциях, некоторые народники поступали на службу волостными писарями, то есть низшими земскими чиновниками, и вели делопроизводство в крестьянских общинах. Защищая интересы крестьян, обучая их самих отстаивать собственные интересы, революционеры сближались с народом и завоевывали себе большой авторитет среди простых людей. Однако такие примеры были нечасты. Большинство нелегальных деятелей, сгорая революционным нетерпением, предпочитали радикальные призывы к «светлому будущему» и силовые методы общественной борьбы, которые не приводили к ожидаемым результатам.

Тем не менее революционная деятельность народников создавала им тот героический ореол, который оказывал немалое влияние на общество, на культурную элиту. В этом смысле эпоха народничества оставила значительный след в русской культуре пореформенного периода. Существовали легальные журналы и газеты, придерживавшиеся народнической ориентации («Современник», «Отечественные записки», «Неделя», «Русское богатство» и др.). Известные композиторы сочиняли оперы о народе, художники писали картины о горькой жизни русского мужика и молодых пропагандистах, отстаивающих его интересы. Писатели (например Иван Тургенев, Лев Толстой, Глеб Успенский и другие) писали романы и рассказы о народниках, крестьянстве. В общественных науках также образовывались направления, так или иначе связанные с народническими идеями. К народникам-экономистам, о которых говорилось выше, можно прибавить Н. А. Карышева, Н. А. Каблукова, М. Б. Ратнера и, наконец, теоретика кооперации А. В. Чаянова, книги которого стали классическими в мировом крестьяноведении. Известна народническая школа в исторической науке (В. И. Семевский, А. П. Шапов, А. С. Пругавин, А. Я. Ефименко и др.). В их трудах много внимания уделялось изучению народных движений, общины и крестьянского быта. Все это

Народнические политические партии в начале XX в.

в широком смысле может быть включено в народническое общественное движение.

После разгрома «Народной воли» народничество сумело преодолеть кризис лишь к началу XX в. В 1901 г. произошло объединение нелегальных и легальных народнических деятелей в России с Аграрно-социалистической лигой, образованной русскими эмигрантами в Европе. На этой основе в 1905 г.

возникла партия социалистов-революционеров (В. М. Чернов, Л. Э. Шишко, М. Р. Гоц и др.).

Идеология позднего народничества в России была менее цельной, чем у его предшественников. Во взглядах эсеров заметны влияние марксизма, заимствования из других концепций, хотя они старались сохранить преемственность по отношению к своим классикам — Герцену, Лаврову, Михайловскому.

Кроме того, партия социалистов-революционеров быстро оказалась расколотой. От нее отделилось более умеренное крыло, образовавшее отдельную партию народных социалистов (А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.). Позднее от эсеров отделилось и левое крыло — так называемые максималисты.

Народнические партии заняли свою часть политического спектра в России в 1905–1917 годах. В целом они защищали традиционный для себя лозунг «земли и воли». Но в трактовке этого лозунга каждая партия имела собственные интерпретации.

Эсеры выступали за социализацию земли, т.е. захват помещичьей земли крестьянами и уравнильное распределение ее между крестьянскими семьями по трудовой норме. Аренда земли, наемный труд и продажа земли запрещались. Эти положения легли в основу составленного эсерами в 1917 г. «Наказа», который использовали в качестве Декрета о земле большевики.

Аграрная программа народных социалистов не содержала этих ограничений, не поощряла захват помещичьих земель крестьянами и предполагала передачу данных земель крестьянству законным путем — через Учредительное собрание. Можно считать, что народные социалисты ориентировались на крестьянина фермерского типа, хотя социалистические элементы в их взглядах присутствовали (в основном в форме проектов кооперации в деревне).

Народнические партии принимали участие в работе национального парламента — Государственной думы, составляя там значительную часть левого блока. Народные социалисты сумели объединить так называемых трудовиков — крестьянских депутатов в Думе. Это свидетельствует о том, что «фермерский» популизм народных социалистов находил определенный отклик в крестьянской среде.

Наиболее массовой среди народнических партий была партия социалистов-революционеров. В период Февральской революции это была самая многочисленная партия в России (400 тысяч членов). Однако в организационном плане партия эсеров была очень слаба, а ее массовое членство — в значительной мере фиктивным.

Ее связи со «своим» классом, крестьянством, были непрочны. Массовой работы в деревне они практически не вели, сделав своей основной базой город, рабочую и студенческую среду. Но и здесь эсеры тяготели главным образом к крайним, террористическим средствам борьбы. Они, правда, помня об опыте прошлого, не рисковали трогать особу императора, но покушений на министров, великих князей, губернаторов и крупных чиновников было много.

Однако эсеровский террор, в отличие от времен «Народной воли», выглядел менее впечатляющим, более прагматичным и приземленным. Немало террористических актов представляли собой так называемые экссы — экспроприации банков и других богатств в фонд эсеровской партии. Особенно не стеснялись в подобных предприятиях максималисты. В их деятельности грань между политическим и уголовным было трудно различить.

Идейные и организационные слабости народнических партий решающим образом сказались в 1917 г. после Февральской революции. Придя к власти во втором составе Временного правительства во главе с членом партии социалистов-революционеров А. Ф. Керенским, они не смогли удержать бразды правления и были свергнуты большевиками. Фракция левых эсеров какое-то время еще пыталась сохранять союз с победителями, но это продолжалось недолго. С приходом коммунистов история народничества в России была окончена.

Исторические итоги

В русском популизме бросается в глаза несоответствие между масштабами народнического движения, длительностью соответствующей идейной и культурной традиции — и сравнительно бедными результатами деятельности народничества в России. Оно практически не сумело выйти на уровень национальной политической власти. Очень часто действия народников (например террор) приводили не к тем последствиям, которых они ожидали. Их аграрную программу использовали их политические соперники. В чем причины такого относительно невысокого «коэффициента полезного действия»?

Думается, что в глубокой внутренней противоречивости идеологии и движения народничества, присущей им «несистемности». Во взглядах виднейших народнических теоретиков и лидеров мы видим различные тенденции, порой полярно противоположные, — анархизм и этатизм, радикальный социализм и ориентацию на крестьянство фермерского типа, общинность и защиту индивидуально-

сти и т. п. Это характерно не только для русского народничества. Популизм как модель идеологии и политической деятельности везде отличается внутренней амбивалентностью, сосуществованием в его рядах разнообразных, нередко противостоящих друг другу течений.

Данная особенность не случайна. Она не может объясняться лишь спецификой популистского типа мышления. Дело заключается в чрезвычайно широкой, пестрой социальной базе («народ»), на которую пытается опираться популизм, а также в сочетании различных исторических задач, которые он одновременно стремится решить: осуществлять процесс модернизации и в то же время поддерживать традиционные институты, комбинировать буржуазно-демократическую и социалистическую ориентации.

Как таковой популизм порожден проблемами перехода от традиционного общества к современному, он в значительной мере может считаться идеологией модернизации. Более того, его внутренний пафос во многом заключается в стремлении включить в модернизацию широкие массы, облегчить им адаптацию к изменениям. Но эти задачи решаются им, как правило, недостаточно четко и последовательно. Можно в целом согласиться с английским ученым П. Уорсли, что в силу своей идеологической противоречивости и организационно-политической аморфности популизм составляет лишь переходный этап к непосредственному осуществлению модернизации, проводимой уже иными политическими силами, либо к «другого рода институционализованному революционаризму».

Российский пример вполне подтверждает этот вывод (особенно в его второй части). В общем согласуется с ним и исторический опыт популистских течений, возникших уже после русского народничества во многих развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. В отличие от русских предшественников многие популистские течения в третьем мире находились у власти и могли на практике испытать собственные программы и лозунги. Результатом было фиаско подавляющего большинства «национальных социализмов» с популистской окраской и провал соответствующих социальных экспериментов (в Танзании, Бирме, Индонезии, Гвинее, на Мадагаскаре, в Перу и других странах). Конечно, можно указать на страны и примеры, где популизм сыграл исторически позитивную роль — в частности Тайвань и Мексику. Именно на Тайване Гоминьдану, партии популистского типа, удалось провести форсированную модернизацию страны и достичь впечатляющего экономического прогресса. Мексиканские

«аграристы» в 30-х годах XX в. сумели разрушить латифундистскую систему землевладения, создали общинно-кооперативный институт для мелкого крестьянства («эхидо»), национализировали производство нефти, что дало возможность поддерживать процесс национального развития. Но и в этих странах популизм постепенно сходит со сцены. На Тайване однопартийная модель власти уступила место либеральной, многопартийной. В Мексике правящая партия и госаппарат с начала 80-х годов отказались от популистских принципов экономической политики и взяли курс на модернизацию либерального типа, развитие рыночных отношений, хотя популистская фразеология еще остается идеологическим прикрытием данного курса.

§6. ДРАМА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Говоря об общественной мысли и революционном движении, мы уже фактически затронули тему русской интеллигенции. Но сначала надо определить, что же такое интеллигенция.

Интеллигенцию обычно отождествляют со сферой умственного труда. Иногда уточняют: сложного умственного труда, требующего для своего исполнения высшего или среднего специального образования. Это — социологический подход, который в определенных границах может быть полезным. Но, будучи чисто количественным, он недостаточен. Во-первых, потому, что само разделение умственного и физического труда уже достаточно давно во многом потеряло былое значение. В эпоху научно-технической революции эти категории стремительно сближаются — и в том смысле, что многие профессии умственного труда становятся вполне рутинными, механическими, чисто подсобными.

Во-вторых, потому, что данная дефиниция не дает представления о содержании деятельности интеллигенции в обществе. Ее определяющим критерием оказывается формальный: обладатели дипломов, специалисты. Но если идти от того, как исторически складывалось самосознание этого слоя, если посмотреть, как возник сам термин «интеллигенция», то критерии ее деятельности будут выглядеть иначе.

Симптоматично, что слово «интеллигенция» впервые появилось в России в начале 60-х годов XIX века в статьях писателя Л. Д. Боборыкина. Фактически же это понятие было выработано двумя поколениями русских мыслителей XIX в. — от литературного критика 40-х годов В. Г. Белинского до народников. «Не бог знает, конечно, какая находка это слово, — писал в начале 80-х годов прошлого века Н. К. Михайловский о термине «интеллигенция», — но любопытно, что нигде в Европе подобное слово не употребляется в смысле определения особой общественной силы... По-моему, в самой наличности этого нескладного

на русское ухо слова есть нечто отчасти утешительное, отчасти при-
скорбное и, во всяком случае, обусловленное особенностями рус-
ской истории».

Действительно, в Европе того времени термин *intelligentia* упо-
реблялся в смысле интеллекта вообще, познавательной способно-
сти человеческого разума. Россияне же обозначили им специфиче-
скую социальную группу. Какие признаки объединяли ее? Не столь
важным был критерий специалиста, профессионала умственного
труда. Многие, как они себя называли, «критически мыслящие лич-
ности» в России по общеобразовательным меркам были скорее ди-
летантами или мало занимались своей профессией, хотя, конечно,
определенный уровень знаний и культуры предполагался. Главны-
ми качествами выступали: озабоченность проблемами общества в
целом, судьбами своего отечества; стремление к социальной крити-
ке, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию; наконец,
способность нравственно сопереживать трудящимся, «униженным
и оскорбленным».

Но разве в Европе не было подобного слоя? Ведь именно эпоха
капитализма и модернизации принесла с собой потребность в мас-
совой сфере умственного труда, сформировался интеллектуальный
авангард, внесший свой вклад в совершение буржуазных револю-
ций. Однако в Европе образованный слой в основном рекрутиро-
вался из среды молодой, подымавшейся буржуазии. Даже когда в
него вливались выходцы из дворян, они отождествляли себя с треть-
им сословием. Поэтому на Западе у образованных людей долгое время
не было нужды в каком-то специальном самосознании и самоназва-
нии, если не считать признаков профессиональной общности. Они
именовали себя иначе — «интеллектуалы» (английское *intellectuals*,
французское *intellectuels* и др.), «специалисты», «свободные профес-
сии» (*the professions*) с нейтральным смыслом принадлежности к
умственному труду вообще. Если же в обиходной речи слова «ин-
теллигенция», «интеллигент» и возникали, то, как свидетельствует
американский социолог Л. Фейер применительно к США в период
от конца XIX в. и, по крайней мере, до 30-х годов, они использовал-
лись преимущественно в отрицательном, ироническом смысле.

Но в российской трактовке интеллигенции было и общечелове-
ческое содержание — кристаллизация наиболее мыслящих и чест-
ных элементов. Потребность в таком подходе стала возникать на
Западе в эпоху империализма, мировых войн, когда обозначились
тенденции стандартизации умственного труда, потери им былой
автономии. Все это были кризисные явления процесса модернизаци-
и, которые привели к конфликтам части образованного слоя с

правлящей элитой и государством. В результате термин «интеллиджентсия» постепенно начинает проникать в другие языки. В конце 20-х гг. нашего века Оксфордский словарь определял его как «часть нации, стремящаяся к самостоятельному мышлению (русск.)», а американский Уэбстеровский словарь 1966 г. ставит это значение («класс образованных людей, составляющих особую и наделенную самосознанием страту внутри нации и осуществляющую или приписывающую себе лидерскую роль интеллектуального, социального или политического авангарда») на первое место перед такими определениями, как «специалисты сознания, особенно в области гуманитарных наук» и «люди умственного труда вообще». Французский «Ля-русс» сопровождает термин *intelligentsia* таким примером из текстов Альбера Камю, который кажется прямо перекочевавшим со страниц российских народнических писателей: «В той мере, в какой интеллигенция не может сплотить вокруг себя народ, она... чувствует себя одинокой перед лицом автократии».

Но это уже последующая история понятия «интеллигенция». Что же касается его возникновения, то оно не случайно появилось в такой стране, как Россия. В обществе, где традиционная дворянская элита постепенно политически и морально деградировала, а буржуазия в течение долгого периода не могла развернуться в условиях деспотизма, демократически настроенная интеллигенция естественно выдвинулась на повышенную социальную роль. Она взяла на себя выработку проекта национального развития, преодоления отставания от других стран. Она же выступила главным инициатором реализации этого проекта, повела за него общественную борьбу. Иными словами, феномен интеллигенции как особой социальной группы связан именно с ситуацией запоздалой модернизации, является ее продуктом. Эта закономерность подтверждается и в других странах второго, а позднее третьего эшелонов, где миссия интеллигенции трактовалась очень похоже с российским аналогом.

Уже само социальное происхождение русской интеллигенции отражало переходные процессы в тогдашней России. Интеллигенция формировалась здесь из так называемых разночинцев. Разночинцем в России считался тот, кто не был приписан к определенному сословию, не продолжал дело родителей, а также тот, кто получал чин или звание по праву образования. Вызванный к жизни пореформенным буржуазным развитием страны, слой разночинной интеллигенции рекрутировался в основном из нетрудящихся классов, но по преимуществу из наименее обеспеченных их слоев — обедневшего дворянства, мелкого чиновничества, низшего духовенства и др. Интеллигенция оказывалась своеобразным

«осадком» общественных структур, межклассовым и межсословным образованием.

Социальная «беспочвенность» дополнялась «беспочвенностью» культурной. Русская интеллигенция жила как бы в двух культурах — национальной и мировой (прежде всего европейской). Она в наибольшей степени, чем какая-либо другая социальная группа, подвергалась влиянию Запада, черпала оттуда свои основные ценности, знания, идеалы. Но эти идеалы приходили в противоречие с отечественной действительностью, по отношению к которой образованный русский человек нередко чувствовал себя чужаком. Вместе с тем он не мог и не хотел отказываться от национальных традиций. Эта двойственность была для него источником постоянного психологического дискомфорта. Некоторых наиболее одаренных людей такая ситуация вдохновляла на поиски плодотворного культурного синтеза, глубокие открытия и яркие достижения мысли. У других же она могла вызывать духовные драмы, идейные метания и социальные неврозы.

Не случайно интеллигенция в России осознала себя посредством отграничений себя от других, через своеобразные парные оппозиции. Первая из них — оппозиция «интеллигенция — власть». Появление интеллигенции в России окончательно определило тенденцию расхождения большинства образованного слоя с самодержавным режимом — тенденцию, впервые проявившуюся во времена декабристов. Другая оппозиция — «интеллигенция — буржуазия». Антибуржуазные настроения русской интеллигенции (как выражался Н. К. Михайловский, «стыдливое отношение к буржуазии») отчасти были реакцией на противоречия и диспропорции запоздалого буржуазного развития в стране. Отчасти они объяснялись национальными чувствами, поскольку в предпринимательской среде было много лиц инонационального происхождения.

Третья оппозиция — «интеллигенция — народ». В отличие от предыдущих двух она не была негативной. Большинство интеллигенции искренно стремилось служить народу, сблизиться с ним. Вместе с тем многие российские интеллигенты смотрели на народ как на «меньшого брата», который нуждается в опеке, видели в нем некое поле для социальных экспериментов. Наконец, это разграничение отражало реальный социальный и культурный барьер между образованными слоями и низшими классами. Барьер, который интеллигенция настойчиво стремилась преодолеть, но который в конце концов привел ее к драматическому финалу.

Так или иначе интеллигенция в России составляла тот слой людей, который более других социальных групп был ориентирован на

модернизацию — индустриальное развитие, устранение феодальных институтов, демократизацию политической жизни. Интеллигенция концентрировала в своих рядах основные профессиональные кадры для решения этих задач — ученых, инженеров, юристов, преподавателей и других. Русская интеллигенция XIX века менее чем за столетие совершила стремительный культурный взлет. Ее интеллектуальные и художественные достижения прочно вошли в мировую культуру.

Но, во-первых, интеллигенция в России была крайне немногочисленной. Точную цифру назвать трудно (особенно если иметь в виду российское понимание интеллигенции), но некоторые косвенные данные достаточно показательны. К началу 60-х годов XIX в. в России насчитывалось только 20 тысяч человек с высшим образованием. К концу века это количество более чем удесятирилось, но составляло лишь 0,2% от 125-миллионного населения.

Во-вторых, система образования в России была такова, что естественные и технические дисциплины занимали в ней гораздо более скромное место, чем гуманитарные отрасли, и явно отставали от потребностей времени. Например, на физико-математических факультетах российских университетов в конце XIX в. учились лишь 5% от общего числа студентов. Технологические и сельскохозяйственные институты, технические, финансовые и коммерческие училища были немногочисленны. Наконец, интеллигенции в России пришлось действовать в суровых политических условиях, под постоянным давлением самодержавного режима. Все это привело к тому, что силы интеллигенции в значительно большей мере были направлены на политическую борьбу, нежели на созидательную культурную работу.

Но проблема заключалась не только в неблагоприятных обстоятельствах. Важны были также установки самой интеллектуальной элиты — насколько они отвечали духу модернизации, на какого рода изменения в обществе они были нацелены. Иными словами — в какой мере были модернизированы взгляды и ценности самих модернизаторов, представителей национальной интеллигенции?

Интеллигенция и религия Фундаментальной основой традиционной культуры является религия. Поэтому изменение отношения человека к религии является одним из самых основных показателей процесса модернизации как индивидуального, так и коллективного сознания.

Радикальная интеллигенция в России формировалась в эпоху реформ 60-х годов. Это было время, когда в образованной среде про-

исходила стремительная девальвация традиционных ценностей, в том числе религиозных. Среди молодежи получил распространение так называемый нигилизм, который подвергал тотальной критике «темное царство» старых порядков в России. Молодые бунтари почти все поголовно становились атеистами. Но эти изменения происходили слишком быстро, чтобы обрести прочность. Хотя формальная связь с официальной православной религией была преодолена, оставалось характерное свойство традиционного сознания — потребность в вере. И эта потребность во многом определила первую крупную акцию революционной интеллигенции в России — хождение в народ.

Конечно, по своим задачам народническое движение было вполне светским, преследовало социальные и политические цели. И тем не менее его своеобразную религиозную окраску отмечали многие его современники и участники. Известный революционер Сергей Кравчинский называл хождение в народ «каким-то крестовым походом», который отличался «заразительным и всепоглощающим характером религиозных движений». И это объяснялось не только и не столько тем, что большинство народников воспитывались в детстве в духе православия и в их памяти еще были свежи религиозные образы и ассоциации. Главное состояло в том, что новые ценности, которые открылись им позднее, — наука, прогресс, социализм и др. — стали для них не просто объектом знания или деятельности, но и предметом горячей, искренней веры.

Ознакомление с письмами, мемуарами и другими документами народнического движения обнаруживает в нем целый ряд мотивов и признаков того, что может быть охарактеризовано как религиозное поведение. Так, один из народников вспоминал, что книга П. Л. Лаврова «Исторические письма» овладела им, «как, скажу, св. писание или Коран верующим: она, книжечка, сулила мне спасение, праведную жизнь». Спасение, «личное очищение», по словам другого молодого радикала, состояло не только в борьбе за благо народа, но и в том, чтобы отказаться от всяких привилегий и «жить так, как живет народ».

Образ жизни молодых интеллектуалов, студентов отличался аскетизмом, подчеркнутой бедностью. Если у кого-то имелись средства, они скрывались, так как это могло встретить осуждение. Иногда народники напоминали каких-то скитов, монахов. Один молодой человек, сын известного ученого-востоковеда В. П. Васильева, объявил отцу, что он намерен поселиться в избушке у лесного сторожа, так как его убеждения не позволяют жить «баринном в барских хоромах». И вот он живет там, как он выражается, «отшельником».

«Я спал... на голой скамье, питался по большей части скудной пищей стариков и был в своем роде счастлив».

Далее, чувством, чрезвычайно характерным для народнической среды, была жертвенность, готовность на жертву. Это не было позой, искусственным мученичеством. Жертвенность вырастала из боли за страдания других людей, сопереживания всем «униженным и оскорбленным».

Чрезвычайно сильным стимулом народнической деятельности был мотив покаяния. «Кающийся дворянин» — этот термин обозначал не только определенную социальную категорию, но и состояние сознания тех, кто испытывал ощущение своей исторической виновности. О том, насколько напряженным было это ощущение, свидетельствует рассказ народника Н. С. Русанова о своем однокашнике-гимназисте В. Г. Подарском, который кончил жизнь самоубийством, мучаясь сознанием, что принес мало пользы людям. Сам Русанов в восемнадцать лет отказывается от посылавшегося ему отцом небольшого пособия на время учебы в университете и решает «от сытых уйти к голодным». «Романтически настроенное воображение укоризненно рисовало мне библейского богатого юношу, который не раздал имения, по словам Христа, и не пошел за источником жизни вечной... А я, я пойду за новым источником...» И так поступали многие — раздавали имеющиеся у них средства на нужды революционной организации, бросали научную или служебную карьеру ради участия в оппозиционном движении.

Особое место в народнической иерархии ценностей занимало понятие «народ». Для ранних народников крестьянство было не просто массовой силой, союзником в политической борьбе, но целью, средоточием всей жизни, объектом глубокой, возвышенной веры. А. Д. Михайлов всегда писал слово «народ» с большой буквы. В. Г. Дебогорий-Мокриевич сравнивал свою влюбленность в мужика с «таинством евхаристии». Подобные свидетельства показывают, что хождение в народ выходило за рамки политической акции, оно вылилось в своеобразное паломничество, поиски жизненного абсолюта, приобщение к источнику того, что признавалось за воплощение справедливости и добра. Хождение в народ можно рассматривать как своеобразное миссионерство, проповедничество, что является атрибутом религиозного поведения.

Не удивительно, что при таком положении вещей в народнической среде появляется настоящее религиозное течение, или секта «богочеловечества» (А. К. Маликов, Н. В. Чайковский и др.). Однако это начинание не получило распространения — отчасти по причине своей нереволюционности (маликовцы держались принципа

непротivления злу насилieм), отчасти же потому, что прямая религиозность была уже неадекватной тем новым, модернизаторским идеалам, которыми интеллигенты-разночинцы успели проникнуться. Оставшаяся потребность в вере, в опоре на некие абсолютные основания человеческого бытия удовлетворялась чаще всего таким образом, что на место прежних символов православной религии подставлялись новые — равенство, справедливость, наука, социализм, народ. Механизмы традиционного сознания, их поддерживающие, зачастую оставались незаметными.

Мы сравнительно подробно остановились на хождении в народ, потому что оно дает особенно наглядное представление о религиозном (или квазирелигиозном) сознании радикальной интеллигенции в России. Но хождение в народ не было изолированным эпизодом. Если обратиться к другим примерам деятельности народнической интеллигенции, к публицистике и поэзии (П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Н. А. Некрасов и др.), то в них можно обнаружить постоянно присутствующие религиозные мотивы. Наиболее явно звучит тема искупления, скорректированная на революционный лад. Ее можно передать примерно так. Когда-то Бог принял образ человека (Христа) во имя искупления грехов человечества, избавления его от страданий. Теперь же вместо Богочеловека приходит Человекобог, то есть революционер, берущийся избавить людей, прежде всего трудящиеся массы, от тяжелой жизни. Революционер, человек, как бы наделен божественной функцией социального спасения, а также мщения за все содеянное насилие над простыми людьми. Революционное мщение сродни Страшному суду — только здесь, на земле.

Конечно, народнические революционеры как практические деятели иногда обращались к религиозной фразеологии в тактических целях, чтобы их агитация была действенной в глазах верующих крестьян. Например, члены общества «Земля и воля» специально агитировали среди сектантов (кстати без успеха), которых они рассматривали как наиболее затронутых оппозиционными настроениями. Но такая агитация не была для народников простой игрой или демагогией в силу своеобразной внутренней религиозности, им присущей.

Казалось бы, эта «светская религиозность» должна была бы исчезнуть у той части русской радикальной интеллигенции, которая в конце XIX в. перешла от народничества к марксизму. Ведь марксизм в лице своих основателей провозгласил религию «опиумом народа». Тем не менее какие-то элементы религиозности были свойственны и русской социал-демократии. Для многих из них приоб-

щение к марксизму было «обращением в марксизм», чем-то вроде смены вероисповедания. Как некогда их предшественники, образованные русские люди воспринимали почти как Библию то философию Гегеля, то теорию Дарвина, то книги и статьи Лаврова и Михайловского. Так, интеллектуалы конца XIX — начала XX в. относились к марксизму как к обретенной ими наконец абсолютной истине. Яростные споры марксистов с народниками в то время походили не только на научные дискуссии, но и на столкновение двух враждующих идей.

Религиозные поиски русских марксистов в общем воспроизвели характерное для народников замещение Богочеловека-Христа Человекобогом-революционером. В начале XX в. в российской социал-демократии возникло течение «богостроительства» (А. В. Луначарский, А. А. Богданов и др.), которое сравнивало Маркса с пророком, открывшим для человечества путь к счастью, называло марксизм «последней религией» на земле. Интересно, что в своем культе революционного Человекобога некоторые русские последователи Маркса использовали идеи о сверхчеловеке Фридриха Ницше. В своей книге «Религия и социализм» А. В. Луначарский (впоследствии народный комиссар просвещения после Октябрьской революции) со ссылкой на немецкого философа призывал: «Человек! Твое дело не искать смысла мира, а дать миру смысл».

Конечно, в отношении к религии со стороны русских марксистов были и значительные отличия по сравнению с народниками. Попытки соединить марксизм с религией (пусть в «перевернутом» виде) были предприняты сравнительно немногими и встретили резкое осуждение главных теоретиков российской социал-демократии — Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. В марксизме был гораздо жестче выражен атеизм, отрицание традиционной религии. И это понятно. Марксизм, претендовавший на гегемонию во всех сферах человеческой мысли, не мог терпеть никаких соперников, особенно таких (как религия), которые имели массовое распространение. Не случайно после революции коммунисты обрушили на православную церковь невиданные репрессии. С другой стороны, социал-демократы в России в период их существования в качестве политической оппозиции были даже большими прагматиками, чем народники, в плане использования религиозной фразеологии для обеспечения себе массовой поддержки.

Главное же, Человекобог русских марксистов был значительно более прост и менее духовен, чем народнический Революционер-спаситель. В отличие от народников марксисты были материалистами и видели жизнь человека главным образом в социальной

плоскости. Их идеалом был Великий Организатор, распределяющий между всеми блага и функции. Такое «богостроительство» было по сути близко к идолопоклонству и культу вождя. Обожествление Ленина, а позднее Сталина стало, в общем, естественным и закономерным результатом поисков русскими марксистами некоей «земной религии».

В итоге можно сказать так: в сознании многих русских интеллигентов не произошел (или не был вполне завершен) тот сдвиг, который отличал процессы духовно-культурной модернизации на Западе. Этот сдвиг заключался вовсе не в упразднении религии как таковой. Религия отвечала и всегда будет отвечать экзистенциальным и эмоциональным потребностям человека, для удовлетворения которых чисто рациональный подход недостаточен. Сдвиг состоял в разграничении рационально-научного и метафизического (в том числе религиозного) познания и вместе с тем в утверждении возможности их сосуществования. В теоретической форме это было впервые сформулировано Иммануилом Кантом и постепенно стало достоянием массового сознания. На этой основе и происходило отделение церкви от государства, права от нравственности, публичного от частного и т. п. Эти изменения упорядочивали жизнь людей в обществе, способствовали его развитию, взаимодействию общих и индивидуальных интересов.

Для русского же образованного человека область знания очень часто смешивалась с областью веры. Механизмы традиционного типа сознания не были до конца преодолены. И не потому, что русский человек по своей природе религиозен, как полагал известный русский философ Николай Бердяев. Просто в обществах запоздалой модернизации процесс изменений идет столь быстро и асинхронно, что сознание, даже в среде интеллектуальной элиты, не успевает перестроиться. Возникают различного рода диспропорции и крайности, которые в свою очередь затрудняют модернизацию. В нашем случае крайностями были как прямолинейный интеллигентский атеизм, разрушавший веками сложившиеся основы общечеловеческой нравственности, так и привнесение религиозного начала в область политики и социальных проблем, где как раз требовался реалистический, рациональный, научно-критический подход.

Интеллигенция и революция

Отмеченные особенности менталитета радикальной интеллигенции в России прямо сказались на характере ее революционной деятельности. Революция была для нее одной из самых главных ценностей. Общество может быть преобразовано только через революцию, решительное ниспровержение старого по-

рядка — так говорили, думали или подразумевали очень многие представители интеллигенции. Конечно, лишь небольшая ее часть непосредственно участвовала в революционной борьбе. Но под идейным и моральным влиянием этой группы в той или иной степени находилось большинство остальных образованных людей — ученых, инженеров, литераторов и других.

Бесспорно, Россия нуждалась в преобразованиях. Реформы 60-х годов, предпринятые властью, были недостаточны. Самодержавный режим все менее обнаруживал готовность продолжать их. Модернизация «сверху», осуществлявшаяся в русле имперской модели, давала ограниченные результаты и усиливала социальное напряжение в обществе. В этом смысле многие лозунги, которые выдвигали революционеры (требования демократизации политической системы, перераспределения земли в пользу крестьян и др.), были вполне правомерны. Но проблема заключалась в том, каким образом и какими средствами они могут быть воплощены в жизнь; какую иную позитивную альтернативу развития могут предложить революционеры; наконец, в какой мере их предложения будут поддержаны широкими слоями населения.

Однако как раз в этих пунктах радикальная интеллигенция обнаруживала существенные слабости. Революционные программы писались людьми, пусть достаточно образованными и нередко талантливыми, но не имевшими навыков государственного управления и зачастую достаточного жизненного опыта. Это была не столько их вина, сколько беда. История России с ее всемогущими и закрытыми государственными структурами всегда давала мало простора социальным реформаторам, обрекала их на изолированность и, как следствие этого, на мечтательность, склонность ко всякого рода умозрительным построениям.

Конечно, русский образованный человек во второй половине XIX в. имел больше возможностей участвовать в общественной деятельности и пропагандировать свои идеи, чем раньше. Но все же и он ощущал себя в положении маргинала, постоянно сталкивавшегося с непониманием и сопротивлением окружающей среды, прежде всего власти. Это пробуждало в нем ожесточение, доктринерство, не располагало к конкретной практической работе. Благородное негодование преобладало у него над способностью к серьезному размышлению и реалистическому подходу. В результате сознание радикальной интеллигенции в России стало проникаться тем, что можно назвать социальным утопизмом.

Утопизм обычно ассоциируется с кабинетным мышлением, сочиняющим несбыточные проекты и химеры. Но это — упрощенное

понимание, соответствующее лишь отдельным примерам. Социальный утопизм, как правило, не беспочвенен, он отвечает определенным общественным запросам, влияет на умы и ход событий. Независимо от того, как велико это влияние и насколько результаты соответствуют первоначальным замыслам, утопизм выступает как своеобразная форма социального действия. Более того, социальные утопии порой воплощаются в жизнь, хотя именно в этом случае и может обнажаться их ограниченность, тупиковость как вариантов общественного развития.

Классик социологии познания Карл Маннгейм определял утопию как противовес идеологии. Утопия, по его мнению, есть проект изменения окружающего мира, общественных институтов, в то время как идеология призвана охранять статус-кво. Утопия порождена творческим началом, тогда как идеология — консервативным. Однако утопии бывают различными. Есть утопии, которые при всей радикальности их замысла трудно назвать творческими, ибо они закрывают дорогу развитию общества, обрекают его на застой.

Попробуем кратко и в обобщенном виде воспроизвести тип социального утопизма, который был характерен для многих представителей радикальной интеллигенции в России. Утопист начинает с осознания социальной несправедливости, объективной потребности общества в революционной трансформации. Для него это осознание становится самодовлеющим, революция — самоцелью, восприятие окружающего мира — одномерным. Прошлое достойно сожаления, настоящее невыносимо, спасение только в будущем. «Там, за морями горя солнечный край непочатый», — писал в начале XX в. русский поэт Владимир Маяковский. Чтобы попасть в будущее, надо пройти через очищение, революцию. Революция — это как бы сжигание за собою мостов, в ней не просто допустимо, но прямо необходимо насилие, и чем больше, тем лучше. Дело тут не в личной жестокости, а в убеждении: принципиально новый общественный порядок можно построить лишь в том случае, если старое общество будет разрушено «до основанья». Максимализм цели приводит к максимализму средств.

Для утописта на первом плане — субъективные факторы человеческой деятельности. Стремления, идеалы, воля к действию — вот его главные отправные точки. Конечно, утопист не может игнорировать реальной действительности. Но все в ней, что противоречит его планам и намерениям, рассматривается как «сопротивление материала», которое можно и должно преодолеть. Отсюда постоянное нетерпение, готовность, как однажды выразился народник Андрей Желябов, «подталкивать» историю, которая «движется ужасно тихо».

Иначе говоря, революционность утописта элитарна. Она опирается главным образом на «критически мыслящих личностей», сплоченных в единую организацию, которая сплоченностью и мобильностью должна компенсировать узость революционных рядов.

На первый взгляд, утопист предлагает грандиозный творческий план разрешения всех общественных проблем и противоречий. Но эта романтическая программа «светлого будущего» опирается на чрезвычайно бедное, механистическое понимание общественной жизни. Такое несоответствие лишь на первый взгляд неожиданно. Ведь утопист задумал — шутка сказать! — привести общество к идеальному состоянию, гармоническому равновесию. Он дорожит малейшей деталью своего проекта, стремится контролировать каждый шаг его выполнения. Но это означает отношение к обществу (часто неосознанное, имплицитное) как к некоему механическому агрегату, набору элементов, которыми можно манипулировать, заменять, останавливать, заводить и т. д. Поэтому революционер-утопист легко превращается в утописта-бюрократа. Отсюда и его стремление к регламентации всего и вся, нетерпимость к любому инакомыслию, несовпадению с его мнением. А как же: ведь только он знает, как привести человечество к социальному «хеппи-энду». Он «единоначальник» в мышлении, даже если не властолюбив от природы. Если же он еще и является таковым, то у него все шансы стать настоящим диктатором от революции.

Наконец, программа утописта весьма сомнительна с точки зрения критериев гуманизма, человечности. Утопист, несомненно, искренно отвергает социальную несправедливость, постоянно говорит о любви к людям, к человечеству. Но это чувство абстрактно, оно обращено исключительно в будущее. Это любовь к «дальному», как выражались в тогдашней русской публицистике. Что же касается «ближних», современников, то они вызывают у утописта в лучшем случае сожаление. «Ближние» — всего лишь материал, подлежащий обработке, выделке, подготовке к новому обществу. Попросту говоря, нынешнее поколение должно быть принесено в жертву поколению грядущему.

Обрисованный здесь тип революционного сознания русской интеллигенции является, конечно, обобщенным и сознательно заостренным. Он складывался не сразу, его черты выявлялись постепенно в различные периоды революционного движения. Их можно усмотреть, например, в лозунге «кто не с нами, тот против нас», заявленном в ранних революционных прокламациях 60-х годов. Или в принципе «цель оправдывает средства», который впервые провозгласил Сергей Нечаев и которому следовали некоторые деятели революционного подполья в 70-х годах. Все же это были отдельные

проявления. Большинство домарксистских и немарксистских (а также часть марксистских) революционеров пытались сочетать социалистическую ориентацию с демократической и не были склонны прибегать к насилию как главному средству борьбы.

Однако тенденции социального утопизма постепенно накапливались в революционном движении. Этот процесс в конце концов должен был привести к определенному результату. Большевики стали той группой среди революционной интеллигенции, которая свела эти тенденции воедино. И это придало их действиям логичность и последовательность. Они знали, чего хотели — абсолютной власти ради осуществления своей социалистической утопии. Демократические лозунги были для них тактической игрой либо промежуточным этапом на пути к социализму. Большевикам удалось осуществить то, что лишь пытались сделать их предшественники, — создать сильную революционную партию, связанную железной дисциплиной и системой вертикального подчинения. Они сумели привлечь в свои ряды энергичных организаторов, прагматиков, людей дела, а не слова. Наконец, по своей неразборчивости в средствах революционной борьбы они оставили далеко позади все остальные оппозиционные течения. Именно поэтому сравнительно небольшая по численности большевистская партия сумела сначала захватить, а затем удержать власть над всей Россией.

Появление и утверждение большевизма никоим образом нельзя считать случайным. Он вырос на почве всей национальной революционной традиции. В этом смысле его победа в 1917 г. была торжеством интеллигентского активизма и социального утопизма. Но одновременно она означала и конец русской интеллигенции.

Значительное число образованных русских людей не приняло коммунистический режим. Гражданская война и последовавшая за ней массовая эмиграция привели к широкой утечке умов из страны. За границей оказались тысячи крупных ученых, инженеров, деятелей литературы и искусства, что существенно уменьшило интеллектуальный потенциал нации.

Конечно, многие специалисты остались на родине и даже активно помогали новой власти — работали в административном аппарате, служили в Красной Армии и т. д. Инженеры, экономисты, статистики, юристы и другие представители интеллигентского цеха восстанавливали промышленность, разрабатывали план электрификации России и иные проекты хозяйственного развития, участвовали в строительстве нового государства. Да и в самом партийном и советском руководстве какое-то время еще находились представители старой интеллигентской гвардии.

Но это продолжалось недолго. Большевикам не нужны были «критически мыслящие личности». Они видели в них потенциальных политических противников и не доверяли им. Одно за другим закрывались периодические издания, научные общества, общественные организации и литературные объединения, подозревавшиеся в оппозиционности. Затем началось систематическое преследование специалистов, которых обвиняли в «буржуазности». В первые же годы сталинского режима против них начались показательные судебные процессы. Большинство погибло в страшные годы репрессий 30-х годов. Выжили лишь те, кто отрекся от права интеллигенции на какую-либо духовную автономию и стал превозносить коммунистическую власть. Исключение составляли буквально единицы.

Взамен бывшей интеллектуальной элиты советский режим стал создавать свой собственный образованный слой — «социалистическую интеллигенцию». Но это была уже не интеллигенция в ее специфически русском, дореволюционном понимании. Это были «специалисты». Их профессиональная культура являлась, как правило, невысокой, ибо с уходом прежних мастеров знания, разрушением сложившихся научных и преподавательских традиций интеллектуальный уровень в стране серьезно понизился. Самое же главное, что советские ученые, писатели, инженеры, артисты и т. д. воспитывались в духе абсолютной лояльности коммунистической власти, им не позволялись какие-либо проявления интеллектуальной независимости.

Судьба русской интеллигенции поистине драматична во всех отношениях. Она существовала в трудных условиях, как бы между молотом и наковальной — властью и народом. Она пыталась взвалить на свои плечи сложные проблемы развития громадной страны. Она принесла многочисленные жертвы в борьбе с самодержавным деспотизмом. Но по-настоящему глубокая драма заключалась в том, что ей был присущ дух социального утопизма. На этой почве из ее среды вышла группа наиболее радикальных революционеров, которая уничтожила ее самое.

Есть еще одна сторона этой драмы — выход на политическую сцену того «народа», во имя которого интеллигенция столько трудилась. Это имеет самое прямое отношение к трагическому концу русской интеллигенции. Но данный сюжет — тема следующего разговора.

§7. ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЕСКОРЕНЕНИЯ В РОССИИ

«Сердитое нищенство»

Через двадцать лет после отмены крепостного права, в начале 80-х годов XIX в., в радикальном русском журнале «Отечественные записки» стали появляться очерки известного писателя Глеба Успенского о крестьянстве и крестьянском труде. Успенский по своим взглядам был близок к народникам. Наблюдая жизнь русской деревни, он искал в ней подтверждения народнических идей об общинной, коллективистской природе русского крестьянина. С любовью описывал Успенский «непрерывный труд» сельского жителя, как бы «вплетенный в химический процесс жизни». И хотя писатель видел, что мир крестьянина очень узок (не стремится к образованию, не приемлет нововведений, привык подчиняться «господам»), он любовался своеобразной цельностью этого мира, «поэзией земледельческого труда», в основе которой он усматривал «власть земли», тягу и любовь к ней. «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина... — писал Успенский, — и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма».

Но как раз отрыв крестьянства от земли и происходил. В центре очерков Успенского — типичный средний крестьянин Иван Ермолаевич, ведущий натуральное (или полунатуральное) хозяйство. Таким крестьянам после реформы становилось все труднее и труднее. Их участки уменьшились, налоги и выкупные платежи были чрезмерно велики, а за их неуплату полагалось оскорбительное для человеческого достоинства телесное наказание. В поисках денег Иваны Ермолаевичи вынуждены были уходить в город на заработки, а также дешево продавать продукты своего труда. Этим пользовались местные ростовщики и перекупщики, а также жители близлежащих к городу деревень. В погоне за легким заработком (скажем, снабжать продовольствием богатых людей в городе, организовывать

им охоту на местных угодьях и т. д.) они не стеснялись грабить своего же брата крестьянина. Деньги любой ценой — этот принцип все более утверждался в русской деревне.

Иваны Ермолаевичи были не готовы к этой ситуации. Они не имели навыков торговли и предпринимательства. Да и сами условия, в которые они были поставлены после реформы, препятствовали превращению их в фермеров коммерческого типа. Крестьянский уклад жизни стремительно разрушался «под ударом рубля». Средний скромный работающий крестьянин все более уступал место другим персонажам — либо примитивному эксплуататору-хищнику, либо (что было гораздо чаще) безземельному бедняку, поденщику, нищему.

Последнее обстоятельство особенно тревожило Успенского. Он утверждал: поскольку капитализм в России развивается не в интересах крестьянства, а за его счет, дальнейшее обеднение деревни неизбежно. В России будет расти «четвертое сословие» — сельский пролетариат. Иван Ермолаевич превратится в «злого мужика», который устанет бороться с обстоятельствами, забросит свое хозяйство, будет пьянствовать и ненавидеть весь мир за то, что ему не оказалось в нем места. России угрожает, как метко выразился писатель, «сердитое нищенство».

Успенский описывал процессы, типичные для периода запоздлой модернизации в отставшей по своему развитию стране. Характерным признаком этих процессов является диспропорциональность развития, отставание деревни от города, рассогласованность индустриализации и урбанизации, промышленного и аграрного секторов хозяйства. Россия была первой страной, где эти противоречия выступили столь наглядно и в массовом масштабе. К концу XIX в. пятая часть крестьянства оказалась безземельной. Примерно столько же (если не больше) крестьян были малоземельными. Обедневшие сельские жители подавались в город. Но далеко не все из них могли найти там работу. Индустриализация в России находилась на такой стадии, когда промышленные предприятия были уже в достаточной степени механизированы и потому не могли поглотить весь трудовой контингент, освобождающийся из деревни. Мигранты перебивались случайными заработками, постепенно опускались, становились бродягами и нищими. Через пятнадцать — двадцать лет после появления очерков Успенского «сердитое нищенство» в России стало реальностью. Оно начало перекочевывать из деревни в город.

Тогда в русской литературе и журналистике появляется тема «босйчества» как массового явления общественной жизни. Из этой

литературы наиболее известны произведения Максима Горького. В молодости писатель сам вел бродячую жизнь и списывал «босяков» прямо с натуры. Его герои — это люди, заплутавшиеся в жизни, не получившие минимального образования, не имеющие профессии. Они переходят с места на место, часто меняют работу, просят милостыню или занимаются воровством. Единственная отрада в их жизни — пьянство. Они уже смирились с такой жизнью, привыкли к ней и даже гордятся своей «свободой». Труд они презирают. «Ежели людей по работе ценить, тогда лошадь лучше всякого человека», — говорит один из персонажей.

Для сознания этих людей характерна потеря нормальных жизненных ориентаций. Они не видят смысла ни в своей жизни, ни в жизни других людей. В глубине души они чувствуют себя глубоко ущемленными. «Меня однажды обидели — и на всю жизнь сразу», — признается другой горьковский герой. И от этого у них постепенно накапливается ненависть ко всему окружающему, жажда разрушения. Она прорывается, например, в таких пьяных речах: «...хочется мне отличиться на чем-нибудь... Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всех людей и плюнуть на них с высоты... И сказать им: “Ах, вы, гады! Зачем живете? Как живете? Жулье вы лицемерное и больше ничего!” А потом вниз тормашками с высоты — и вдребезги!.. Противно все — города, деревни, люди разных калибров... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать нельзя? Все друг на друга... так бы всех и передушил!»

Многие горьковские «босяки» были выходцами из крестьян. Но не только. Среди них встречаются и бывшие дворяне, и бывшие купцы, и рабочие, и интеллигенты. В пьесе Горького «На дне», написанной в начале XX в., среда «потерянных людей» включает практически все слои населения тогдашней России.

Литература о «босячестве» вызвала большой резонанс в общественном мнении. Наиболее значительным из откликов была статья писателя и философа Дмитрия Мережковского «Грядущий хам». Мережковский указывал на причины появления «босячества» в России, связанные с процессом быстрого разрушения прежних общественных ценностей, прежде всего религиозных. Он подчеркивал, что деградация человека, превращение его в бродягу или нищего («внешнее босячество») начинается с «босячества внутреннего» — нигилизма, отрицания всего того, что служит нормами отношений людей в обществе.

Мережковский писал свою статью в период революции 1905 г., когда городские и сельские низы оказались «горючим ма-

териалом» для самых различных конфликтов — вооруженных столкновений революционеров с властью, поджогов помещичьих имений, еврейских погромов, которые организовывались так называемым «Союзом русского народа» (или «черной сотней»). «О босяке никогда нельзя знать, — отмечал Мережковский, — да и он сам не знает сегодня, что с ним будет завтра и кем он окажется, случайным ли союзником русской интеллигенции или патриотическим героем черной сотни, избивающей эту же самую интеллигенцию».

«Босячество» — это, конечно же, образный, условный термин. Общественный слой, о котором идет речь, можно назвать социально-культурным люмпенством. Для социолога люмпен — это прежде всего социальная категория: деклассированный элемент, бедняк, нищий и т. п. На мой взгляд, важно еще видеть люмпена как результат культурного «обескоренения» — выпадения из системы ценностей существующих классовых, сословных или групповых структур, которые давали человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию. «Обескоренение» оказывается негативным процессом, ибо не сопровождается укоренением в новых структурах (буржуазного общества), в новой (современной) системе ценностей. «Обескоренение» и приводит к тому «внутреннему босячеству», о котором писал Мережковский. В принципе подобные кризисные явления, ломка общественных институтов и ценностей в той или иной мере происходили во всех странах в период модернизации, даже в странах первого эшелона. Например, в Англии XVIII в. промышленный переворот встретил сопротивление некоторых социальных слоев — мелких арендаторов, батраков, фригольдеров и др. Достаточно вспомнить, например, движение луддитов. Но эти процессы в Англии и других европейских странах не имели серьезных последствий. Во-первых, потому, что бунт социальных низов был направлен на защиту прежних обычаев, традиций. Иначе говоря, те, кто протестовал против новой, современной культуры, не выпадали из культуры вообще. Во-вторых, капитализм в европейском регионе развивался достаточно успешно и сравнительно быстро смог ассимилировать недовольных в новые общественные структуры.

В странах запоздалого развития переходный период буржуазной модернизации сопровождается более серьезными общественными конфликтами. Люмпенские, или маргинальные слои выпадают здесь «в осадок» гораздо более интенсивно. Один из видных политических деятелей в России начала XX в., лидер партии социалистов-революционеров Виктор Чернов писал о том, что в течение

нескольких десятилетий своего существования русский капитализм создал не только и не столько кадры организованного пролетариата, сколько громадную «резервную армию труда, вырождающуюся в люмпен-пролетариат, в пестрый винегрет деклассированных элементов».

Но отличие от европейских условий состояло не только в масштабах деклассирования. В пореформенной России происходило не просто столкновение традиционной и современной культур, но именно культурное «обескоренение», то есть разрушение прежних ценностей без прочного утверждения новых ценностей и институтов.

Уже к началу XX в. люмпенские элементы в различных слоях населения составляли немалую долю. Но их удельный вес значительно увеличился в последующие два десятилетия — в период трех революций, мировой, а затем гражданской войны. Все эти события разрушали привычный уклад жизни, приводили к громадным потрясениям для общества — хозяйственным, политическим и моральным. Миллионы людей гибли на фронтах мировой войны или возвращались искалеченными и духовно опустошенными. Механизм национальной экономики, и без того не имевшей большого запаса прочности, был серьезно подорван. Остро не хватало продовольствия и повседневных товаров. Закрывались предприятия, оставляя людей на произвол судьбы. В этой обстановке люди теряли нормальные жизненные ориентации, профессиональные навыки, элементарную этику поведения. Они переставали подчиняться какой-либо власти, нарушали законы, захватывали чужую собственность, легко впадали в агрессию и поддавались демагогической агитации. На этом фоне и произошли революционные события 1917 г. Известный русский писатель Иван Бунин вел в это время дневник, где оценивал события глазами очевидца. Его, как и многих других образованных людей в России, поразили тогда хаос, разгул насилия и моральное падение в обществе. Бунин сравнивал происходящее со Смутным временем три века назад и с горечью отмечал присущую издавна многим русским людям «охоту к разбойничьей вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей». Это наблюдение подтверждало ту особенность русской истории, о которой мне уже приходилось говорить: периодические катастрофы общества, где по ряду причин не сложилась достаточно развитая традиционная культура. Какие-либо серьезные испытания или глубокие изменения для такого общества постоянно создают угрозу крупного срыва массового сознания. На этот раз срыв зашел особенно далеко.

В российской интеллигентской мысли постепенно складывается течение, которое прямо и сознательно идет навстречу «обескорененным» плебейским низам. Отсчет можно начать с Михаила Бакунина. Потомок аристократического дворянского рода, он порвал со своим классом и вел бродячую жизнь революционного агитатора. Он эмигрировал в Европу, принимал участие в революции 1848 г., затем был выдан царскому правительству, бежал из ссылки и в конце жизни стал одним из основателей I Интернационала и международного анархизма. Собственную страну он рассматривал как один из главных полигонов для своих революционных проектов, потому что, по его словам, в отличие от «филистерской», «мещанской» Европы в России существовал «разбойный мир», масса обездоленных людей, готовых к беспощадному бунту. «Бунтовской элемент» Бакунин усматривал не только в социальных низах, но и в образованной молодежи, три четверти которой «лишены всякого положения, всякой карьеры... Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян, ну да что говорить... вот наш генеральный штаб, вот материал, драгоценный для тайной организации».

В русской интеллигенции действительно было много выходцев из малообеспеченных слоев, что сближало их с социальными низами. Их революционные настроения во многом питались чувством личной ущемленности, стремлением к мести, отрицанием всего и вся. Не случайно в 60-е годы в среде радикально мыслящей молодежи возникло течение нигилизма, то есть отвержения всех общепринятых ценностей. Герой романа Тургенева «Отцы и дети» Евгений Базаров говорил, что прежде чем создать новое, справедливое общество, надо сначала «место расчистить». В этом смысле нигилисты вполне могли подписаться под основным принципом бакунинского анархизма: «страсть к разрушению есть творческая страсть». Нигилизм в России был своеобразным, на интеллигентском уровне, проявлением культурной «обескорененности».

Одним из наиболее видных последователей Бакунина в России стал недоучившийся студент Сергей Нечаев. Он организовал в Москве тайное общество «Народная расправа», связался с революционной эмиграцией (Бакуниным, Огаревым), заручился их поддержкой, издавал на их средства нелегальные издания и переправлял их в Россию. Целью «Народной расправы» была организация восстания против царской власти, в котором главной ударной силой должны были стать социальные низы.

Одним из наиболее видных последователей Бакунина в России стал недоучившийся студент Сергей Нечаев. Он организовал в Москве тайное общество «Народная расправа», связался с революционной эмиграцией (Бакуниным, Огаревым), заручился их поддержкой, издавал на их средства нелегальные издания и переправлял их в Россию. Целью «Народной расправы» была организация восстания против царской власти, в котором главной ударной силой должны были стать социальные низы.

План этот остался лишь на бумаге — небольшая нечаевская организация была быстро обнаружена полицией и в 1871 г. предстала перед судом. На этом судебном процессе — первом открытом политическом процессе в России — стали известны методы деятельности Нечаева, которые поразили тогда многих современников. По материалам процесса знаменитый русский писатель Федор Достоевский написал роман «Бесы».

Нечаев действовал исключительно безнравственными способами. Обманом, шантажом и угрозами он вербовал в свою организацию членов, готовился выпускать фальшивые деньги, грабить банки для добывания средств «на дело революции». Он вел себя как абсолютный диктатор, его организация строилась по принципу слепого подчинения. За несогласие со своими взглядами он и несколько его сообщников убили студента Иванова.

Такие методы революционной деятельности Нечаев обосновал в специальном документе под названием «Катехизис революционера». В нем говорилось, что ради «освобождения народа, то есть чернорабочего люда», надлежит «разрушить это поганое общество». Для этого годятся любые средства — мистификация, насилие, подложные документы и т. д., причем даже товарищам по организации для возбуждения их энергии разрешалось «объяснять сущность дела в превратном виде». Революционер объявлялся человеком «обреченным», отдавшим всего себя на борьбу «с проклятым миром». Он должен был разорвать всякую связь с законами этого мира, нравственностью, культурой и наукой, дабы усвоить «только одну науку — науку истребления и разрушения».

Фигура Нечаева показательна как классический образец люмпен-интеллигентской идеологии, для которой характерны антиинтеллектуализм, безнравственность, жажда разрушения, ориентация на социальные низы. Близок к Нечаеву был другой теоретик революционного радикализма той эпохи — Петр Ткачев. Он доказывал необходимость насилия не только над эксплуататорами народа, но и над самим народом, во имя которого совершается революция. Ибо «единственно только силою» можно заставить темные массы «перестраивать свою жизнь сообразно... с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития».

Как же себе представляли люмпен-революционеры позитивный идеал «наилучшего и наисправедливейшего» общества? Вот нечаевская статья «Главные основы будущего общественного строя». Тотчас же по низвержении эксплуататорской власти, говорится в ней, революционеры объявляют все общественной собственностью. Организуются общественные мастерские (артели), об-

ественные столовые, общественные дома, общественные средства сообщения. Этот образ жизни практически обязателен для всех. Каждая артель выбирает «оценщика», который регистрирует и регулирует производство и потребление ее членов. Все определяет и распределяет единая власть — некий «Комитет». Физическим трудом обязаны заниматься все, кроме управленческого аппарата, а также ученых и артистов. Но последние должны получить специальное разрешение от «Комитета» на свою деятельность. Дети воспитываются в особых трудовых школах. Основным принцип для всех: «производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше».

Перед нами типичный продукт «казарменного коммунизма», максимально уравнилельского упрощения общественной жизни. Нечаев и ему подобные в России не были здесь первооткрывателями. Сходные идеи проповедовали раньше Томас Мор, Кампанелла, Виктор Консидеран и др. Конечно, «казарменный коммунизм» не исчерпывает всей истории социализма, но является ее характерной составной частью. Идеология данного типа имеет несомненную связь с массовым «обескорененным» сознанием, с люмпенской психологией. Идеи такого рода, как правило, возникают и имеют хождение в кризисные периоды исторической эволюции, когда в обществе происходят крупные изменения и катаклизмы, в результате которых появляются массы дезориентированных и деклассированных людей. На них и рассчитана «казарменная» идеология.

Нечаев и Ткачев принадлежали к домарксистскому поколению русских революционеров. Казалось бы, марксизм с его претензией на «научный социализм» должен был бы дистанцироваться от подобных идей. Действительно, Карл Маркс и Фридрих Энгельс выступили с критикой «казарменного коммунизма» Нечаева. Тем не менее марксистская идеология не была свободна от элементов уравнилельства и «казарменности». Известно, что молодой Маркс понимал пролетариат не как сферу организованного индустриального труда, но как продукт разложения общества, как страдающие социальные низы. Одно время Маркс был близок с Вильгельмом Вейтлингом, для которого социализм означал ликвидацию рынка, денег, общинно-цеховую организацию производства и военную дисциплину. И хотя позднее Маркс отмежевался от «казарменного коммунизма», некоторые сходные идеи в марксистской идеологии закрепились — негативное отношение к частной собственности, примат государства над обществом, культ «рабочего человека», представителя физического труда, коммунизм как отрицание всей предшествующей истории и культуры и др.

Эти тенденции, которые в европейском марксизме были относительно приглушенными, получили значительно более широкое развитие у последователей Маркса в более отсталых странах. Это с полной очевидностью проявилось в России после 1917 г.

Люмпенское сознание

Теперь попробуем воссоздать некоторый обобщенный образ ментальности человека, который оказывается отделенным от привычной ему окружающей жизненной среды, как бы выпадает из общества и культуры. Что происходит при этом с его сознанием?

У известного русского писателя первой половины XX в. Михаила Булгакова есть повесть «Собачье сердце». В ее основу положен фантастический сюжет. Профессор Преображенский провел необычную операцию: он вживил гипофиз убитого в драке хулигана в организм бродячей собаки по кличке Шарик. В результате получился гибрид, человеко-пес с душой убитого хулигана, которому профессор дал фамилию Шариков. Гибрид начинает вести себя отвратительно: грубит профессору, пытается выселить его из квартиры, изнасиловать горничную. Одновременно он вступает в контакт с коммунистом, который учит его примитивному марксизму, и ученик очень быстро усваивает принцип «отнимать и делить». Профессор в ужасе решает прервать жизнь Шарикова, восстанавливает в нем гипофиз животного и превращает его опять в добродушную бродячую собаку.

Такие, как Шариков, — это, конечно, крайний случай примитивизма и моральной деградации, тем более сгущенный художественным воображением писателя. Но в нем схвачены некоторые типические черты поведения человека, «освободившегося» от культуры. Что это реально означает? Для человека теряют значение основные ценности, нормы и стимулы поведения, регулирующие отношения людей в обществе. Он отвергает (или забывает) то, чему его учили в детстве родные или окружающие. Он теряет связи с ними, иногда сознательно отказывается от своих родных, от своего прошлого, не любит вспоминать об этом. Он становится человеком «ниоткуда», идущим в «никуда».

В таком человеке разлаживаются нормальные механизмы воспроизводства собственного существования — начиная от элементарной бытовой дисциплины и кончая мотивациями к труду. Он не любит работать, теряет профессиональные навыки, которые включают не только техническое умение, но и определенный кодекс чести (работать качественно, получать вознаграждение, соответствующее затраченным усилиям и результату). Он хочет получать, не

отдавая. Реально он способен лишь на неквалифицированный или малоквалифицированный труд. Поэтому он либо халтурщик в работе, только изображающий деятельность; либо человек, работающий нерегулярно ради минимального заработка; либо того хуже — попрошайка, вор или грабитель.

Не работая, человек с психологией люмпена или маргинала остро ненавидит тех, кто нормально трудится и трудом создает свое благосостояние. У него патологическое неприятие всякой собственности. В его глазах любое богатство не должно принадлежать кому-либо, оно может быть только объектом дележа. Уравнительное распределение — вот что должно, по его мнению, быть правилом общественных отношений и социальной справедливости. И в таком подходе есть своеобразная логика. Тот, кто не в состоянии обеспечить себя, должен стремиться жить за счет других — неважно, каким путем это достигается.

Склонность к уравнительству у носителя обескорененного сознания проявляется не только в отношении материальных благ, но и ко всему — вкусам, стереотипам поведения, образу жизни. Маргинал не приемлет никакого разнообразия, отличающегося от его скудного и ограниченного существования. Он ненавидит любые проявления образованности и культуры. По своему развитию он находится где-то на уровне подростка, и этот инфантилизм сопровождает его всю жизнь. Он не имеет целей, не способен планировать и элементарно организовать свою жизнь, лишен чувства ответственности. Как ребенок, который ломает игрушки, если они ему не нравятся, человек с люмпенской психологией готов портить и разрушать все, что не укладывается в его восприятие — произведения искусства, красивые вещи, сложную технику, городские скверы и т. п.

Наша ментальность складывается во взаимодействии собственного сознания и сферы бессознательного. Сознание формируется культурой. Это система определенных ценностей, предписаний и установок, в явной или неявной форме определяющих нашу деятельность. Подсознательное — это психические процессы, которые возникают и протекают как бы спонтанно, безотчетно (различные эмоции, аффекты, сновидения и пр.). У нормального человека сознание в целом контролирует сферу бессознательного. Зигмунд Фрейд сравнил сознание и подсознание с всадником и лошадью. Если всадник крепко сидит в седле, лошадь ему подчиняется. Если же лошадь перестает ощущать управление, она может сбросить всадника.

Вряд ли мы можем сегодня утверждать, что хорошо научились анализировать наше бессознательное, хотя этим занималось несколько поколений теоретиков и практиков психоанализа (З. Фрейд,

К. Юнг, Э. Фромм и др.). Кстати сказать, психоаналитики не рассматривали специально случай культурной дезориентации и обескорененности. Во всяком случае ясно, что в сфере бессознательного действуют различные инстинкты — половой инстинкт, инстинкт самосохранения, удовлетворения тех или иных потребностей, инстинкт (или соблазн) присвоения и др. Беспорядочное проявление инстинктов сдерживается и направляется сознанием, культурой. При ослаблении культурных регуляторов инстинкты выходят наружу. «Что нам ум! — говорит один из люмпенских персонажей романа замечательного русского писателя Андрея Платонова «Чевенгур». — Мы хотим жить по желанию...»

Но если «желание» противоречит социокультурным порядкам, сложившимся в обществе, надо удовлетворить его силой. Культ силы — и в смысле применения ее, и в смысле подчинения ей — чрезвычайно характерен для люмпенского сознания. Наиболее наглядный пример иерархии отношений в среде маргиналов — атмосфера воровской шайки. Не случайно социологи и филологи отмечают, что в обществах, где налицо признаки культурного распада и появление значительного количества маргинальных элементов, происходит «люмпенизация языка», насыщение его выражениями из уголовной среды.

Вместе с тем было бы упрощением считать, что ментальность люмпена или маргинала полностью «освобождается» от культуры. Культурные ценности или стереотипы поведения содержатся не только в сознании, но и в слое бессознательного, накапливаясь там в течение тысячелетий передачи культурного опыта. Но все дело в том, что в психологии люмпена они не образуют определенной системы, беспорядочно перемешаны и потому не могут быть для него устойчивыми ориентирами в жизни. Поэтому в сознании и поведении люмпена могут сочетаться самые разные элементы. Отрицая религию и религиозные ценности, он вместе с тем склонен к самым фантастическим суевериям, вере в «чудеса». Цинизм и презрение к окружающим могут уступить место крайнему фанатизму. Наряду с глубоким эгоизмом и индивидуализмом ему вполне присущи стадное чувство, готовность «быть, как все». Ненависть культуру и образованность, он в то же время не прочь нахвататься каких-то знаний и щеголять ими.

Один из классиков социологии, французский ученый Эмиль Дюркгейм ввел понятие «аномия» (от франц. *anomie* — беззаконность, безнормность). Данную категорию разрабатывали также американские социологи Т. Парсонс и Р. Мертон, английский ученый А. Хауран. Аномия — это состояние «потерянного» сознания марги-

нальной личности, не вписывающейся в процесс смены культур в эпоху модернизации, перехода от традиционных отношений к современным. Маргинал, социально-культурный люмпен, живет как бы в двух или более мирах, не принадлежа ни к одному из них. Он принимает лишь внешние формы общественных порядков (если принимает их вообще), но не понимает их внутреннего смысла, не имеет собственной системы ценностей, в лучшем случае может лишь имитировать чужую, даже не имитировать правильно. Он лишен прочных культурных корней в окружающей среде — в своей деревне, в своем городе, в своем государстве, в своем этносе. Поэтому у него нет подлинной индивидуальности, чувства собственной личности. Он становится человеком толпы, легко подверженным различным внушениям и политическому манипулированию.

От обескорененных индивидов — к обескорененному обществу

К началу 20-х годов социально-культурный кризис в России достиг своего апогея. По подсчетам демографов, гражданская война и сопутствовавшие ей бедствия (эпидемии, эмиграция, еврейские погромы, голод 1921 г.) унесли 15–16 млн человеческих жизней. В

стране царили разброд и анархия, что приводило к стремительному росту деклассированных элементов. Но именно в этот период им открылся небывалый исторический шанс: из того, кто был «ником», стать «всеми». Политической силой, стимулировавшей этот процесс, явились коммунисты, большевики.

Большевики были единственной политической силой в России, которая не боялась ни социального хаоса, ни массового насилия со стороны деклассированных элементов. Более того, они сознательно использовали их как таран для разрушения «эксплуататорского общества». Хотя официально русские коммунисты провозглашали своей главной социальной опорой рабочий класс, фактически в глазах многих из них «пролетарий» («бедный», «обездоленный» и т. п.) был не так уж далек от люмпена. Да и идеология их хорошо соответствовала уравнилельским потребностям маргиналов — «казарменный коммунизм».

Эту модель общественного устройства большевики стали активно проводить в жизнь сразу же, как пришли к власти, — не только из-за ситуации чрезвычайного положения в период гражданской войны, но и потому, что это соответствовало их убеждениям. Правда, затем они были вынуждены отступить. Крестьянство было недоволено, что у них насильственно забирают хлеб, а у власти пока не хватало сил, чтобы подчинить их своей воле. Поэтому под нажимом Ленина была объявлена новая экономическая политика (нэп), при

которой был введен более умеренный продналог, дававший возможность крестьянам торговать частью своей продукцией на рынке. Но прошло несколько лет, и нэп был ликвидирован. Этот второй (и окончательный) переход к «казарменному коммунизму» был осуществлен Сталиным.

Сталин лучше других коммунистических лидеров понимал, на какой слой необходимо опираться власти, которая намеревается построить тоталитарный уравнилельный социализм. Сам будучи типичным деклассированным человеком, он хорошо чувствовал психологию маргинала (хотя, естественно, не употреблял этого термина). Он знал, что «промежуточный», культурно обескорененный человек подчиняется силе, способен к слепой вере, лишен нравственных принципов и потому может быть послушным и вместе с тем жестоким исполнителем. И он принимает меры, чтобы рекрутировать социальные низы в структуры власти. После смерти Ленина был объявлен так называемый ленинский призыв в коммунистическую партию. Меньше чем через два года партийные ряды увеличиваются в пять раз. Какой контингент шел в партию, можно судить по такой статистике: даже среди делегатов XVI съезда ВКП(б) (1925 г.) высшее образование имели лишь 5,1%, с низшим образованием было более 60%. Сталин сознательно стремился к тому, чтобы этот новый, люмпенский слой вытеснил более или менее образованную и реалистически мыслящую «старую гвардию», связанную с Лениным. Уже к 1928 г. доля ленинских кадров в партии была менее 1%.

Маргиналов не надо было долго упрашивать примкнуть к власти — они сами рвались к ней. Она давала им ощущение своей значительности, сравнительно легкую и сытую жизнь, где надо было не работать, а командовать. И они шли — в партию, советы, профсоюзы, органы безопасности. Сельский люмпенский слой сыграл поистине решающую роль в осуществлении насильственной коллективизации крестьянства в конце 20-х — начале 30-х годов. Сейчас это стало вполне ясным, когда в эпоху перестройки и гласности появились исследования на данную тему, воспоминания очевидцев, а также произведения художественной литературы. Именно «сердитое нищенство» при поддержке репрессивного аппарата власти сумело опять закрепить русскую деревню — на этот раз в пользу тоталитарного социалистического государства. Сельские низы имели в коллективизации свой собственный интерес — они пользовались имуществом зажиточных крестьян, занимали их избы, становились начальниками над своими односельчанами.

Коллективизация не только поставила крестьян в зависимое положение, но и открыла дорогу массовому перемещению крестьян в города для нужд индустриализации. Индустриализация проводилась полувоенными методами. На «большие стройки» направлялись огромные массы людей, которые жили и работали в крайне тяжелых, походных условиях. Все это были громадные перетряски общества, выбивавшие людей из привычных условий существования, из их социокультурных корней. Достаточно сказать, что если к началу 30-х годов в деревне проживало более 80% населения (и еще 10% — в небольших городах, близких к деревенскому образу жизни), то через какие-нибудь 30 лет соотношение кардинально изменилось — сельских жителей осталось лишь 40% против 60% городских, причем большинство последних жило в достаточно крупных городах.

К этому можно прибавить еще массовые репрессии в сталинский период, перемещение миллионов людей в концентрационные лагеря, дававшие государству практически даровую рабскую силу. Короче говоря, коммунизм в небывалых размерах расширил масштабы социально-культурного обескоренения в России. Создалось, по выражению американского историка М. Левина, «песчаноподобное общество» (*quicksand society*) — «целая нация становилась как бы деклассированной, одни опускались вниз, другие — вверх».

Но люмпенизация общества достигалась не только макросоциальными перемещениями. Ту же цель преследовала культурная политика. Ее основная направленность состояла в уничтожении предшествующих культурных традиций — как национальных, так и мировых. Было предпринято жестокое наступление на религию. Отменялись религиозные праздники, священники арестовывались, церкви разрушались. В 1917 г. в России было 78 тысяч только православных церквей (не считая католических церквей, синагог, мечетей). Через четверть века осталось меньше 100 церквей.

Нравственность заменялась теорией классовой борьбы. Хорошо и правильно было только то, что служило делу социализма и одобрялось властями. Аналогичным образом обстоит дело в интеллектуальной и научной сферах. Марксизм объявлялся Единственно Верным Учением. Все остальное рассматривалось либо как небольшие ступеньки на пути к вершине Абсолютной Истины, либо как безусловные ложь и заблуждение, уводящие в сторону и потому достойные лишь вычеркивания из человеческой памяти. Под этим флагом разворачивались непрерывные кампании против «буржуазных» течений в философии, исторической науке, лингвистике и др. Запрещались целые отрасли научного знания — генетика, кибернетика, социология, психоанализ. Накладывалось табу на многие творения

мировой и национальной художественной литературы. Этот сознательный курс на культурную изоляцию был призван формировать «нового человека», то есть действительно не связанного с общечеловеческими традициями.

Не менее энергично коммунистическая власть стремилась выбить почву из-под ног человека в семье. Сначала, в 20-х годах, была предпринята попытка разрушить семью через проповедь «свободной любви» и отрицания значения брака. Затем от этого отказались и провозгласили необходимость жесткого сохранения формальных семейных устоев — вплоть до затруднения развода и уголовного преследования за совершение аборта. Зато семья оказалась под бдительным контролем государства. Женам не только разрешалось, но и предписывалось доносить на мужей, детям — на отцов. Воспитание детей совершалось по большей части в государственных яслях и детских садах. Отдавать туда детей для многих семей было просто необходимостью: политика в области зарплаты была построена таким образом, что мужчина один не мог содержать семью и женщина также должна была работать.

Вообще главное звено всех усилий режима по созданию общества обескорененных людей состояло в деиндивидуализации человека, привязывании его целиком и без остатка к государственной колеснице — экономически, политически и культурно. Создавалась система, в которой конкретная личность значила нечто, лишь будучи встроенной в ту или иную государственную ячейку. «Пиво выдается лишь членам профсоюза», гласит лозунг, который мы встречаем в книге популярных советских писателей сталинского времени Ильи Ильфа и Евгения Петрова. Другие писатели сравнивали советского человека с винтиком в механизме социалистического общества. Такой «винтик» не мог быть субъектом и творцом своей жизни по определению.

Но никакое общество не может строиться лишь на одних запретах и отрицании культурных традиций. Что же позитивного предложил коммунизм массовому человеку? Когда-то гениальный русский писатель Федор Достоевский в романе «Братья Карамазовы» создал образ Великого инквизитора — своего рода социалистического диктатора, который хочет привести людей к социальному благополучию ценой лишения их свободы. Великий инквизитор указывает три лозунга, которые увлекут за собой массы — «Чудо», «Гайна» и «Авторитет». Большевики отвергали Достоевского и не интересовались им. Однако в своей политике они действовали (конечно, сами того не ведая) вполне по указанному рецепту. «Чудо» состояло в сияющих перспективах построения принципиально нового общест-

ва. В коммунизме не только тот, кто был никем, должен был стать всем, но и из ничего изобреталось все. Это была широкомасштабная технократическая утопия. Предполагалось создать мир, в котором сложнейшие механизмы будут превосходить по своим функциям человеческий разум, а сами люди будут походить на хорошо отлаженные машины, действия которых будут всегда правильными и предсказуемыми. «Сплошная электрификация», «Тракторизация», «Химизация» и т. п. — лозунги сменяли друг друга на протяжении всего коммунистического периода. Нельзя отрицать, что таким путем советской власти действительно удалось вовлечь значительные массы населения в процесс индустриализации, заразить их пафосом технического созидания. В одном из рассказов популярного советского писателя Василия Шукшина простой рабочий парень, подвыпив, кричит: «Верую! В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию! В космос и невесомость! Ибо это объективно!.. Верую!». Для многих подобное чувство было вполне искренним.

Однако в технократической фантазии коммунизма было много характерного именно для маргинального, обескорененного сознания. Малограмотные и невежественные люди выдвигали несбыточные проекты, вроде того, который описан в романе Андрея Платонова «Ювенильное море»: некий инженер задумал приделать к коровам металлический кишечник, металлическое вымя и электромагнитные молочные железы, чтобы животные не болели и давали неограниченное количество молока. Иногда такие мечтания были вполне безобидными, служили людям своего рода компенсацией за безрадостную жизнь в бараках или общежитиях, наполненную каждодневным тяжелым трудом за мизерную зарплату. Но нередко бывало и по-другому. Различного рода проходимцы и сомнительные личности добивались, что власти одобряли их нелепые «открытия», и общество оказывалось вынужденным тратить силы и средства на реализацию пустых затей. Таков был псевдоагроном Лысенко, который, пообещав невиданное повышение урожайности, на 20 лет захватил ведущие позиции в научных учреждениях, обслуживавших сельское хозяйство, одновременно оттеснив людей, занимавшихся подлинной наукой — генетикой. Таков был псевдоврач Ларионов, изобретший чуть ли не бессмертие, и ряд других.

«Тайна» обеспечивалась тем, что узкая группа коммунистических руководителей была отделена от остального населения, действовала практически бесконтрольно. Информация из партийных и государственных учреждений строго дозировалась. Засекречивались порой самые простые документы. Но именно эта атмосфера была

рассчитана на маргинальную психологию рядового человека. Запуганный возможными репрессиями, неспособный трезво анализировать происходящее, готовый верить во что угодно, он принимал таинственность за значительность («если молчат, значит, за этим что-то стоит»).

Наконец «авторитет» — прежде всего авторитет вождя, Сталина. Потребность в нем опять-таки была не случайной. Психологами подмечено, что неразвитый, инфантильный человек обладает сиротским комплексом, неосознанно нуждается в патронаже, в отце. Именно такую роль в сознании миллионов людей играл Сталин — Отец всего народа и всех народов.

Все это настойчиво внедрялось в массовое сознание через хорошо организованную систему пропаганды — радио, кино, обучение в школе, на митингах, в печати. В советский период был выработан особый язык, в котором преобладали выражения из лексикона бюрократии, сокращенные слова, военные термины. Эта безличность, официальность также были призваны формировать обескоренное сознание. Изобретались даже идеологические имена: Вилен (В. И. Ленин), Нинель («Ленин» наоборот), Ким (аббревиатура «Коммунистический интернационал молодежи») и др.

Более подробно о советском периоде в истории России — в следующем параграфе.

ибо только на определенной стадии общественного и научно-технического развития политическая власть смогла получить средства, которые можно было использовать для всеохватного контроля над обществом.

Тоталитаризм возникает на стадии еще незрелого индустриального развития, для которого характерно противоречие между появлением мощных технических средств, массового, стандартизированного производства и недостаточным уровнем модернизации в духовной сфере, отсутствием развитых понятий о самоценности и правах человеческой личности. Программы и концепции тоталитаризма сначала «проигрываются» идеологически (ранний большевизм, различные идеи шовинизма и расизма и др.), а затем прокладывают себе дорогу в мировых войнах, революциях, межимпериалистических противоборствах. Сначала — в России, затем в Италии и Германии, позже в Японии и Китае (не считая более слабых копий в других регионах).

В России тоталитарная система сформировалась раньше, чем в других странах, просуществовала значительно дольше и явилась наиболее развитой во всех своих проявлениях. Можно сказать, что она прошла полный жизненный цикл — от зарождения в небольших оппозиционных кружках до создания гигантской сверхдержавы, пришедшей, в конце концов, к естественному разложению. Причины возникновения тоталитаризма в России ясны из предыдущего изложения. Противоречия запоздалой модернизации и имперской модели, усугубленные внутренними и внешними катаклизмами начала XX в., привели к срыву буржуазного варианта развития страны. Процессы социально-культурного распада открыли тоталитаризму дорогу к власти.

Становление «красного» тоталитаризма в России осуществлялось в два этапа. Первая попытка была предпринята в годы «военного коммунизма». Политика большевиков в этот период в определенной степени была реакцией на реальные трудности, связанные с последствиями мировой, а затем гражданской войны. Не случайно, например, продразверстка (хотя и в значительно более мягкой форме) была введена еще царским правительством в 1916 г. как ответ на отказ крестьянства добровольно поставлять товарный хлеб армии и городам. Вместе с тем та жесткость, с которой советская власть проводила политику «военного коммунизма», во многом питалась идеологическими догмами, стремлением одним скачком перенестись в «царство свободы» от товарно-денежных отношений.

Эта попытка захлебнулась. Силовые методы лишь усугубляли хозяйственную разруху и катастрофическое падение производства.

Кроме того, режим еще не был достаточно прочен в политическом и военно-политическом отношении, чтобы преодолеть противодействие своему диктату со стороны крупных массивов населения. Последовало отступление в нэп.

Годы нэпа позволили восстановить довоенный хозяйственный потенциал, оживить товарообмен между городом и деревней. Но рыночные структуры и методы хозяйствования оказались в остром противоречии с партийной политической монополией и менталитетом правящего слоя. Сам этот слой быстро менялся: «ленинские призывы» в партию, организованные Сталиным, подымали наверх многочисленных представителей культурно обескорененных групп населения, склонных к уравнительству, насилию и волюнтаристским решениям. Параллельно рос и укреплялся репрессивный аппарат, всеильные органы НКВД, все более расширявшие масштабы своей власти над обществом. В конце концов Сталин и его окружение почувствовали себя достаточно сильными, чтобы на исходе 20-х годов, воспользовавшись возникшими трудностями с хлебозаготовками, свернуть нэп и взять общество в тиски казарменного социализма.

Движущим механизмом этого процесса стала насильственная коллективизация деревни. Закрепощение крестьян в колхозах позволило ограничить их потребление практически физиологическим минимумом и направить полученные «излишки» на нужды промышленности. Так, несмотря на резкое падение сельскохозяйственного производства и катастрофический голод в деревне хлебный экспорт в 1928–1941 гг. вырос с 0,03 до 5,1 млн тонн, что дало возможность закупить оборудование для возводимых промышленных объектов.

Такая политика продолжалась и впоследствии. Голод и колхозная система предоставили также стройкам первых пятилеток дешевую рабочую силу. Наконец, коллективизация дала первый по-настоящему массовый приток в ГУЛАГ, который внес весомый, хотя и страшный вклад в процесс форсированной индустриализации.

Возникновение и укрепление такой общественной модели, построенной буквально на костях миллионов, не объяснить одним насилием. Безусловно, сталинский репрессивный аппарат, разросшийся до гигантских размеров, наводил страх на общество. Но вместе с тем значительная часть интеллигенции и рабочих, особенно молодежь, была искренно увлечена коммунистической идеей, пафосом научно-технического прогресса, который принесли большевики. Идеализм и самоотверженность людей стали одним из важнейших ресурсов социалистических пятилеток. И этот энтузиазм шел не только снизу, но и сверху. Даже чудовищные «органы» могли существо-

вать лишь потому, что в них рядом с откровенными садистами служили Корчагины.

Кроме того, в глазах многих большевики были «собирателями» государства после его развала в 1917–1920 гг. — эту миссию признавали за ними даже русские эмигранты. Наконец, форсированная индустриализация оправдывалась необходимостью защиты государства от внешней агрессии — и действительно, созданный промышленный потенциал сыграл огромную роль в Отечественной войне (хотя он мог бы быть создан и иными средствами). Короче, коммунистический режим в СССР обладал тогда достаточно высокой степенью легитимности и массовой поддержки. Не надо забывать еще, что большевистская власть имела дело с достаточно податливыми, сбитыми с толку, подвергшимися процессам культурной дезинтеграции слоями населения.

Вера и цинизм, подвиги и преступления, добровольность и насилие, труд и разгильдяйство, правда и обман — все это вошло в Систему, причудливо переплелось в ней. Мы до сих пор плохо понимаем то общество, в котором еще недавно жили, отчасти потому, что Система была предельно закрытой и даже сегодня неохотно выдает свои секреты. Отчасти — из-за огульного отрицания прошлого, столь распространенного сегодня. Гораздо важнее разобраться в этом прошлом, обнаружить те скрепы, которые соединяли советское общество на протяжении жизни трех поколений. Эта аналитическая работа по существу только начинается.

Для наших целей нет нужды предпринимать последовательное изложение истории СССР. Моей задачей является общее представление о типе общества, существовавшего в эту эпоху, в том числе с точки зрения модернизации, которую осуществлял (или претендовал осуществлять) коммунистический режим.

Власть «Кадры решают все» — этот сталинский принцип является, пожалуй, центральным для понимания структур власти в коммунистический период. Ядром их являлась так называемая номенклатура.

Номенклатура — это особый тип бюрократии, отличный от привычного западного его понимания. Советская бюрократическая элита не была «рациональной» в веберовском смысле слова, то есть по преимуществу инструментальной по характеру своей деятельности, подчиненной политикам и осуществляющей лишь функции исполнения и упорядочения административных процедур. Бюрократия в СССР — это особый слой, или класс людей, который складывался как единственный носитель власти. Он никому не подчинялся (если не считать, конечно, внутренней субординации его звеньев), никем

не контролировался и как бы являлся для себя самоцелью. Конечно, его существование скрывалось под идеологической завесой и внешними формами, в которых все должно выглядеть, «как у других», — демократические процедуры, голосование, разделение властей, борьба мнений и т. д. Но это служило лишь оболочкой.

В собственном смысле номенклатура — это сравнительно узкий круг лиц, наделенных особыми правами в структуре власти и повышенными материальными привилегиями. Номенклатура формируется как перечень руководящих должностей на различных уровнях, конкретных кандидатов на которые (а также возможных кандидатов на будущее, так называемый резерв) утверждает вышестоящий орган. Проникновение в номенклатуру, занятие даже низшей в ней должности, открывает ее обладателю возможность дальнейшего продвижения по ступенькам служебной иерархии, причем сфера управления может как угодно меняться: идеология, затем химическая промышленность, потом органы госбезопасности и т. д.

Критериями подбора кадров являются не столько профессиональная компетентность (хотя какой-то минимум деловых качеств принимается в расчет), сколько личная лояльность и так называемая «политическая зрелость». Последний критерий можно расшифровать примерно так: умение ставить солидарность с братьями по номенклатуре выше личных побуждений, мнений, здравого смысла и т. п., готовность выполнять любое вышестоящее указание («приказ партии») независимо от того, что оно может показаться нелепым, — во имя указанной солидарности.

Выполнение этих обязанностей искупается двумя крупными привилегиями. Во-первых, привилегией гарантированной власти на отведенном тебе уровне. Во-вторых, положенной опять же на каждом конкретном уровне суммой материальных благ и привилегий — качественными продуктами питания и другими потребительскими товарами по заниженным ценам, личным автомобилем, престижными курортами, более удобным жильем, медицинским обслуживанием и др. По западным меркам эти блага могут показаться не столь уж большими. Но в советских условиях постоянного товарного дефицита и нехваток элементарных услуг указанные привилегии были весьма ощутимы.

В целом номенклатура формировалась как некий клан на базе своеобразных патрон-клиентных отношений. Своеобразие его состояло в полной обезличенности. «Место», должность указывали человеку, как себя вести, какую соблюдать субординацию, с кем разговаривать на равных, а с кем — сверху вниз, в каком доме отдыха проводить отпуск и т. д. Среди номенклатуры существовала не-

писаная, но довольно четкая корпоративная этика. Она предусматривала строжайшее сохранение тайны того, что имеет хождение внутри номенклатуры, особый язык общения между собой и с внешним миром, наконец, жесткую внутреннюю дисциплину.

При всей своей элитарности рекрутирование в ряды номенклатуры отличалось известным демократизмом. Вертикальная мобильность правящего слоя при коммунистическом режиме была намного выше, чем в дореволюционной России. Интересно, что очень многие руководители в советское время вышли из крестьянства — класса, который они же уничтожили. Но, как правило, они происходили из беднейших крестьянских семей, наиболее подвергшихся процессам социокультурной эрозии.

В рамках номенклатуры внутренняя субординация могла меняться. Так, в 30–40-е годы подбор кадров хотя и осуществлялся партийными инстанциями, фактически главенствующую роль играл здесь узкий круг лиц, связанных непосредственно со Сталиным. Последний в проведении своей политики опирался больше на органы госбезопасности, чем на партию. После смерти Сталина органы безопасности были подчинены партийной элите, которая стала главным источником назначения кадров, а также центром, определявшим основные направления деятельности в сфере производства и различных областях общественной жизни. Режим личной власти сталинского типа был заменен системой коллегиального управления и консенсуса, что означало прежде всего гарантии безопасности для правящего чиновничества.

Покров секретности, всегда окружавший номенклатуру в СССР, затрудняет точное определение ее численности. По оценкам М. Восленского, а также некоторых западных специалистов, партийная номенклатура, например, в 1970 г. составляла (с семьями) 3 млн человек, или 1,5% населения. Если же прибавить сюда близко примыкавшие к номенклатуре звенья управленческого аппарата (государственного, хозяйственного, профсоюзного и др.), то эта цифра увеличится. Общая численность управленческого слоя в СССР (с семьями) оценивалась накануне перестройки в 18 млн человек, что составляет 6% населения. В итоге получается весьма внушительный сектор в общественной структуре, объединенный вполне определенными материальными и властными интересами.

Хозяйство

Народнохозяйственный комплекс в СССР трудно оценивать по экономическим критериям. Его функционирование было подчинено политическим и идеологическим задачам. Большевицкий социализм стал продолжением и ужесточением имперской модели,

реализовавшейся под иными идеологическими лозунгами. Индустриализация оказалась сконцентрированной вокруг военно-промышленного комплекса и осуществлялась за счет подавляющей части населения, его эксплуатации добуржуазными методами, дошедшими до рабского труда концлагерей. Перед централизацией власти партийной номенклатуры бывшие монархические институты выглядели просто игрушками. Принеся громадные жертвы на алтарь имперства, Россия стала лидером второго мира, одной из двух супердержав, претендовавшей в перспективе на мировое господство.

Как и в случае номенклатуры, сверхсекретность военного сектора не позволяет точно определить его реальную долю в национальной экономике. Но можно уверенно сказать, что потребностям оборонки была прямо или косвенно подчинена лучшая (а во многих отраслях — и большая) часть производственного потенциала. По некоторым оценкам, к концу коммунистической эры оборонный сектор поглощал 22–28% валового национального продукта СССР. В 1991 г. на военные нужды прямо или косвенно работало около 80% мощностей машиностроения (в то время как на изготовление потребительских товаров — лишь 5–6%). Эта громадная диспропорция, имевшая аналоги лишь в некоторых странах в военное время, стала проявляться начиная с первых предвоенных пятилеток. Тогда в стране был создан ряд новых отраслей (авиастроение, автомобилестроение, тракторостроение), значительно возросло производство в тяжелой индустрии. Все это было направлено во многом на нужды военного сектора.

В курсах по советской истории всегда подчеркивались стремительные темпы экономического роста в СССР. Однако реалистическая оценка достижений сталинской экономики показывает, что общие темпы хозяйственного роста в предвоенный период были достаточно скромны. По расчетам Г. И. Ханина (являющимися на настоящий момент наиболее надежными), за 1929–1941 гг. прирост национального дохода составил лишь 50%, или 3,2% в среднем за год, несмотря на то, что норма накопления была поднята до невиданных 40% национального дохода. Такие результаты в значительной мере объясняются тем, что эффект рывков, осуществленных в нескольких «ударных» отраслях, во многом свелся на нет ущербом, нанесенным сельскому хозяйству и секторам, ориентированным на потребности населения.

Главным достижением (если это можно назвать так) сталинской власти в ходе индустриализации стало не столько общее ускорение прогресса народного хозяйства, сколько то, что удалось переломить естественный ход экономического развития и навязать стране фор-

сированное создание тяжелой и военной промышленности за счет упадка или стагнации остальных отраслей.

Отличительной чертой советской экономической модели было крайне расточительное расходование людских и материальных ресурсов. Показательно, что фондоотдача в экономике СССР сокращалась в течение всего периода с 1929 по 1987 г., за исключением одного десятилетия — 1951–1960 гг. Это означает, что объем производственных ресурсов, необходимых для получения единицы прироста продукции, постоянно возрастал. Почти непрерывно (кроме того же десятилетия) увеличивалась и материалоемкость производства. Развитие советского хозяйства происходило преимущественно экстенсивным путем, за счет вовлечения в производство во все больших масштабах природных и людских ресурсов.

Низкая эффективность хозяйствования была связана прежде всего с отсутствием реальной заинтересованности производителей в снижении издержек. Эта заинтересованность подрывалась фактической бесплатностью предоставляемых государством производственных фондов и финансовых средств и одновременно — подавлением инициативы и ответственности снизу, уравнительной и абсолютно низкой оплатой труда, игнорированием элементарных рыночных механизмов.

Отсюда крайне низкая восприимчивость к научно-техническим новациям. Руководители предприятий, как правило, весьма неохотно шли на модернизацию действующих производств, поскольку для них она обычно означала не только большие трудности освоения новых технологий, но и более напряженные плановые задания, которые не компенсировались адекватным увеличением вознаграждения. Давление в сторону внедрения новой техники, как правило, шло сверху, в то время как иные стимулы (в виде конкуренции, удорожания рабочей силы и т. п.) отсутствовали или были слабы.

Масштабные сдвиги в технике производства осуществлялись в значительной мере за счет импортируемой или скопированной у Запада технологии. Массовые инъекции зарубежного оборудования имели место в начале 30-х годов, во время и сразу после Отечественной войны в виде поставок по ленд-лизу и репараций и в 70-е годы, после того как забил «нефтедолларовый фонтан». Научно-технические прорывы, осуществленные собственными силами, обычно имели место в сферах, напрямую связанных с военными нуждами, и достигались ценой колоссальных затрат средств без учета их реальной отдачи.

Кроме того, стремление распределять ресурсы из единого центра с самого начала не могло не породить многочисленных ошибок в

выборе инвестиционных приоритетов, недостаточной скоординированности в развитии взаимоувязанных отраслей и производств, которые оборачивались крупнейшими экономическими потерями. По мере усложнения народного хозяйства трудности обработки всего объема информации, необходимой центру для принятия решений, постоянно возрастали, делая задачу рационального директивного планирования все менее выполнимой.

Да и сама задача, поставленная перед планированием, была по сути неразрешимой — сочетать постоянное наращивание военных мускулов и питающей их группы «А» с более или менее приемлемым обеспечением потребительских нужд населения. В хрущевский и брежневский периоды были предприняты определенные усилия для увеличения жилищного строительства, роста производства товаров длительного пользования, сделаны крупные вложения в аграрную сферу. Однако эти меры дали сравнительно скромные результаты, не соответствующие ни произведенным инвестициям, ни общему индустриальному потенциалу страны. В середине 80-х годов, по расчетам советского экономиста Б. М. Болотина, годовой валовой внутренний продукт на душу населения в бывшем Советском Союзе составлял 7450 долларов — где-то между средним показателем Западной Европы (12 700 долларов) и Латинской Америки (3200 долларов). Но если взять уровень потребления в сравнении с любой развитой страной (скажем США), то картина будет иной. Объем индивидуального среднедушевого потребления у нас составлял всего 27% от уровня США, что ниже, чем у Уругвая (40%), Мексики (30%), Аргентины (29%), и чуть выше Бразилии (25%). Эта разница между общим и потребительским душевым валовым внутренним продуктом естественна: непропорционально большая часть советской экономики работала не на человека, а на государственные, прежде всего военные цели. Соответственно по целому ряду общепринятых показателей качества жизни (детская смертность, продолжительность жизни, обеспеченность жильем и т. п.) вторая «сверхдержава» выглядела хуже многих развивающихся стран.

Общество Хозяйственные диспропорции и «узкие места» национального воспроизводственного комплекса не были результатом чьего-то недосмотра, субъективных просчетов и т. п. За ними стояли те общие принципы и несущие конструкции, на которых зиждилась Система. «Красный» тоталитаризм в России методично строил общество, где человек, каждый конкретный индивид приносился в жертву некоему стоящему над ним механизму — Левиафану государства, которому было предназначено расти, увеличивать военный потенциал,

расширять сферы своего влияния в мире, в конечном итоге — «осчастливить» весь род людской коммунистической идеей. В советском обществе практически не оставалось места для индивидуальной самостоятельности. Даже сама номенклатура во многом была пленницей той цитадели (или тюрьмы), которую она создавала.

«Каждому — свое», — гласила надпись на воротах фашистского концлагеря. В известном, но специфическом смысле этот принцип может считаться ключом и к пониманию коммунистической Системы. Движущим нервом ее деятельности, кроветворным началом было Распределение. И это понятно. Общество, которое постоянно работает на пределе своих возможностей, где нарушены нормальные пропорции между накоплением и потреблением, где отсутствуют стимулы для индивидуальной экономической инициативы и спонтанного роста производительности труда, не может не находиться в состоянии хронического дефицита. А дефицит надо распределять! Распределяли все — фонды, ресурсы, квартиры, премии, гвозди, подарки на елку, почетные грамоты, пайки в лагерях. Не производство обуславливало распределение, а скорее наоборот — от распределения прямо зависело производство. Чтобы гигантский механизм Системы мог крутиться и наращивать обороты, надо было всех хоть как-то оделить от скудного общественного пирога — и притом каждого по месту, по ранжиру, по его ценности для Системы. Отсюда краеугольный принцип «учета и контроля», отсюда тучи бухгалтеров и проверяльщиков, отсюда кипы бумаг, обязывающих тебя удостоверить перед получением своей доли, что ты — это ты.

Если представить себе иерархию прав на распределение (и соответственно прав на получение более высокой доли общественного богатства) в советской Системе, то ее можно изобразить как нисходящую пирамиду, в которой места распределяются по степени близости к власти, а также к самим техническим функциям «раздачи» потребительского пирога. На самом верху находилась номенклатура (1,5–2% населения), доходы которой (вместе с различными льготами) в 20–25 раз превышали заработки низших слоев. Далее шло несколько групп, близко примыкавших к номенклатуре по статусу или непосредственно обслуживавших ее. К примеру, шофер, возивший «хозяина» области, мог по уровню жизни дать сто очков вперед любому профессору.

Среди этих групп можно выделить следующие. Во-первых, управленцы, формально не входившие в номенклатуру (крупные чиновники, хозяйственники, функционеры), которые по своему положению имели возможность извлекать высокие доходы, а также ведущие специалисты (инженеры, писатели и др.). Этот слой воз-

ник еще при Сталине, примерно с конца 30-х годов. Тогда режим, отойдя от аскетической уравнительности раннего периода, стал целенаправленно укреплять собственную социальную базу — создавать своего рода советский «средний класс», слой людей, хотя и идеологически лояльных, но настроенных на профессиональное самоутверждение и материальное вознаграждение, полагающееся за определенные достижения.

Во-вторых, работники торговли, снабжения и общественного питания (10% занятого населения), из которых примерно 1% составлял высшую группу, по доходам близкую к номенклатуре, а иногда даже превышающую ее. В силу своих специфических позиций в системе распределения этот отряд традиционно находился в привилегированном материальном положении. Например, согласно данным обследования, проведенного в первые годы перестройки, работникам торговли принадлежало 70% легковых автомобилей иностранных марок.

Имелось еще несколько сравнительно высокодоходных групп, существование которых в общем санкционировалось режимом, и численность которых постепенно имела тенденцию роста. Это люди, работавшие на севере; производители и особенно торговцы некоторых республик Кавказа и Средней Азии; наконец те, кто работал или служил за границей и имел возможность получать валюту.

В целом примерно 6–7% населения можно было причислить к тем, доходы которых были близки или достаточно близки к номенклатурному уровню. А дальше шли «остальные». Примерно треть из них зарабатывала от 50 до 100 рублей в месяц на человека, еще одна треть — от 100 до 150 рублей и, наконец, последняя треть — от 150 до 250 рублей (данные на 1987 г.). Если сопоставить эти доходы с тогдашними ценами (цветной телевизор — 700 рублей; холодильник — 350 рублей; женские сапоги — 150 рублей и т. д., да к тому же в условиях постоянного дефицита приходилось за все это постоянно переплачивать), то ясно, что эти доходы были достаточны в основном лишь для удовлетворения весьма скромных потребностей в питании и одежде. Иными словами, примерно две трети советского населения жили весьма близко к черте бедности или за ней и лишь четверть несколько уходила от нее.

подавляющее большинство людей в советском обществе существовали на жалованье (и пенсии). Побочные доходы (приусадебные участки, индивидуальная трудовая деятельность) до середины 80-х годов занимали незначительную часть в их семейных бюджетах. Чрезвычайно низким был уровень сбережений. Подсчитано, например, для середины 80-х годов: чтобы жить на процент по вкла-

дам на уровне тогдашнего среднедушевого дохода (125 рублей), человек должен был копить соответствующую сумму 500 лет! Поэтому для основной массы трудящихся (90–95%), включая даже сравнительно высокооплачиваемые группы, сбережения (по данным 60–70-х годов) не превышали 1–4% постоянного дохода, а их общий объем составлял лишь половину общей суммы вкладов. Зато другая половина (по некоторым данным — 40%) приходилась всего на 3% вкладчиков, причем 1% из них аккумулировал до трети этой суммы. Эти цифры вполне подтверждают отмеченное выше деление Системы на узкую верхушку и «остальных». Правда, существовали еще и так называемые общественные фонды (образование, медицинское обслуживание, различного рода льготы), которые составляли примерно пятую часть общих доходов населения. Но, во-первых, это подспорье было весьма относительным, уровень образования, медицинского обслуживания был весьма низким. Во-вторых, существенная доля общественных фондов (особенно их бесплатная часть) доставалась опять-таки избранному слою через системы спецраспределителей.

Но дело было не столько в самом факте социального неравенства — оно существует и в других обществах. По развитым капиталистическим странам разница высших и низших доходов может зачастую даже превышать соотношение 20–25 : 1. Главное — в наполнении второй цифры, уровне благосостояния низших и средних групп, который в развитых странах был намного выше, чем в бывшем СССР.

Показательно также, что в советской Системе социально-имущественные характеристики «остальных» групп, большинства трудящихся в общем и целом тяготели к уравнительности. Правда, в 30–40-х годах (и в определенной мере до середины 50-х годов) задачи стимулирования роста «ударных» отраслей индустрии побуждали руководство повышать зарплаты одних работников за счет других. Соотношение 10% высших и низших доходов доходило тогда в народном хозяйстве до 8 : 1. Но затем Система взяла курс на «социальную однородность» общества. В 60–70-х годах этот коэффициент составлял уже всего порядка 3–4 : 1. Эта тенденция вполне отвечала коммунистической идеологии, но отрицательно сказалась на трудовых мотивациях. В результате инженер нередко стал зарабатывать на одном уровне с рядовым рабочим или даже меньше его, а дипломированный врач или учитель — отставать по зарплате от неквалифицированного рабочего, что составило резкий контраст с аналогичными пропорциями нормальных западных стран. В результате стимулы профессионального совершенствования все более слабели. Достаточно сказать, что к концу 70-х годов, когда власти уже

давно объявили о достижении стадии «развитого социализма», среди работников народного хозяйства 51,3% — больше половины! — составлял неквалифицированный персонал, занимавшийся примитивным, главным образом физическим трудом.

Может быть, некоторые из приведенных показателей, благодаря уровню статистики в СССР (организованной так, чтобы замалчивать или даже исказить реальное положение дел), приближительны или основаны на экспертных оценках. Однако нет никакого сомнения, что в общем эти данные дают достаточно верную картину общества, построенного советской властью. По сравнению с официально провозглашенным лозунгом «Все для человека», в этом обществе дело обстояло во многом наоборот. Не Система существовала для человека, а человек для Системы. В ней действовали разные персонажи — «инженеры человеческих душ», «прорабы», «винтики». Но не было места Личности, то есть человеку свободному, обладающему какой-то собственностью, правовой защищенностью, возможностью самостоятельного политического участия и нишей для своей частной жизни.

Разложение Но идеальный, «предельный» тоталитаризм существует только в романах Джорджа Оруэлла. Человеческая природа противится прокрустову ложу насильственного, обезличенного порядка. Слабеет хватка организаторов и управляющих, растет сопротивление управляемых. Примерно с середины 70-х годов в советской Системе явно обозначаются признаки разложения.

В брежневский период постепенно размагничивается дисциплина и снижается эффективность номенклатуры. Пребывание на любой руководящей должности становится практически неподконтрольным. Требуется не столько работа, сколько отчеты о ней и личная лояльность. При соблюдении этих условий прощаются любые должностные нарушения. А таковых становится все больше — взятки, различные злоупотребления служебным положением. В крайних случаях провинившиеся просто переводятся в другое место, на другую руководящую должность. В своей же массе крупные руководители держатся на своих постах чрезвычайно долго, до глубокой старости. Не случайно эпоха Брежнева отмечена господством чиновной геронтократии.

Соответственно сокращалась способность центральных органов определять стратегические приоритеты общенационального развития. Реальная власть перетекала к отраслевым министерствам и крупным предприятиям. Распределение ресурсов фактически приобрело характер «административного торга» между ведомствами, в котором решающую роль играли не столько национальные интересы,

сколько политические и экономические «веса» участников. Слабела хозяйственная дисциплина, не выполнялись плановые задания, участились приписки. К концу брежневского периода возможности Центра реализовать долгосрочную хозяйственную стратегию были фактически утеряны и его роль свелась к роли спасательной команды по срочному латанию постоянно возникавших прорех.

Этим тенденциям сопутствовали более глубинные процессы — нарастающие признаки износа экономического механизма. Страна была уже не в состоянии нести бремя громадных ресурсопоглощающих отраслей тяжелой индустрии и военных производств. Упали темпы прироста капиталовложений, в 1981–1985 гг. началось их абсолютное сокращение. Аналогичным образом катастрофически снизились темпы роста национального дохода — с 7,2% в 1951–1960 гг. до 0,6% в 1981–1985 гг. Советская экономика фактически достигла ресурсных пределов своего развития и без радикального реформирования обрекалась на все более быструю деградацию. Особенно явный спад наблюдался в отраслях, производящих товары народного потребления. С середины 70-х годов росла зависимость от импорта продовольствия, а также многих видов оборудования и материалов для производств группы «Б».

Возникала подпольная, или теневая экономика — нелегальное производство потребительских товаров, эксплуатация в частных целях государственного оборудования. Значительное число людей явно или тайно занимались второй работой (репетиторство, платное лечение, коммунальный сервис, бригады шабашников-строителей и др.). На дефицитные товары устанавливались негласные цены. По обследованиям социологов, в первой половине 80-х годов за различные товары и услуги переплачивало 83% населения. Возник стихийный импорт зарубежных товаров через командированных и работающих за границей («везуны»).

В своей основе это были естественные процессы. Они вносили начала экономического плюрализма в действительность, зажатую хозяйственным администрированием. Вместе с тем в экономике и социальной сфере усилились криминальные тенденции. В массовых масштабах росло хищение государственного имущества и его перепродажа («несуны»). Возникла смычка некоторых групп среди чиновников, хозяйственников и работников торговли, наживавших огромные деньги на незаконных операциях («мафия»).

Эрозия и распад поражали одну за другой области общественной жизни. Если в хрущевские времена говорили об «оттепели», то теперь на глазах происходило «таяние» Системы. Ослабло влияние некогда всепроникающей Идеологии. Власти безуспешно пытались

вдохновить народ перспективой «развитого социализма» и «моральным кодексом строителя коммунизма». Люди перестали ходить на торжественные демонстрации и официальные мероприятия. Последним спонтанным всплеском массового энтузиазма были торжества по поводу полета в космос Юрия Гагарина в 1961 г.

Появились диссиденты, правозащитники, «подписанты». В литературе громко заявила о себе «лагерная тема», распространялись произведения Солженицына, бурно рос «самиздат». Участилась эмиграция за рубеж ученых и артистов. Большинство же общества замкнулось в себе, в семье, в друзьях. Молодые специалисты уходили из государственных учреждений и работали дворниками. Зазвучали голоса самодеятельных композиторов («бардов»), призывавших, как в знаменитой песне Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Но это был уже не прежний социалистический коллективизм, который стремительно испарялся. Происходила атомизация общества, люди оказывались в ситуации одиночества, пришедшей на смену чувству единения с государством, «нашей бучей, боевой, кипучей». Как результат возникал «интим» различных неформальных объединений, культ друзей и частной жизни.

Можно указать и на другие сопутствующие явления «застойного» времени: распространение культа потребительства, вызванного демонстрационным эффектом уровня жизни более развитых стран; нарастающее влияние массовой культуры Запада (от мод и импортных «шмоток» до рок-музыки и сексуальной революции); всплески алкоголизма, наркомании. Система неумолимо вползала в кризис, окончательным выражением которого стал период так называемой перестройки с середины 80-х годов.

«Реальный социализм» и модернизация

Еще домарксистские социалисты в России рассматривали социализм как национальный путь развития, модернизации. В программах большевиков курс на модернизацию, понимаемую, по крайней мере, в смысле научно-технического прогресса, был выражен еще более очевидно. Что же получилось на деле?

В западной литературе иногда высказывается точка зрения о социализме как альтернативном варианте модернизации в странах запоздалого развития. Таков, например, подход немецкого ученого Дитера Сенгааса в его книге «Европейский опыт». Он говорит о «социалистических индустриальных обществах» XX в., которые за немногие десятилетия сумели преодолеть отсталость экономики «периферийного» типа. Д. Сенгаас не отрицает присущих социализму противоречий, кризисных и застойных тенденций. Тем не менее он

полагает, что в отличие от третьего мира социализм сумел создать самостоятельный национальный воспроизводственный комплекс и автономный внутренний рынок, что открывает путь равноправной интеграции в мировое хозяйство. Хотя автор основывает свои заключения на таких странах, как Китай, Куба, северная Корея и др., не рассматривая специально Советский Союз, распространение на него вышеприведенной оценки предполагается.

Книга Д. Сенгааса писалась в конце 70-х годов, когда были еще не вполне ясны признаки надвигавшегося кризиса социализма. Автор анализировал больше намерения и претензии социалистических лидеров, нежели реальные результаты их политики. Возможно также, что он не располагал достаточно широкой информацией. Бесспорно, в социалистических планах развития ликвидация национальной отсталости формулировалась как одна из главных целей. Но вокруг чего концентрировалось развитие? Опыт социализма в различных странах показал достаточно ясно: вокруг политических императивов, строительства и укрепления авторитарной или тоталитарной власти, государства. Это особенно хорошо видно на примере Советского Союза, где национальная экономика организовывалась вокруг мощного военно-промышленного комплекса. Поэтому в социалистических странах индустриализация и экономический рост «не работали» на массовый потребительский спрос, на создание полноценного внутреннего рынка и внутрихозяйственной пропорциональности.

Экономические структуры оказались лишены самостоятельной динамики, страдали от дезинтегрированности и односторонности, хотя и по-другому, чем в классических периферийных обществах третьего мира, прямо зависимых от развитых стран.

Если брать конкретный пример России, то нельзя отрицать, что социалистический период ее истории принес те элементы, которые принято включать в процесс модернизации, — индустриальный рост, урбанизацию, научно-технический прогресс, развертывание массовой системы образования и здравоохранения, развитие коммуникаций и пр. Но, во-первых, вряд ли все это можно считать исключительными достижениями коммунистического режима. Указанные элементы и процессы имели место еще в дореволюционной России и в случае, если бы не произошло срыва буржуазной модернизации в 1917 г., развивались бы, возможно, даже успешнее, поскольку не были бы связаны со столь серьезными издержками.

Во-вторых, отдельные элементы модернизации еще не составляют модернизации в целом. Экономическая модернизация страны не сопровождалась политической модернизацией — созданием демо-

кратических политических структур. Некоторые социальные достижения (например, отсутствие безработицы) были основаны на искусственном ограничении доходов и уравнивании большинства населения в бедности. Право в реальной жизни подменялось бюрократическим произволом. Рост массового образования в значительной мере обесценивался его невысоким качеством и ограничением доступа к знаниям по идеологическим критериям. Принудительный социалистический коллективизм подавлял личность.

В итоге социализм в России принес то, что может быть названо негативной модернизацией. Коммунистический режим намного более решительно, чем самодержавная власть до 1917 г., уничтожал структуры традиционного общества в России. Конечно, он не сумел сделать этого полностью. Более того, отдельные элементы наследия прошлого — осознанно или стихийно — воспроизводились в советском обществе. Например, высшие партийные органы в СССР (Политбюро во главе с генеральным секретарем), как отметил американский историк Э. Л. Кинан, очень напоминали олигархию царско-боярской власти в Московской Руси. Или, допустим, в критические годы войны с фашизмом Сталин мог на какое-то время приостановить преследования церкви, апеллируя к национальным традициям русского народа. Но в целом прежние культурные традиции и социальные институты были подвергнуты целенаправленному разрушению — сословное деление общества, община, дворянская культура, религиозные обычаи. Заодно разрушалось и то, что успело пустить корни в недолгий период буржуазной модернизации (предпринимательство, демократические учреждения, научные традиции и пр.).

На «очищенном» месте коммунизм в России попытался создать «новую социалистическую цивилизацию» — мир единой официальной идеологии, торжественных заседаний, парадов, принудительного или полупринудительного труда. Эта попытка не удалась и не могла удалась. Не только по причине тоталитарного, антигуманного характера «реального социализма» в России, но и потому, что ничего прочного в истории не может быть создано посредством разрушения. В этом смысле ситуация негативной модернизации создает немалые трудности и для дальнейшего развития России в посткоммунистический период.

§9. АЛЬТЕРНАТИВЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Правомерно ли так ставить вопрос?

Мы видели: в истории России, в том числе за последние три века, много драматических и даже трагических страниц. Не случайно некоторые замечательные русские мыслители или ученые (например П. Я. Чадаев), обозревая прошлое отечества, порой впадали в настоящее отчаяние. И все-таки вряд ли такой тотальный пессимизм будет оправданным. Не только потому, что темное в нашей истории соседствует со светлым, беззакония, жестокость и фанатизм — со взлетами мысли, нравственными подвигами, научно-техническими достижениями. Дело еще в том, что те явления отечественной истории, которые известны нам уже как факты и результаты, на самом деле утверждались в общественной борьбе, где имели шанс на успех и другие исходы или альтернативы.

Но возможно ли для ученого, историка говорить «если бы» применительно к прошлому? Имеем ли мы право считать, что события в истории могли развиваться по тому или другому сценарию? Скажем, как пошла бы история, если бы Цезарь спасся от кинжала Брута? Если бы Наполеон погиб на Аркольском мосту? Если бы Ленин прожил на несколько лет дольше и добился смещения Сталина с поста генерального секретаря, что он, как свидетельствуют источники, твердо собирался сделать?

Убедительно ответить на эти вопросы непросто, поскольку легко впасть в различного рода крайности. Одна такая крайность — объявить действительный исторический факт случайностью, «проиграть» иную историческую альтернативу в зависимости от своих симпатий и антипатий. Тогда в исследование закрадывается чрезмерный субъективный элемент. Но еще более распространена другая крайность — представлять реально случившееся неизбежным. Например, один из отцов марксизма в России Г. В. Плеханов в свое время последствия возможной гибели Наполеона на Аркольском мосту комментировал примерно так: все равно принципиально

ничего бы не изменилось, пришел бы другой Бонапарт, Франция в любом случае вела бы завоевательные войны и т. п.

В марксистской историографии такого рода позиция была доведена до своего логического конца. Например, историк М. В. Нечкина высказывалась так: «Историку... запрещено сослагательное наклонение». То есть мы не имеем права сказать: если бы тогда-то случилось по-иному, дальнейший ход событий мог быть другим. Мы должны отталкиваться только от реальных фактов и объяснять, почему это произошло так, а не иначе, и что из этого последовало. Если что-то случилось, значит оно должно было случиться, а все остальное от лукавого.

Такой подход по сути убивает историю как науку. Ведь если историк лишь констатирует то, что было, и задним числом подыскивает этому объяснение, то он покидает почву научного анализа и становится пассивным регистратором событий, если не их апологетом. Разумеется, ничто происшедшее не беспричинно, оно вызывается определенными обстоятельствами и закономерностями. Верно и то, что «переиграть» историю нельзя. Но закономерность в истории — это не «железный» закон, а большая или меньшая вероятность. Кроме того, различные закономерности и тенденции сосуществуют, сталкиваются друг с другом.

История, общественная жизнь людей — это специфический объект изучения. Он отличается, скажем, от магнитного поля, где железные опилки четко располагаются в направлении полюсов магнита; или от ядерного ускорителя, где происходит движение элементарных частиц. Но, между прочим, даже в ядерном ускорителе, как доказали физики, траектория движения элементарных частиц оказывается не жестко заданной, может иметь непредвиденные отклонения. А не так давно замечательный бельгийский ученый русского происхождения Илья Пригожин, изучая химические и физико-химические явления, установил: при различного рода колебательных процессах (флуктуациях) в атомарно-молекулярных структурах могут возникать состояния бифуркации, то есть возможность развития тех или иных процессов в различных направлениях.

Так что же говорить об истории, где действуют люди, наделенные сознанием, совестью, страстями, даже прихотями. Поэтому вывод, и вполне научный, может быть только один: истории объективно, внутренне присуща альтернативность, и рассуждать об этом, исследовать это — вовсе не праздное занятие. Замечательно сказал об этом известный советский историк и филолог Юрий Лотман: история предстает перед нами «не пассажиром в вагоне, катящемся по рельсам от одного пункта к другому, а стран-

ницей, идущей от перекрестка к перекрестку и выбирающей путь».

Но дело не только в анализе прошлого. Поиск альтернативности еще важнее при подходе к современности, к настоящему и будущему. Именно в этом случае возможность выбора различных решений выступает для каждого человека, тем более общественного или политического деятеля, особенно остро и наглядно.

Другое дело, что при выявлении альтернативности надо соблюдать определенные условия. По-видимому, рассмотрение различных вариантов имеет смысл по отношению не ко всем фактам и процессам в истории, а по отношению к тем, которые действительно оказывают большое влияние на течение общественной жизни. Важно отличать реальные альтернативы от мнимых или малозначительных. Вообще несмотря на то, что альтернативный подход все более завоевывает признание среди историков, его теоретическая разработка находится еще в самом начале.

Но в общем-то уже ясно, что историческая альтернативность имеет, так сказать, свои рамки, внутренние циклы, в пределах которых возможности исторического выбора то расширяются, то сужаются. Наиболее ярко выраженные «точки бифуркации» возникают либо в периоды крупных кризисов, когда общественные структуры приходят в брожение и люди ищут выход из создавшегося положения, либо когда субъекты исторического действия (лидеры, организации, отдельные группы) по тем или иным причинам могут оказать серьезное воздействие на крупномасштабные процессы. Короче, возникают так называемые «звездные часы», когда веер различных вариантов и исходов весьма широк (хотя, разумеется, не беспределен). Но после того, как выбор уже сделан, дальнейшая альтернативность сужается (хотя, опять-таки, никогда не бывает равна нулю). Какой-то период течение событий идет более-менее инерционно, «заданно» — до следующих «звездных часов», когда начнется новый цикл.

Попробуем посмотреть с этой точки зрения хотя бы на последние два века нашей истории.

Шансы на Сенатской площади

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. в сознании многих представляется каким-то эфемерным событием, «безумством храбрых», заранее обреченным на неудачу. Между тем это была единственная в XIX в.

серьезная попытка революционного выступления, имевшая немалые шансы на успех. Декабристы, представлявшие передовые слои дворянства и офицерства, задумали план широких и в целом исто-

рически назревших общественных преобразований в своем отечестве. Многие из них входили в состав русской армии, проделавшей победоносный военный поход в Европу против Наполеона. Из европейских стран они вынесли демократические идеи Французской революции. Они хотели «пересадить Францию в Россию», как выразился один из революционных офицеров Александр Розен. Кроме того, они использовали опыт аналогичных организаций в других странах — прусского «Тугенбунда», греческой «Филики Этерия», французских и итальянских карбонариев — и даже были связаны с некоторыми из них. В этом смысле декабризм в России образует составное звено европейских «военных революций» первой половины 20-х годов XIX в. (в Испании, Италии, Португалии и др.).

Декабристы образовали тайное общество, которое в конце концов подготовило вооруженное выступление. Момент был выбран довольно удачно. Умер царь Александр I, его брат Константин отрекся в пользу брата Николая, который и был приведен к присяге. Однако Николай не был популярен в армии и обществе, и этим обстоятельством можно было воспользоваться. Декабристские офицеры занимали достаточно влиятельные позиции в армии, а один из их лидеров Сергей Трубецкой был полковником Генерального штаба.

Трубецкой составил такой план восстания. Декабристы могли непосредственно рассчитывать на три полка гвардии (и они действительно приняли участие в выступлении), но каждый из этих полков должен был ворваться в казармы еще одного полка и увлечь его за собой. Восставшие намеревались выйти на Сенатскую площадь в Петербурге, арестовать царя, занять основные государственные учреждения и объявить конституционную монархию во главе с либерально настроенным Константином, в которой национальный парламент существенно ограничивал бы права монарха. Кроме того, декабристы намеревались отменить крепостное право — причем в сравнительно приемлемом для дворян того времени варианте.

С практической точки зрения план Трубецкого был вполне осуществим и весьма эффективен. Одни восставшие полки, без сомнения, были в состоянии поднять другие полки. Вместе это составило бы более половины гвардии, а остальная ее часть в этой ситуации, скорее всего, перешла бы к заговорщикам: как показал ход событий, ряд полков гвардии сочувствовал восставшим. Гвардия же была силой, на которую равнялась вся армия, поэтому контроль над гвардией означал по существу достаточное военное обеспечение новой политической власти.

Первый сбой произошел еще до начала восстания, когда был отвергнут план Трубецкого. Один из гражданских руководителей

декабристов поэт Кондратий Рылеев непонятно по каким соображениям (скорее всего из-за военной некомпетентности) настоял на том, чтобы войскам сразу идти в назначенное место. В результате на Сенатскую площадь вышло всего три полка, да и то не сразу.

С этим обстоятельством оказался связанным другой сбой — не приход на площадь Трубецкого. Именно Трубецкой обладал среди декабристских офицеров наивысшим чином, который давал ему возможность управлять войсками. Историки нередко возмущались поведением Трубецкого, называли его изменником и трусом. Но дело было вовсе не так просто. Опытный военный и специалист, Трубецкой отнюдь не был трусом в обычном смысле этого слова. Его отступничество началось прежде всего с неуверенности в военном исходе операции, который был поставлен под сомнение отказом от тактики «полк подымает полк». Характерно, что в день 14 декабря, не присоединившись к своим товарищам, Трубецкой все же находился поблизости и даже выглядывал на площадь из-за угла — не соберется ли достаточно войск, чтобы был смысл возглавить их. Разумеется, потеря главного военного руководителя внесла серьезное расстройство в ряды восставших.

Но и после этого далеко не все было потеряно. Несколько придя в себя, Николай распорядился окружить восставших превосходящими силами, послал их в атаку на мятежные полки. Но эти атаки были вялы и неуверенны — нападавшие не хотели воевать против своих товарищей. Более того, они посылали к ним призывы держаться, обещания позже присоединиться. Декабристы не раз могли захватить инициативу, контратаковать — и наверняка бы не встретили сопротивления. Они могли арестовать царя, но не сделали этого. Они могли захватить артиллерию, которую сначала привезли без зарядов. И так до самого последнего момента, когда заговорили царские пушки, рассеявшие восставших, — декабристы имели примерно четыре «звездных часа», в течение которых они могли склонить ход борьбы на свою сторону. Могли, но не склонили.

Что же подвело декабристов? Ответить можно кратко: революционный дилетантизм. Декабристское восстание было одной из первых «военных революций» в истории. Это сейчас в какой-нибудь африканской стране всего батальон солдат, но направляемый продуманным планом, хладнокровной и решительной рукой, запросто производит военный переворот, провозглашает социальную революцию и т. д., поскольку техника таких действий уже хорошо отработана. А тогда декабристские офицеры ощущали себя неопытными новичками, их сковывали правила дворянской чести и т. п. И тем не менее в своих воспоминаниях некоторые декабристы сами

удивлялись, как это они не смогли победить и упустили столько шансов.

Могут сказать: хорошо, допустим, что 14 декабря революционные офицеры могли одержать военную победу. Но что было бы дальше? Смогли бы декабристы удержаться у власти? Оказались бы они в состоянии, составляя ничтожное меньшинство общества, провести задуманные преобразования?

Конечно, сейчас трудно задним числом дать точный прогноз. Но есть основания полагать, что выступление декабристов могло бы принести немалые исторические результаты. Хотя сами декабристские общества были немногочисленны (2–3 сотни человек), но родственными и служебными узами они были тесно связаны с дворянской верхушкой и государственно-управленческой средой.

Достаточно велик был круг сочувствующих. Среди них были весьма крупные фигуры, которых декабристы намечали кандидатами во временное правительство: М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, Л. Д. Киселев, А. Л. Ермолов и др. Можно предполагать, что в случае успеха декабристов эти люди вполне могли бы оказать им поддержку. Характерно, что когда декабрист Д. Завалишин прямо заговорил с видным политическим реформатором М. М. Сперанским об участии последнего в предполагаемом временном правительстве, ответ был такой: «...Разве делают такие предложения преждевременно! Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне».

Выдвигается еще такое возражение: декабристы были, если использовать известные ленинские слова, «страшно далеки от народа». Они даже не посвятили в свои планы солдат восставших полков и не захотели опереться на поддержку городских толп. Что же, у них на это были свои причины — трудящиеся массы в России в те времена были еще не развиты и не готовы бороться за свои права. К тому же само по себе совершение военной революции — история знает тому немало подтверждений — не требует обязательного массового участия. Но преобразования, которые намечали декабристы (прежде всего отмена крепостного права), безусловно, были в интересах трудящихся и, несомненно, в конечном счете были бы поддержаны снизу.

Словом, декабристское движение отнюдь не было исторически беспочвенным, а намечаемые им социальные и политические нововведения отвечали жизненным интересам России. Даже если бы декабристские проекты осуществились на две трети, наполовину — все равно это означало бы гигантский сдвиг, гигантский толчок в развитии государства. Страна получала возможность вскочить на

подножку уходящего поезда европейской модернизации, двигаться по исторически прогрессивным рельсам. Альтернативой же декабристскому варианту оказался застой николаевского царствования, отбросивший Россию на десятилетия назад.

Подготовка и проведение крестьянской реформы

Прошло три десятилетия. Россия потерпела поражение в Крымской войне, и стало очевидным, что без серьезных изменений, затрагивающих крепостнические порядки, страна обречена быть аутсайдером среди развитых европейских стран. Умирает Николай I — по некоторым версиям, совершает самоубийство — и на смертном одре берет слово у наследника завершить то, о чем в свое время подумывала Екатерина II, хотел осуществить Александр I, да и собирался сделать он сам: отменить крепостное право. Александр II достаточно решительно берется за дело. Не обращая внимания на пассивное сопротивление части помещичьих кругов, он предписывает в рескрипте виленскому губернатору Назимову приступить к подготовке крестьянской реформы. Создается специальный комитет, на какое-то время крестьянский вопрос разрешается освещать в печати. Словом, наступает «александровская весна», итогом которой явилась серия реформ 60-х годов, прежде всего крестьянской.

Речь шла о переменах огромной исторической важности, вступлении России в эру буржуазной модернизации. Конечно, пространство выбора на сей раз было достаточно узким, ибо все решалось наверху, в сфере высшего дворянства и бюрократии. Никаких серьезных признаков давления снизу, революционной ситуации (как одно время доказывали марксистские историки во главе с М. В. Нечкиной) не было — крестьянство в своей массе оставалось пассивным. Но, вообще говоря, для реформ «сверху» политическая стабильность даже желательна. В этом смысле условия проведения реформ 60-х годов были скорее благоприятны.

Сопротивление консерваторов-помещиков не стало шлагбаумом проводимым преобразованиям. Общественное мнение, которое постепенно начало формироваться в России благодаря цензурным послаблениям и растущей гласности прессы, активно поддерживало курс на реформы. В самом крестьянском деле инициативу сумели захватить прогрессивно настроенные либеральные чиновники во главе с Н. А. Милютиным, имевшие поддержку влиятельных кругов, близких к царю, да и самого царя.

А итогом явился манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права, которому сначала современники, а затем и потомки стали предъявлять серьезные претензии. В самом деле, крестьяне

были освобождены с той землей, которой они фактически владели при помещиках, но от этих земель была отрезана примерно пятая (и часто лучшая) часть в пользу их бывших хозяев. Сроки проведения реформы были немислимо растянуты — на полвека, в течение которого крестьяне должны были выкупать собственную землю по очень высокой цене, значительно выше рыночной. Они также оказались фактически прикрепленными к земле через механизм общины, из которой они практически не имели возможности выйти. Не удивительно, что зависимость крестьян от помещиков (например, через формы крепостнической или полукрепостнической аренды) продолжала оставаться, а хозяйственное положение многих из них не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Почему же так получилось? Отчасти это объяснил замечательный русский демократический публицист Н. Г. Чернышевский в «Письмах без адреса»: реформа готовилась методами «бюрократического порядка». А при «бюрократическом порядке» господствует анонимность и интеллектуальная несамостоятельность — каждый руководствуется не собственным мнением, а ориентацией на предполагаемое мнение вышестоящего начальника. В результате же получается то, чего «никто не хотел».

Действительно, этот элемент неопределенности и коллективной безответственности характерен для бюрократического механизма принятия решений. Когда изучаешь материалы подготовки крестьянской реформы, протоколы заседаний тех комитетов и комиссий, которые назначил император Александр II для составления проекта закона об освобождении крестьян, то невольно удивляешься, от каких порой случайностей зависело дело: кто-то не явился вовремя на заседание, кто-то по своей некомпетентности или неосведомленности присоединился к мнению, которое, как потом оказалось, не соответствовало его внутренней позиции. Конечно, дело было не просто в случайностях. Поведение определялось, прямо или косвенно, интересами помещичьего класса, к которому многие разработчики реформы принадлежали. Отсюда и пропомещичья направленность многих положений манифеста.

Однако и в этих объективных рамках, которые были заданы крестьянской реформе, все же имелись варианты. Первый связан с величиной выкупа, который превышал (в пересчете на годовое исчисление), и в некоторых губерниях значительно, размер прежнего оброка. Уровень эксплуатации крестьянства увеличился! Между тем в Пруссии или Австрии, где проводились сходные аграрные реформы, государство стремилось снижать стоимость выкупаемой крестьянами земли (в Австрии, например, она была в 3 раза ниже рыноч-

ной цены), справедливо полагая, что если крестьянство экономически окрепнет, то государство возьмет с него свое через налоги. В России же благодаря тяжести выкупа основной массе крестьянства практически был закрыт путь к рентабельному хозяйству и предпринимательству.

Второй момент касался общины. В том, чтобы сохранить ее, сходились практически все: и консерваторы, и либералы, и радикалы, хотя из разных побуждений. Как бы то ни было, в таком решении имелись объективные основания — в переходный период община действительно могла выполнять функции амортизатора, защитника социальных интересов крестьянства. К тому же крестьяне привыкли к этому институту и его ломка была бы воспринята ими болезненно.

Но вряд ли оправданна была чрезмерная жесткость закрепления общинной формы — например, обуславливание выхода из общины согласием двух третей сельского схода и специальным разрешением министерства внутренних дел. Ведь крестьянство в своей массе, как показала дальнейшая историческая практика, само держалось института общины. А вот дать возможность некоторой небольшой части перейти к самостоятельному хозяйству, по-видимому, было целесообразно. В этом случае к началу следующего столетия в России порядка 10% крестьянских хозяйств могли бы стать фермерскими, что значительно продвинуло бы процесс аграрной модернизации и облегчило проведение реформ типа столыпинских.

Совсем не обязательно объяснять подобного рода просчеты лишь принципиальными вещами — допустим, давлением консерваторов или классовой ограниченностью. В данном случае составители манифеста могли руководствоваться (и современники подтверждают это) прагматическими соображениями о фискальной целесообразности — община на Руси испокон веков была удобна для взимания налогов, причем с этой точки зрения был нежелателен уход из нее состоятельных крестьян.

Играла немалую роль и просто недостаточная интеллектуальная, профессиональная готовность реформаторов. Очень слабо, например, изучался опыт аграрных реформ в других странах — исключением были, пожалуй, лишь такие фигуры, как В. А. Черкасский и Я. А. Соловьев. Не слишком продуманной выглядела концепция финансового обеспечения механизма осуществления реформы. Скажем, не было предусмотрено развитие крестьянских банков для обеспечения дешевым кредитом сельского производства.

Все эти аспекты могут показаться (и, наверное, казались самим разработчикам реформы) частностями. Но это были такие частности,

которые очень много определили в дальнейшем. Аграрное развитие в России стало хронически отставать от промышленного. Индустриализация конца XIX — начала XX в. не опиралась на здоровую сельскохозяйственную базу. Росли противоречия между городом и деревней, социальные дисбалансы в обществе. Напряжение крестьянского вопроса в конце концов прорвалось и превратилось в главный детонатор революций начала XX в. В этом смысле, как справедливо отмечали многие историки, в том числе и марксистские, 1861 г. привел сначала к 1905-му, а затем к 1917-му.

Эффект первомартовских взрывов

Но сначала возникла еще одна небольшая развилка, примерно через двадцать лет после крестьянской реформы. Уже в конце «славного десятилетия» 60-х обнаружались признаки общественного неблагополучия — случаи голода в деревне, доселе невиданные

в России. В образованных кругах росло ощущение того, что реформы не принесли ожидаемых результатов, что необходимы дальнейшие перемены. Возникло народническое движение — поначалу в сравнительно мирной форме хождения в народ, на которое власти ответили совершенно несоизмеримыми репрессиями, в результате чего в конце 70-х годов народники перешли к терроризму. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор императору Александру II и начал за ним настоящую охоту.

Оставим в стороне моральную оценку действий революционеров (ведь в ходе покушений погибли десятки ни в чем не повинных людей) и обратимся лишь к их политическим последствиям. Безусловно, в этой борьбе силы народовольцев были ничтожны — несколькими сотням заговорщиков противостоял громадный полицейско-репрессивный аппарат самодержавия. В этом смысле шансы народнических террористов были много меньше, чем на Сенатской площади полвека назад. Но народовольцы рассчитывали своими взрывами всколыхнуть общественное мнение, разбудить низы, внести сумятицу наверху. И самое удивительное, что поначалу им это удавалось! В обществе усилилось брожение, либеральные круги все более смелели и все активнее выдвигали лозунг созыва Учредительного собрания, отстаивавшийся, кстати, и народовольцами. Заколебалась и власть. Либеральные тенденции усилились в самом правительстве, царь был вынужден учредить Временное правление во главе с министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым. При нем в верхнем эшелоне власти были убраны некоторые реакционные деятели, расширены права земства, смягчен цензурный режим. Наконец, был подготовлен проект, задуманный как своеобразное завер-

шение реформ 60-х годов — предполагалось создать комиссии с участием представителей земств и городов, которые должны были выработать важнейшие на очереди дня законы о крестьянстве, о дальнейших реформах самоуправления и др.

Среди историков до сих пор нет единого мнения на счет того, были ли комиссии Лорис-Меликова только маневром или действительным протоорганом конституционального правления в России. Если судить по намерениям самих организаторов, либеральных бюрократов в правительстве, то вероятнее последнее предположение. Да и если взвесить всю политическую ситуацию в России того времени, комиссии скорее всего превратились бы в форпост борьбы за Земский собор. Это хорошо почувствовали консервативные противники — обер-прокурор Синода Победоносцев, бывший министр внутренних дел Маков и другие, которые обрушились на проект с яростной критикой. Во всяком случае здесь был некоторый шанс на политическую модернизацию в России.

По-видимому, народовольцы недооценили эти сдвиги в структурах власти. Вовлекшись в азарт нараставшего противоборства с самодержавием, они сосредоточили все силы на одной цели — убийстве царя. 1 марта 1881 г. цель была достигнута.

Однако здесь-то и выявилась ошибочность политического расчета революционеров. Пока они только грозили, это создавало определенный эффект. Но после взрывов на Екатерининском канале общественное мнение отвернулось от них. Психологически это можно понять: был убит человек, который способствовал проведению самых крупных реформ в истории российской монархии. Сказались и царистские иллюзии, еще продолжавшие жить в низах. Так или иначе надежда, пусть слабая, на политические изменения была похоронена. Символично, что убийство Александра II совершилось как раз в тот день, когда он двумя часами ранее подписал Лорис-Меликовский проект о «законосовещательных комиссиях»...

Политические последствия были однозначны: либеральная эпоха сменилась периодом реакции. На смену реформам пришли «контрреформы» 80-х годов. Революционные организации были разгромлены. Но одновременно завершился последний этап более или менее конструктивной деятельности русского самодержавия. Бразды правления оказались в руках откровенных консерваторов типа К. Л. Победоносцева, М. Н. Каткова и им подобных. Главным мотивом в их деятельности являлось охранительство, желание «подморозить» Россию. Любопытен отзыв С. Ю. Витте о Победоносцеве: этот человек, бывший едва ли не «наиболее выдающимся по уму и образованию» среди высших сановников, вместе с тем «страдал

полным отсутствием положительного жизненного творчества; он мог ко всему относиться критически, а сам ничего создать не мог».

Это проницательное наблюдение можно отнести не только к Победоносцеву, но и ко многим деятелям российского самодержавия в конце XIX — начале XX вв. Конечно, среди них попадались неординарные фигуры — тот же С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и другие, но тон задавали не они, а именно консервативное, нетворческое большинство. Отсюда и результаты: от контрреформ 80-х годов к расстрелу мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. и, наконец, падению монархии в феврале 1917 г. С точки зрения внутренней эволюции поведения и структур правящей власти, утвердившейся в России после трагического 1 марта, такую последовательность событий в общем надо признать закономерной.

Зигзаги революционной эпохи

Отныне, особенно с начала XX в. историческая инициатива полностью перешла к революционному движению. Альтернативы русской истории теперь определялись главным образом взаимоотношением и борьбой

входящих в него групп и политических партий.

Основная и, может быть, крупнейшая во всей истории России альтернатива возникает в 1917 г. Февральская революция сметает монархический режим. В течение нескольких месяцев борьба за власть и выбор исторических путей развития страны идет в основном между центром, представляемым коалицией социалистов-революционеров и меньшевиков, с одной стороны, и левыми силами во главе с большевиками — с другой. Спор идет прежде всего вокруг реализации аграрной реформы (т.е. доделки того, что не было сделано в полной мере в 1861 г.), а также по поводу выхода России из войны. Ситуация требует скорейшего предоставления крестьянам помещичьих земель. Это прекрасно понимают лидеры народнического толка — эсеры и народные социалисты, подготовившие Декрет о земле. Но Временное правительство эсеров и меньшевиков медлит. Спрашивается, почему? Оно ждет ноября, когда намечено созвать Учредительное собрание — национальный парламент, который законным порядком должен принять необходимые решения.

Можно предположить: если бы Декрет о земле был объявлен Временным правительством, скажем, в сентябре или даже октябре, вооруженное выступление большевиков не было бы возможным, крестьянство и армия не стали бы ему поддержкой. Почему же народники, несколько поколений которых боролось за осуществление принципа «земля и воля», не решились на этот акт? Ответ прост: в самый последний момент они испугались того самого «народа», ко-

тому они служили всю жизнь. Они опасались народной стихии, аграрного террора крестьянства против помещиков, самовольных захватов земли и анархии в стране. Кроме того, они опасались, что после объявления Декрета о земле будет окончательно дезорганизована армия — переодетые в шинели крестьяне побегут из нее.

Безусловно, эти опасения были небезосновательными. Но в политике — а особенно в периоды социальных катаклизмов, ситуации неопределенности — действует закон: кто не рискует, тот не выигрывает. Проявив нерешительность, лидеры Временного правительства потеряли решающий темп и уступили дорогу своим соперникам. Кроме эсеров и большевиков претендентом на лидерство выступала еще правая диктатура националистического толка (генерал Корнилов и др.). Между этими тремя силами проходила основная борьба, и в ней большевики оказались наиболее решительными. Но главный водораздел проходил именно между фракциями революционного движения.

Могли бы представители центристской коалиции, вовремя приняв Декрет о земле, отбить натиск большевистских радикалов и удержаться у власти? С полной уверенностью этого сказать нельзя, но определенный шанс на то был. И в этом случае российская история пошла бы по каким-то иным колеям, по пути модернизации буржуазно-демократического типа.

Дальше круг альтернатив очерчивается уже внутри победившей коммунистической власти. Борьба идет между поборниками немедленного введения социализма на примитивно-уровнительной основе («военный коммунизм») и сторонниками строительства социализма более демократическими методами, опирающимися на экономические рычаги и добровольную кооперацию крестьянства. Но в 1921 г. Ленину удастся убедить своих многочисленных оппонентов в партии в необходимости перехода к нэпу. Это — классический пример той огромной роли, которую может сыграть в истории личность, способная идти даже против течения в собственной партии.

Быстрые и убедительные результаты новой экономической политики, казалось, обеспечили прочность нового курса. Но после смерти Ленина симптомы казарменно-социалистической опасности нарастают. Нэп содержал в себе глубокое противоречие между проводимой стратегией экономической либерализации и однопартийной политической структурой, не имевшей системы обратной связи с обществом. В таких условиях и в подобного рода централизованной политической системе очень многое зависит от нескольких лидеров или даже от главного лидера. В борьбе за власть, развернувшейся в 20-е годы, Сталин оказался более приспособленным — не только в силу своих

личных качеств, но и благодаря тому, что он лучше соответствовал тому все более утверждавшемуся в партии и в обществе примитивизму, люмпенскому сознанию, о котором уже шла речь.

И тем не менее поворот в 1928 г. к командно-административной системе и сталинизму нельзя считать фатальным. Во-первых, уже в самом начале своей карьеры генсека Сталин чудом удержался у власти — его хотел сместить Ленин. Сталина спасла лишь болезнь, поразившая Ленина как раз в этот момент. Далее, при всем своем искусстве закулисных политических интриг, Сталин вряд ли смог остаться у руля, если бы остальные партийные лидеры вместо соперничества друг с другом проявили большую спайку в отстаивании курса на «рыночный социализм». Как известно, при всех своих разногласиях ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Бухарин и другие не подвергали сомнению линию нэпа. Но по субъективным причинам этого не произошло.

Наконец, даже после того, как Сталину удалось отодвинуть своих основных противников, борьба против сталинских методов в партии продолжалась. Доказательство тому — хотя бы голосование на XVII съезде партии, когда лидерство Сталина оказалось под вопросом. Лишь где-то с середины 30-х годов, после отстранения и физического уничтожения практически всех реальных и потенциальных противников, сталинский режим и командно-административная система в СССР утверждаются окончательно, на полвека — вплоть до своего самораспада.

Сегодня

Сказанное отнюдь не подвергает сомнению, что случившееся в российской истории реально. То, что произошло, произошло не случайно. Можно сказать даже так: произошло наиболее вероятное с точки зрения объективных и субъективных предпосылок. Но это не означает, что были исключены другие варианты, при которых наша история в тех или иных проявлениях могла бы пойти иначе.

Принимая во внимание лишь содеянное в действительности, мы фактически закрываем себе дорогу для оценки его. В период перестройки в журнале «Новый мир» была напечатана статья известного публициста Игоря Клямкина «Какая улица ведет к храму?», вызвавшая большой резонанс. Автор сначала говорит о неизбежности сталинской коллективизации и последовавших за ней беззаконий, а затем предлагает покаяться в содеянном. Но если случившееся было предопределено, безальтернативно — в чем же каяться? Это имеет смысл лишь в том случае, если существовала и не была использована возможность иного исхода. Нравственная оценка, нравственный выбор (пусть даже задним числом) возникают именно и лишь на основе исторической альтернативности.

Сегодня же, на исходе XX столетия, мы видим в российской действительности одни сплошные альтернативы. Идет отчаянная борьба точек зрения, экономических программ, политических партий, где скрещивают копыя нынешние западники и славянофилы, демократы и популисты, либералы и консерваторы. Есть основания полагать, что этот период неопределенности, альтернативности продлится достаточно долго.

Прежде всего — в силу огромной объективной сложности стоящих перед российским обществом задач. Предшествующая история передала нам нелегкое наследие. Неэффективная и диспропорциональная экономика, слабость демократических традиций и гражданского общества, территориальный распад и национальные конфликты, культурный упадок — все это серьезно осложняет возможности общественного обновления в этих условиях. Слишком много негативных факторов препятствует любого рода позитивной деятельности. Многие люди попросту растеряны, дезориентированы и не готовы к спокойной, целенаправленной совместной работе.

Далее, не вполне откристаллизовались основные группы российского общества. Прежние структуры разрушены, а новые только создаются. Пока условно можно выделить три основных направления. Одни продолжают держаться «социалистического выбора», привычных им жизненных стереотипов («раньше все же было лучше, чем сейчас»). Другие — напротив, выступают за решительный переход к «рыночному обществу». Третьи, «реалисты» занимают промежуточную позицию, полагая, что курс на реформы должен сочетать новации и максимальное использование здоровых элементов прежней системы. Естественно, что за всеми этими позициями стоят материальные интересы различных элит — административного аппарата, хозяйственников, новых предпринимателей и др. Как распределятся эти элиты (и поддерживающие их массовые слои) по указанным направлениям и к какому это приведет результату, может прояснить только сама жизнь.

Бесспорно одно: мы являемся современниками такой эпохи в истории отечества, степень альтернативности которой чрезвычайно высока. И не только современниками, но и участниками этого процесса. Нам в буквальном смысле слова дается шанс «делать историю» — в той сфере, в какой у каждого есть на то решимость, силы и возможности.

§ 10. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

Трудности реформ в России

Однажды замечательный русский историк В. О. Ключевский сделал следующее обобщение: «Закон жизни отсталых государств среди опередивших: нужда реформ созревает раньше, чем народ созревает для реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро».

«Закон», который сформулировал Ключевский, действительно характерен для стран так называемой запоздалой модернизации, к которым относится и Россия. «Ускоренное движение вдогонку» для них необходимо, поскольку обогнавшие их страны являются для них не только примером, но и угрозой. Однако внутренние предпосылки модернизации в обществах периферии слабее, чем в странах центра — как в широких слоях населения, так и в интеллектуальной элите. Ценности модернизации и ее институты еще не успели здесь прочно укрепиться. Исторические же сроки, отпущенные на модернизацию, очень коротки. А всякое форсированное развитие чревато различными дисбалансами и социальными конфликтами.

Что же требуется реформаторам для успеха в этих условиях? Во-первых, какой-то минимум поддержки в общественном мнении и структурах власти. Во-вторых, то, что можно назвать профессионализмом, — адекватное осознание целей реформ, возможностей и механизмов их осуществления, способность реалистически оценивать ближайшие и отдаленные последствия реформ для общества — как позитивные, так и негативные. Иначе говоря, требуется не просто некоторая сумма знаний или даже квалифицированное изучение опыта аналогичных реформ в других странах, но, главное, понимание того, как рецепты, взятые из иного опыта, могут быть применены в конкретных условиях собственной страны, в контексте соответствующих национальных и культурных традиций.

Если деятельность реформаторов не находится на уровне этих требований, тогда «перенимание чужого» осуществляется и «наско-

ро», и неэффективно. Оно не только не дает пользы обществу, но способно принести даже значительный вред. Именно это не раз случилось в процессе реформ в России.

Можно вспомнить, например, реформаторскую деятельность М. М. Сперанского в начале XIX века. Крупный государственный деятель, Сперанский задумал грандиозный план преобразований: отмену крепостного права, разделение властей, введение представительного правления, конституционное ограничение монархической власти. Но он фактически действовал в одиночку, надеясь лишь на поддержку царя Александра I, которая оказалась ненадежной. Не имея никакой серьезной социальной опоры, он очень скоро был отстранен от дел.

Другая причина неудачи Сперанского — непонятность его проектов для многих, слишком большой их контраст с реальной российской действительностью того времени. «Он взглянул на наше отечество, — писал Ключевский, — как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения». План был тщательно продуман, логичен, но неисполним. Будучи поклонником английской политической системы, Сперанский прямо переводил ее категории на русский язык. Но Россия не была Англией.

Выше уже говорилось о реформах 60-х годов прошлого века, которые имели для российской истории несравненно большее значение, нежели попытки Сперанского. Но и эти преобразования, в частности крестьянская реформа, как мы могли убедиться, были проведены с такими просчетами, которые осложнили процесс модернизации в стране.

Серьезные попытки политических реформ в России были приняты очень поздно, в начале XX века. Они наглядно продемонстрировали недееспособность российской разновидности политического либерализма, представленного главным образом партией конституционных демократов. Социальная база кадетов была очень узкой. Слабыми были их связи с национальной буржуазией, земскими элементами, не говоря уж о широких массах. Кадеты полагали, что достаточно выдвинуть «правильные» демократические лозунги (например требование «ответственного министерства»), и демократические институты будут созданы. По свидетельству видного деятеля кадетской партии В. А. Маклакова, кадеты смотрели «на Россию как на *tabula rasa* (чистая доска — *лат.*), на которой в известный момент будет почему-то, как-то и кем-то строиться новый строй по последним рецептам теорий». Упрек, сходный с приведенным выше замечанием Ключевского в адрес Сперанского.

Похожие слабости, хотя и в иной исторической ситуации, мы видим у реформаторов посткоммунистического периода.

Перестройка и после

С 1985 г. начинается период стремительных изменений, в которых преобладали дезинтегрирующие, разрушительные тенденции.

Сегодня уже вполне ясно, что у М. С. Горбачева и его ближайшего окружения ни в самом начале перестройки, ни в последующие годы не было разработанной стратегии реформ и продуманного плана действий, за исключением внешнеполитических ориентаций на сокращение вооружений и достижение соответствующих договоренностей со странами Запада, что позволяло ослабить уже не переносимое более бремя расходов на военные нужды. Во внутреннем же плане горбачевское руководство в общем и целом поначалу стремилось лишь к «ремонту» Системы, не меняя ее сути. Предполагалось, что «ускорение» научно-технического развития, новый виток технологических новаций, укрепление «трудовой дисциплины», а также внесение некоторых свобод в политическую жизнь — все это поможет быстро поправить дела.

Но даже эти довольно скромные начинания встретили сопротивление большей части правящего слоя, прежде всего в КПСС. Столкнувшись с этим, Горбачев был вынужден апеллировать к общественному мнению и поддержке снизу. Возникла так называемая гласность, последствия которой далеко вышли за ожидаемые рамки. Критика отдельных злоупотреблений быстро переросла в критику Системы как таковой, выявила чрезвычайно низкий уровень ее легитимности. Все это вкупе с неудачными и противоречивыми действиями самой власти (антиалкогольная кампания, прямолинейная попытка бороться с «нетрудовыми доходами» и др.) заметно ускорило распад дряхлеющих социалистических структур.

Распад шел по нескольким направлениям. В политической сфере непоправимо разлаживалась машина КПСС, уступая дорогу оппозиционным силам. Выборы сначала в общесоюзный, а затем в республиканские парламенты вынесли наверх группу демократически настроенных депутатов. Отмена под давлением общественности известной шестой статьи конституции о политической гегемонии коммунистической партии привела к возникновению других партий. Началась эпоха политической демократии, во многом сходная с ситуацией после 1905 г.

Но, так же как и в те времена, нынешние демократические силы в России были мало дееспособны. Дело заключалось не только в том, что большинство мест в парламентах оказалось заполненным

представителями прежней номенклатуры и управленческих структур всех рангов. Суть в том, что в посткоммунистическом обществе еще не выделились определенные группы с четко осознанными социальными интересами. Избранные депутаты представляли лишь более или менее случайные пожелания избирателей, организованных по территориальному принципу. Соответственно мало связанными с массовой базой были возникшие политические партии, наминавшие скорее кружки единомышленников (от нескольких десятков до нескольких сотен реальных членов). Наконец, период перестройки не только не принес в советское общество согласия относительно направленности реформ и характера будущей общественной системы, но, наоборот, существенно усугубил тенденции раскола. А без такого согласия политическая демократия есть лишь выполнение неких формальных процедур, нежели функций реального управления.

В течение семидесяти лет советской власти были полностью уничтожены даже те демократические традиции, которые существовали в России до 1917 г. Участие масс в политике в эпоху перестройки выразилось в основном в популистских по характеру митингах, при помощи которых демократия в России прокладывала себе дорогу к власти. Проявив поначалу довольно высокую активность в предвыборных кампаниях, большинство россиян быстро убедилось, что ни у одного из пришедших деятелей и партийных лидеров нет четкой и продуманной программы, и стало охладевать к демократическим лозунгам. Сами же демократические политики не смогли наладить системы обратной связи, да и не особенно стремились к этому. Не удивительно, что демократические учреждения и организации быстро превратились просто в различные группы соперничающих «команд» и их лидеров, в отношениях между которыми сохранялись прежние стереотипы патронажа, диктата и прислуживания.

Демократия в России скорее играла роль тарана, разрушавшего или дезорганизовавшего прежние структуры власти, чем выполняла конструктивные функции. Да это и понятно: у большинства новых выдвиженцев не было никакого опыта управления, государственного мышления и ответственности. Решения, которые они принимали, зачастую были противоречивыми и некомпетентными. В результате почти все начинания пробуксовывали, а деструктивные тенденции, усиленные возникшим идеологическим вакуумом и стремительной девальвацией всех привычных ценностей, набирали силу.

В экономике, так же как в политической сфере, горбачевское руководство вело эклектический курс. Оно стремилось сохранить

основные структуры управления хозяйственной системой и вместе с тем внести в нее какие-то отдельные улучшения. Но последние лишь ускоряли распад. Так, предоставление большей самостоятельности предприятиям без изменения отношений собственности и системы ценообразования привело к неоправданному вздуванию оплаты труда, «проеданию» производственных фондов и сокращению капиталовложений. Кроме того, предприятия стали отказываться от выпуска невыгодной, то есть дешевой продукции массового потребления, предпочитая выполнять план за счет наращивания стоимостного объема, зачастую искусственного, с технологической и экономической точки зрения неоправданного.

Разбалансировке хозяйственного механизма способствовало также поощрение так называемых кооперативов (с 1988 г.), фактически филиалов при госпредприятиях, но с гораздо большими правами в плане материального вознаграждения работников. Эти кооперативы (в большинстве случаев псевдокооперативы) превратились в мощный канал перекачки финансовых средств государственных предприятий на потребительский рынок. Результатом всех этих изменений стал рост инфляции, бегство от рубля и фактическая потеря контроля над народным хозяйством со стороны правительства.

Еще одним мощным детонатором распада стали национально-этнические конфликты. В их основе было естественное стремление республик освободиться от имперского диктата центра. Но темпы и формы этого процесса оказались таковы, что была потеряна возможность необходимого переходного периода, упорядоченных и цивилизованных методов разрешения национальных противоречий, а также сохранения тех экономических и культурных связей, которые образовались в предшествующий исторический период. В немалой степени этому способствовала и национальная политика центра, которая в горбачевский период была особенно двойственной и противоречивой. Либеральные тенденции сочетались в ней с имперскими устремлениями. Отсюда — неэффективность посреднических функций Москвы, которая проявилась в Карабахе, Грузии, Молдавии, Средней Азии и других регионах. Результатом были не только сепаратистские течения (в том числе в самой России), но и обострение межнациональной розни на окраинах. Нечего говорить, что межнациональные столкновения в большой степени усугубили хозяйственную дестабилизацию, разрыв некогда единого экономического пространства.

Путч в августе 1991 г. был последней попыткой спасти Систему. Он же одновременно продемонстрировал необратимость ее разложения. К власти пришли демократические силы во главе с прези-

дентом Б. Н. Ельциным, для которых ключевой задачей стало осуществление экономической реформы и выход из хозяйственного развала. Задачу эту они должны были решать уже в рамках одной лишь России, так как прямым последствием путча явилось окончательное разрушение СССР и образование ряда независимых национальных государств под хрупкой крышей СНГ.

С 1992 г. правительство перешло к форсированной трансформации всей национальной экономики в рыночном направлении. Был применен набор монетаристских мер так называемой шоковой терапии, хорошо известной из практики многих стран, в том числе постсоциалистических (Польша). А именно: ограничение совокупного спроса с помощью удорожания кредита и урезания бюджетных расходов, либерализация контроля за ценами и внешнеторговой деятельностью, приватизация государственных предприятий. Предполагалось, что эти меры способны в достаточно короткий срок сбить инфляционную волну, обеспечить равновесие спроса и предложения и создать предпосылки для восстановления хозяйственного роста на рыночной основе.

Нельзя сказать, что данный курс не дал обществу каких-либо позитивных импульсов. Может быть, самым существенным сдвигом было преодоление трудного психологического рубежа «рынокобоязни», когда на некоторых предприятиях и в различных слоях населения к предпринимательству и рыночным методам стали поневоле обращаться как к средству выживания. Однако негативные последствия реформ явно перевесили положительные. Одним из главных следствий ценовой либерализации стало быстрое сближение внутренних цен на сырье, материалы и энергоресурсы с мировыми. Это нанесло тяжелейший удар по основной массе традиционно низкоэффективных производств в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве, которые при таком всплеске цен оказались просто нежизнеспособными. Вместо желаемой реформаторами структурной перестройки в реальности чаще всего происходит разрушение крупных массивов хозяйства без заполнения возникающих пустот новыми структурами.

При этом правительство не осуществляло, да и не могло осуществлять свой монетаристский курс последовательно. Вопреки своим декларациям, оно все же вынуждено кредитовать многие предприятия, а также частично индексировать доходы населения. Но это привело к тому, что инфляционная спираль цены — зарплата раскручивалась без конца.

Социальные последствия российской «шоковой терапии» оказались весьма серьезными. По разным обследованиям и оценкам

(точной статистики сейчас в России нет), примерно 10–12% населения по своим доходам относились к категории сравнительно и очень богатых. Еще 12–14% могли быть отнесены к разряду более или менее благополучных. Зато остальные оказались в чрезвычайно сложной ситуации. За чертой официально признаваемого уровня бедности оказалось более половины жителей России.

По сравнению с коммунистическим периодом эти изменения весьма значительны. С одной стороны, несколько увеличился удельный вес верхних групп (и, возможно, уровень их благосостояния). Вместе с тем существенно возросла доля низших по доходу групп и разница их доходов по сравнению с верхними. В российском обществе явно растет социальная поляризация.

Возникает вопрос: каким образом молодые реформаторы, производившие впечатление людей квалифицированных и гораздо более образованных, чем предшествующие руководители, могли выдвинуть такую концепцию реформы, которая привела к столь очевидным неудачам? Ведь многое из того, что произошло, было не так уж сложно предвидеть заранее, зная те экономические структуры, которые сложились при социализме: вероятность монополистического поведения производителей в случае либерализации цен, возможность доминирования сырьевых отраслей и др. Наконец, можно было уже в ходе реформы произвести необходимые коррективы. Однако реформаторы предпочитали с удивительным упорством держаться за принятые схемы. Они объясняли кризисные явления тем, что им не дают последовательно проводить свою политику (хотя последовательный монетаризм в российских условиях привел бы к остановке чуть ли не половины национальной экономики и социальному коллапсу). Они доказывали, что экономическая политика государства должна состоять лишь в использовании финансовых рычагов, а структурная перестройка экономики будет осуществляться сама собой, через стихийные рыночные механизмы — между тем как опыт практически всех стран, успешно осуществивших переход к рынку (Тайвань, Южная Корея, Индонезия, Китай и др.), свидетельствует: государство, государственное регулирование везде играло чрезвычайно важную роль в формировании рыночных структур.

К сожалению, профессионализм постсоветских реформаторов оказался чисто внешним, книжным, не основанным на знании той реальной действительности, с которой производились эксперименты. Опыта практического управления экономикой они не имели. Да и за их претензиями на научный подход скрывалась идеология, дог-

матическая вера во всемогущество рынка, так же как раньше доминировала идеологическая вера в плановую экономику.

Но было бы наивно объяснять негативные последствия реформы лишь интеллектуальными просчетами ее теоретиков. Фактически реформа направляется силами, преследующими вполне определенные интересы. Это прежде всего — значительная часть прежней номенклатуры. Еще в годы перестройки, почувствовав, что почва уходит из-под ног, она стала все чаще обращаться к новым, коммерческим формам деятельности. Некоторые ее группы (например аппарат комсомола) были особенно активны на этом поприще, но не отставали от них и другие — партийные функционеры, государственные чиновники, хозяйственные руководители. Обладая опытом и огромными связями, они по-прежнему могли контролировать в свою пользу распределение материальных богатств и товарных потоков — но уже под прикрытием рыночных (или псевдорыночных) структур.

Для этих целей они нуждались в различных помощниках. Такими явились и представители теневой экономики, складывавшейся уже в брежневский период, и охотно пошедшая в бизнес молодежь (экономисты, финансовые работники, технические специалисты), и уголовные элементы, обеспечивавшие необходимое силовое прикрытие. Как грибы росли биржи, коммерческие банки, фирмы, кооперативы, ассоциации, фонды и другие коммерческие структуры, занимавшиеся в основном торгово-посреднической деятельностью. В союзе с теми или иными представителями госаппарата они поделили между собой обширную часть российского экономического пространства.

Наиболее значительное место в этой деятельности занимают импортно-экспортные операции, связанные с сырьем и потребительскими товарами элитного спроса, а также торговля некоторыми жизненно важными товарами массового потребления (продовольствие и т. п.). По некоторым оценкам, 75–80% совокупной прибыли, получаемой в российской экономике, приходится на торговые операции — по сравнению с 65–80% прибыли, получаемой в сфере производства в развитых странах Запада. Осуществляя таким образом нечто вроде первоначального накопления, постсоветские бизнесмены одновременно скупают акции наиболее перспективных предприятий.

При этом новые хозяева экономики зачастую стремятся действовать как монополисты, подавляя конкурентов внеэкономическими способами. Конечно, среди этой массы посткоммунистических бизнесменов есть и серьезные предприниматели, ориентированные на

производство и получение нормальной прибыли по законам естественной конкуренции, снижения издержек производства, введения технических новшеств и т. п. Но и им приходится для обеспечения стартового капитала заниматься предварительной куплей-продажей, а также подчиняться уже установленным доминирующими кланами правилам игры.

В немалой степени эта новая элита, родившаяся в России, прямо выигрывает от ситуации экономического хаоса, нараставшего в период перестройки и после нее. Параллельно кризисным явлениям в экономике росла напряженность в политической сфере.

Таким образом, процесс обновления в России идет чрезвычайно трудно. Но в этом нет ничего удивительного. Тоталитаризм создает такие структуры и настолько обескровливает общество, что преодоление его последствий оказывается задачей чрезвычайной сложности. Об этом свидетельствует опыт послевоенной Германии и Японии, ряда бывших социалистических стран. А российский тоталитаризм существовал гораздо дольше других и был наиболее развитым.

Мировой опыт показывает также, что «красный» тоталитаризм поддается трансформации труднее, чем «черный». Например, при фашистских режимах не ликвидировались полностью институт частной собственности и рыночные структуры. Кроме того, ликвидация тоталитарных структур в таких странах, как Германия, Италия, Япония, была облегчена присутствием оккупационной администрации и значительной экономической помощью стран-победителей. Эти условия отсутствуют в бывших социалистических государствах (за исключением Восточной Германии). Поэтому их переход к рыночной экономике и политической демократии предполагает, по-видимому, определенный переходный период, при котором экономические и политические изменения протекают более или менее постепенно и при активном контроле со стороны государственной власти.

Пример такого сравнительно успешного перехода дает Китай. Китайские реформы проводились в рамках так называемой двухсекторной экономики. Контролируя ключевые отрасли (сырье, тяжелую промышленность) и базовые цены, государство постепенно «отпускает» в рынок другие секторы (сельское хозяйство, легкую промышленность, производство товаров длительного пользования). При таком подходе рыночная перестройка народного хозяйства происходит более плавно, сбалансировано, без снижения жизненного уровня населения. Вместе с тем подобного рода экономический курс невозможен без сильной политической власти. Именно это условие

было соблюдено в Китае, хотя коммунистический режим под руководством Дэн Сяопина из тоталитарного превратился в авторитарный. Так или иначе, успехи китайской реформы бесспорны. В течение уже полутора десятилетий ежегодный экономический рост составляет порядка 10–12%, причем прежде всего за счет расширения секторов, работающих на рынок.

Почему же в России не осуществилось нечто похожее на китайский вариант? Причин тут несколько. Маоизм в Китае существовал сравнительно недолго и не успел разрушить структуры китайского крестьянства. Когда китайские реформаторы во главе с Дэном вернулись к привычной для крестьянства многовековой практике семейной аренды, это принесло быстрый успех и дало толчок развитию рынка в стране. Далее, Китай располагал сильной диаспорой китайских бизнесменов в сопредельных странах (Гонконг, Сингапур и др.), которые сыграли немалую роль в финансировании китайской реформы и предоставлении ноу-хау. Наконец главное, определенные традиции китайской политической культуры облегчили самотрансформацию коммунистической власти в Китае, складывание внутри национальной политической элиты реформистских сил.

Дело в том, что еще со времен Конфуция в китайской политической мысли была выработана формула: «сильное государство — богатый народ». Иначе говоря, политическая мощь связывалась с благосостоянием подданных. Именно на этой формуле основывалась, например, концепция «государства народного благосостояния», которая была реализована в послевоенном Тайване. Но и среди китайских коммунистов всегда была сильна линия так называемых прагматиков (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, наконец Дэн Сяопин). Таким образом, реформистские идеи в континентальном Китае обладали высокой степенью легитимности в силу укорененности их в национальной культурной традиции. В глазах прагматиков, да и многих китайцев «культурная революция» была как раз нарушением этой традиции, и потому, как только после смерти Мао прагматики получили шанс, они нашли поддержку в партии и в стране.

КПСС, в отличие от КПК, не смогла стать двигателем экономической реформы рыночного типа. Десятилетия репрессий, периодических «чисток» и номенклатурного исполнительства вытравили из правящего слоя прагматически ориентированных, да и просто сколько-нибудь самостоятельно мыслящих людей. Робкие попытки реформ в период Хрущева и Брежнева были заблокированы партийно-государственным аппаратом. Не случайно Горбачев и его немногие сторонники в верхнем эшелоне власти натолкнулись на непонимание в партийной среде.

В объективном плане задачи, стоящие перед реформами в России, вполне ясны. Они связаны прежде всего с завершением индустриальной стадии. Дело не только в структурных и технологических решениях — переброске ресурсов из военно-промышленного комплекса в гражданскую сферу, модернизации сельского хозяйства и пр., но в принципиальной перестройке «античеловеческой» экономики на интересы массового потребителя. На этой, и только на этой основе будет возможен последующий переход к постиндустриальной модели. Но вопрос в том, каким образом и какими силами будет завершена экономическая и политическая модернизация.

Россия в современном мире

Нынешний кризис постигает Россию в значительно изменившейся мировой конфигурации. Завершив в первые послевоенные десятилетия индустриальную фазу, регион Запада перешел на новый виток научно-технической революции, в постиндустриальную фазу. Скачок производительных сил на базе электроники, информатики и ресурсосберегающих технологий, расширение «третичного сектора», грандиозный прогресс науки и образования, рост массового благосостояния и среднего класса — все это увеличило отрыв центра от бывших колониальных и зависимых территорий, освободившихся после второй мировой войны. Но и окружающие регионы не стояли на месте. В считанные десятилетия переместилась из полупериферии в центр Япония, стремительно перейдя от индустриальной к постиндустриальной стадии. В последовавших за ней восточноазиатских «драконах» эти стадии и вовсе практически оказались совмещены. В целом вместе с другими странами этого куста (Индонезией, Таиландом, континентальным Китаем и др.) мы видим сегодня подымающийся мощный Тихоокеанско-Азиатский регион, вырастающий во второй мировой центр. Другие страны запоздалой модернизации либо застряли в противоречиях несбалансированного индустриализма и попытках совместить его с тенденциями адаптации к изменившемуся мировому рынку (Латинская Америка), либо живут на эксплуатации сырьевых ресурсов (арабские страны), либо стагнируют на почве слаборазвитости (Африка).

Каково же место России в этом новом международном порядке? В какой точке на оси координат мировой эволюции мы сейчас находимся? Я думаю, примерно там же, где была Россия в начале нынешнего столетия и даже еще раньше, в эпоху Петра I, — между центром и периферией. С той разницей, однако, что окружающая и внутренняя ситуация усложнилась: путь вверх стал еще более труден, а скольжение вниз, учитывая глубину нынешнего обществен-

ного кризиса и национально-государственного распада, вполне реально. Россия перед выбором: либо постепенная (а возможно и весьма быстрая) трансформация в типичную развивающуюся страну, либо, после преодоления кризиса, движение по магистральному направлению мирового развития.

Как сложатся дела у бывшего второго мира и не станет ли он третьим, зависит прежде всего от него самого. Но немало будет определять и позиция первого мира. Проявлявшаяся до сих пор сдержанность Запада в оказании помощи России вполне понятна. Невозможно оказывать серьезную помощь тем, кто еще толком не разобрался в собственном хозяйстве, или давать деньги под угрозу «конца света» в результате экономического развала в бывшем СССР (на что время от времени налегают наши политики и экономические эксперты). Кроме того, Запад попросту не располагает сегодня такими финансовыми средствами, чтобы осуществить в России нечто подобное плану Маршалла. С другой стороны, исходя из высказываний ряда западных политических деятелей, а также тактики, которой придерживаются влиятельные международные финансовые организации (Мировой банк, Международный валютный фонд), складывается впечатление, что Запад поддерживает первый, монетаристский вариант российских реформ, закрывая глаза на их серьезные негативные последствия. С точки зрения ближайших интересов стран первого эшелона это опять-таки логично. Россия превращается в сырьевой придаток развитого мира, устраняется как великая держава и конкурент с международной политической сцены. Достаточно показательна как пример такой политики попытка дискриминации интересов России в ее торговом договоре по военным технологиям с Индией.

Такой подход не представляется дальновидным. Дело не только в том, что очередной срыв реформ в России лишает Запад потенциально чрезвычайно емкого рынка и возможностей плодотворной научно-технической и культурной кооперации. Ослабление России (тем более ее распад) стало бы серьезным нарушением баланса сил как в Евразийском регионе, так и во всем мире. Поэтому успешная экономическая и политическая модернизация в России — в интересах не только ее самой, но и других народов и государств.

«Русская идея»
сегодня

Огромные трудности, которые испытывает сейчас русский народ, связаны с тем, что мы являемся свидетелями завершения большого исторического цикла отечественной истории, коммунистический период является в нем лишь этапом. И это чрезвычайно усложняет задачу реформ. Речь идет не просто о

комплексе тех или иных экономических мер, политических изменений. Россия стоит перед необходимостью смены культурно-исторической парадигмы.

«Русская идея», то есть понятие русских людей о роли их страны во всемирной истории, в мировом сообществе, долгое время по сути была имперской идеей. Она выражалась в экспансии русского самодержавия, в претензиях русской православной церкви на обладание самой истинной верой, в мессианских чувствах русских революционеров, в лозунге мировой революции большевиков. Теперь эта идея умирает, если уже не умерла.

Что придет ей на смену? Нащупывание нового национального пути после завершения долгого исторического цикла — задача гигантской сложности. Она не разрешается указами политиков или программами ученых (хотя и те и другие нужны), но усилиями всего общества, его согласием вокруг некоей культурно-духовной перспективы. Лишь на этой основе будет возможно и «затягивание поясов» в процессе экономической реформы, и политическое единство, и многое другое, необходимое в процессе модернизации.

Как ни парадоксально это звучит, но после нескольких веков существования империи и мессианского сознания Россия остро нуждается в нормальном, здоровом национализме. Имперский мессианизм был уродливой формой национализма, превращавшей россиян в заложников ложной идеи силового могущества, ими же созданного военно-промышленного комплекса. «Русская идея» должна быть переформулирована таким образом, чтобы русские люди, объединенные в своей принадлежности к русскому языку и русской культуре, наконец-то осознали себя как таковых, безотносительно к ореолу внешне ориентированного, милитаристского величия.

Я нарочно пользуюсь понятием национализма, а не патриотизма. Ибо сегодня патриотизма, то есть способности просто любить Россию «странною любовью», любоваться березками и быть готовыми встать стеной против любого супостата (которого в обозримом будущем не предвидится), пожалуй, уже мало. Сегодня требуется чувство более деятельное и активное, ибо вопрос стоит, быть или не быть России. Сегодня необходимо пробудившееся всерьез национальное самолюбие: неужели мы хуже других, неужели нам уготовано идти по миру с протянутой рукой и вечно блуждать в поисках национальной идентичности?

Тем более что немало других тоже прошли через этот этап. Достаточно указать хотя бы на Японию, дважды пережившую (перед революцией Мейдзи, а затем в результате военного поражения во второй мировой войне) позор национального унижения и осозна-

ние своей отсталости. За всем известным японским чудом стоит самолюбивое национальное чувство народа, решившего доказать западным «варварам», что японский дух может освоить западную технику и пойти дальше. Мировой опыт свидетельствует: национальная гордость, национальное самолюбие создают то идейно-психологическое обеспечение, тот «кураж», который стимулирует общественное развитие народов.

Как известно, национализм чреват двумя опасностями. Одну из них — перерастание национализма в ощущение своего превосходства над другими нациями, мессианство и агрессию — Россия уже исчерпала и даже ударились сегодня в другую крайность — национального самоуничтожения. Другая опасность — изоляционизм и ксенофобия. Она нам, похоже, тоже не грозит — слишком тесно завязались связи России с мировым сообществом, так что не худо бы сдерживать обратный соблазн: чрезмерные надежды на помощь извне.

Нужда в пробуждении национального чувства диктуется и другим соображением, почерпнутым из мирового опыта. А именно: успешная модернизация, преодоление отсталости и добуржуазных пережитков возможны лишь на путях национальных традиций, синтеза их с современными ценностями. Так было в Японии, так происходит (вслед за ней) в других странах — Южной Корее, Тайване, континентальном Китае, Индии. Национализм важен поэтому и с точки зрения обращения к собственным культурным традициям, выявления в них того, что может вполне работать и сегодня, — религии, морали, принципов общежития. Раздающиеся сегодня со страниц печатных изданий призывы «стать Европой» поэтому представляются достаточно легкомысленными. России прежде всего надлежит быть Россией. И только осознав себя как социокультурное целое, она сможет в этом контексте воспринять любой полезный опыт других.

Простое подражание в межкультурных контактах не только невозможно — оно, если так можно выразиться, неинтересно, не может вдохновлять. Действует своеобразный закон «повышения планки»: чтобы реализовать какую-то цель, надо поднять ее значимость. Например, индустриализация в прошлом веке во Франции стала не просто подражанием аналогичным процессам в Англии, но велась под лозунгами... социализма: организатор системы долгосрочного промышленного кредита во Франции банкир Исаак Перейра был учеником А. Сен-Симона. Знаменитый «гомстед-акт» в США после гражданской войны был ориентирован на создание общества социальной справедливости. По этой же причине у нас вряд ли станет

вдохновляющим лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при капитализме». Не согреют людские сердца сияющие перспективы рынка, разделения властей, муниципальной собственности и т. п., хотя все это, бесспорно, нужно осваивать и вводить.

И здесь возникает вопрос о новом понимании «русской идеи». Возможна ли она без имперства и мессианства? На какие цели сегодня должны ориентироваться русские люди? Какие элементы русской культуры составят прочный фундамент модернизации, полноценного вхождения России в мировую цивилизацию?

Прежде всего, «русская идея» не может объединять русских людей лишь по этническому признаку. У меня, например, по отцу предки из литовцев, поляков и русских-сибиряков, а по матери — из русских и поволжских немцев. И так почти каждый может сказать о себе. Россия всегда была и будет конгломератом этносов. Что соединяет их, кроме государственных уз? Я думаю, принадлежность к русскоязычной культуре. Убежден, что отказываться от этой органической объединяющей основы ни одному входящему в российское пространство этносу не резон, ибо для него русская культура образует естественный выход к культуре мировой.

Если говорить о столь болезненных сегодня для СНГ и самой России национальных проблемах, то их решение, на мой взгляд, в определяющей степени связано с модернизацией, хотя бы с успешным ее началом. Разрешение национальных противоречий потребует от России мудрости, терпения и понимания того, что эти противоречия — неизбежное следствие имперского прошлого. Если другие этносы убедятся в том, что в сознании россиян с этим прошлым действительно покончено, если они увидят, что Россия всерьез занята созидательным процессом развития, то наши десятилетиями создававшиеся хозяйственные связи (и столетиями — культурные!) непременно скажутся и приведут от нынешнего СНГ к действительному Содружеству. И тогда вокруг России вновь соберутся окружающие народы и территории, но уже на иной, государственно-союзнической и цивилизационной основе. Во всяком случае роль ядра Евразийского субцентра в современном мире по своим объективным возможностям Россия и сегодня «смотрится». Пока «смотрится»...

Полиэтническая, евразийская природа России является, с одной стороны, залогом жизнеспособности, сформировавшихся веками навыков к совместному проживанию. Но она же создает определенные трудности с точки зрения модернизации, точнее, роли цивилизационно-культурного фактора в процессе модернизации. Дело не толь-

ко в возможности межэтнических конфликтов, что особенно проявляется сегодня, но и в некоторой неопределенности, недостаточной сформированности цивилизационной основы, включающей различные элементы и ценности — западные и восточные. Как показывает исторический опыт, модернизация успешнее осуществляется в более или менее культурно однородных обществах (Европа, Япония, США и др.) и буксует в обществах цивилизационного симбиоза (например в Латинской Америке).

Смешение западных и восточных элементов (без их полноценного синтеза) как раз отразилось в имперской модели, в мессианской устремленности «по всем азимутам». Но русская культура отнюдь не исчерпывается имперскими и мессианскими мотивами. В ней столь же отчетливо представлены интерес и уважение к зарубежным народам, соборность (не в смысле «собираания» земель, а с точки зрения готовности понять других), умение признавать чужие достижения. Любая крупная культура многозначна, включает различные, порой даже полярные ценности. Проблема заключается в выборе и опоре на те ценности, которые могут быть приспособлены к условиям современности. Большинство основных элементов русской культуры принадлежит докапиталистической стадии. Буржуазные ценности еще не успели по-настоящему в ней утвердиться. Какие элементы национальной культуры могут способствовать обновлению «русской идеи», ее переориентации на достойное обустройство российского общества и российской земли?

Я бы выделил некоторые из таких элементов. Во-первых, веками сложившийся коллективистский, общинный стереотип поведения русского человека. В принципе он свойствен всем цивилизациям и обществам на добуржуазной стадии, но в России имел свои особенности (тип поземельной общины, артельные формы промысла). Противопоказан ли традиционный коллективизм модернизации? Вовсе нет. Япония и некоторые другие страны Дальневосточного региона продемонстрировали великолепную приспособляемость добуржуазного корпоративизма, «группизма» к требованиям научно-технической революции.

Теперь о возможной роли религии в формировании обновленной национальной идентичности. Пока, несмотря на несомненно возросший интерес в обществе к вопросам веры, роль эта меньше, чем можно было бы ожидать. Сказывается громадный урон, нанесенный православной церкви в коммунистический период — эти раны быстро не залечить. Многое будет зависеть также от того, насколько будут развиваться в русском православии реформационные течения, способные выполнить функции, аналогичные европейскому про-

тестантизму. Пока эти функции скорее выполняют внецерковные общины — староверчество и различные формы сектантства, которые, кстати, и в дореволюционную эпоху образовывали группы, экономически и социально более активные в плане модернизации.

Русская культура, особенно на массовом уровне, продемонстрировала довольно высокую степень отталкивания буржуазных ценностей — частной собственности, рационализма, индивидуализма и др. Но не надо забывать, что мы, пусть в извращенной форме, прошли индустриальный этап. В России были созданы серьезные научные и инженерные традиции. И сегодня центральная созидательная задача экономической реформы заключается прежде всего в использовании этого значительного потенциала на нужды человека. Я не рискну сейчас выдвинуть некую обобщающую формулу или объединяющую национальную задачу для русских людей, наподобие провозглашенной в свое время А. И. Солженицыным цели «освоения северо-востока». Достаточно осознать неизбежность смены культурно-исторической парадигмы нашей истории, а также то, что отечественная культура накопила такой потенциал, который таит в себе источник национального обновления. А там жизнь распорядится лучше нас. Может быть, самая серьезная проблема для нас сегодня — это пробиться к собственным культурным традициям, «собрать» их, творчески осмыслить. Последнее столетие российской истории с его катаклизмами, мировыми войнами, революциями и коммунистическими экспериментами привело к разрушению многих культурных традиций, массовой культурной обескоренности, люмпенизации русских людей. Только преодолев это, в полной мере оценив то, что уже было создано на национальной почве (и чего нам еще не хватает!), мы обретем твердую опору под ногами. И тогда национальное возрождение, модернизация, полноправное вхождение России в современный мир обозначится не только как необходимое, но и как возможное.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

1. *Анисимов Е. В.* Время Петровских реформ. — Л., 1989.
2. *Бурашкин П. А.* Москва купеческая. — М., 1990.
3. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
4. *Вежи: Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910.* — М., 1991.
5. *Витте С. Ю.* Избранные воспоминания. — М., 1991.
6. *Головатенко А. Ю.* Тоталитаризм XX века. — М., 1992.
7. *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. — М., 1989.
8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. — М., 1991.
9. *Донгаров А. Г.* Иностраный капитал в России и СССР. — М., 1990.
10. *Думова Н. Г.* Кончилось ваше время. — М., 1990.
11. *Зимин А. А.* Витязь на распутье. — М., 1991.
12. *История Отечества: Люди, идеи, решения.* — М., 1991.
13. *История родов русского дворянства: в 2-х книгах.* — М., 1991.
14. *Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. — М., 1992.
15. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. — М., 1991.
16. *Кучкин В. А.* Русь под игом: Как это было? — М., 1991.
17. *Кюстин А.* Николаевская Россия. — М., 1990.
18. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л., 1987.
19. *Литвак Б. Г.* Переворот 1861 года в России: Почему не реализовалась реформаторская альтернатива. — М., 1991.
20. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. — М., 1970.
21. *Маслов М. Н.* Идеология сталинизма: история утверждения и сущность (1929–1956). — М., 1990.
22. *На пороге кризиса. Нарастание застойных явлений в партии и обществе.* — М., 1990.
23. *Очерки русской культуры XVIII века.* — М., 1985–1990. — Ч. 1–4.
24. *Очерки истории техники в России с древнейших времен до наших дней.* — М., 1978.
25. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. — М., 1993.

26. *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. 1783–1883. — М., 1986.
27. *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. — Л., 1984.
28. *Платонов О.* Русский труд. — М., 1991.
29. Политическая история России в партиях и лицах. — М., 1993.
30. *Пыляев М. И.* Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. — М., 1990.
31. Рассказы русских летописей XII–XIV вв. — М., 1973.
32. Российское законодательство X–XX вв. — М., 1985. — Т. 1–2.
33. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1992.
34. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. — М., 1982.
35. Седой Урал: Век XVIII. — М., 1983.
36. *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. — М., 1990.
37. Три века. — М., 1991 (о Романовых).
38. *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси. — М., 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

§1. МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ОБЩЕМИРОВОЙ ПРОЦЕСС	5
Два измерения национальной истории	5
Понятие модернизации	6
Эшелоны модернизации	10
Ловушки модернизации. Модернизация и прогресс	16
§2. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ (ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА)	20
Природно-географическая среда	20
Киевская Русь	21
Удельный период	23
Московское государство	24
Традиционная культура в России	28
§3. РОССИЯ— ВТОРОЙ ЭШЕЛОН МИРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	36
Имперская модель	36
Противоречия русского капитализма	41
Модернизация в России и Японии: краткое сравнение	48
§4. НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ В РОССИИ	54
У истоков национального самосознания	54
П. Я. Чаадаев: отсталость имеет преимущества	57
Славянофилы	60
«Русский социализм» Герцена — Огарева	62

§5. РУССКОЕ НАРОДНИЧЕСТВО — ВАРИАНТ ПОПУЛИЗМА	69
Популизм	69
Идеология народничества	73
Движение народничества	77
Народнические политические партии в начале XX в.	81
Исторические итоги	83
§6. ДРАМА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	86
«Интеллигенция» и «интеллектуалы»	86
Интеллигенция и религия	90
Интеллигенция и революция	95
§7. ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ОБЕСКОРЕНЕНИЯ В РОССИИ	101
«Сердитое нищенство»	101
Идеология движется навстречу	106
Люмпенское сознание	109
От обескорененных индивидов — к обескорененному обществу	112
§8. «КРАСНЫЙ» ТОТАЛИТАРИЗМ	118
Власть	121
Хозяйство	123
Общество	126
Разложение	130
«Реальный социализм» и модернизация	132
§9. АЛЬТЕРНАТИВЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ	135
Правомерно ли так ставить вопрос?	135
Шансы на Сенатской площади	137
Подготовка и проведение крестьянской реформы	141

Эффект первомайских взрывов	144
Зигзаги революционной эпохи	146
Сегодня	148

**§ 10. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ
В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ 150**

Трудности реформ в России	150
Перестройка и после	152
Россия в современном мире	160
«Русская идея» сегодня	161

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ 167

Владимир Георгиевич Хорос

Русская история в сравнительном освещении

Пособие для учащихся
старших классов с углубленным изучением истории,
гимназий и лицеев

Директор издательства *В. С. Белявский*
Ответственный редактор *Е. Ю. Салтыкова*
Художественное оформление обложки *В. Г. Дмитриева, С. А. Сухих*
Компьютерная верстка *А. В. Назаров*

ЛР № 071164 от 04.05.95 г.

Подписано в печать 15.05.96. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

10,7 усл. п. л. Тираж 10 000 экз. Заказ 1641.

Издательство «Центр гуманитарного образования»
109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 9а

Книга выпущена при содействии издательства «Барс»
121601 Москва, Филевский б-р, 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Центр гуманитарного образования Министерства образования Российской Федерации ведет разработку и внедрение новых подходов к организации и содержанию гуманитарного образования.

Одним из приоритетных направлений в деятельности Центра является разработка методов диагностики и мониторинга качества образования школьников.

Программы и проекты, реализуемые Центром, ориентированы на проведение системных исследований и создание на их основе прикладных разработок в важнейших для современной российской школы направлениях:

- технология тестирования;
- оценка качества подготовки учащихся и работы образовательного учреждения;
- образовательный мониторинг.

При разработке этих направлений учитывается опыт ведущих отечественных и зарубежных исследовательских центров.

Учитывая сложившуюся ситуацию и реальные потребности школ и органов управления образованием, Центр гуманитарного образования предлагает на основе своих оригинальных технологий проведение мониторинга обученности школьников и диагностики качества образования по предметам гуманитарного и естественно-математического циклов.

Полученные результаты могут использоваться как в практике работы школы, так и органов управления образованием и позволяют:

учителям –

- получать объективную и подробную информацию о состоянии знаний учащихся в виде рейтинг-листов учащихся класса, динамических карт для каждого учащегося, а также содержательную информацию о результатах тестирования;
- проводить объективный выбор учебной литературы и методик обучения, адекватных выявленному уровню знаний учащихся и специализации учебного заведения;
- проводить индивидуализацию процесса обучения;

руководителям учебных заведений –

- определять эффективность работы учебного заведения;
- проводить обоснованный выбор учебников, пособий, соответствующих уровню подготовки учащихся данного учебного заведения;
- строить обоснованную концепцию школы, исходя из уровня подготовки учащихся, обеспеченности школы кадрами и учебными пособиями;
- проводить личностно-ориентированное повышение квалификации кадров;

работникам органов управления образованием –

- определять эффективность работы образовательных учреждений;
- сравнивать качество знаний различных групп учащихся (регионов, районов, школ, различных социальных групп и т.п.);
- целенаправленно формировать региональный компонент образовательных стандартов;
- формировать образовательную политику в регионе с учетом уровня подготовки учащихся, педагогических кадров и т.п.;
- получить материалы для обоснованного заказа на разработку методических комплексов и пособий.

Центр гуманитарного образования приглашает к сотрудничеству региональные и муниципальные органы управления образованием, директоров общеобразовательных учреждений и школ, а также всех, кто заинтересован в повышении эффективности работы общеобразовательных школ.

СПИСОК ИЗДАВАЕМЫХ ЦГО КНИГ, ПОСОБИЙ, МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Саплина Е.В., Саплин А.И.

«Путешествие в историю». Учебник истории для 4–5 классов. Пропедевтический курс.

Саплина Е.В., Саплин А.И.

Тетрадь творческих заданий к учебнику «Путешествие в историю».

Мишина И.А., Жарова Л.Н.

«История цивилизаций и культур. Конец XV–конец XVIII веков». Учебник по новой истории для учащихся 7 классов.

Федоренко А.А.

Рабочая тетрадь к учебнику Мишиной И.А., Жаровой Л.Н. «История цивилизаций и культур. Конец XV–конец XVIII веков».

Кредер А.А.

«Новейшая история. XX век». Учебник для старших классов средней школы.

Суздалева Т.Р.

Методическое пособие для учителей к учебнику Кредера А.А. «Новейшая история. XX век».

Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А.

Рабочая тетрадь к учебнику Кредера А.А. «Новейшая история. XX век», ч. 1, 2.

Жуковский С.Т.

«Слова, слова, слова...». Занимательный словарь иностранных слов для старшеклассников.

Пономарев М.В., Рогожкин В.А., Федоренко А.А.

Слайдфильм к учебнику Кредера А.А. «Новейшая история. XX век», ч. 1, 2.

Хорос В.Г.

«Русская история в сравнительном освещении». Пособие для учащихся старших классов с углубленным изучением истории, гимназий и лицеев.

Егорова В.И.

«История России первой половины XIX века». Пособие для старших классов средней школы, для классов с углубленным изучением истории и факультативных занятий.

Волгин И.Л.

«Колеблясь над бездной: Достоевский и русский императорский дом». Книга для чтения для учащихся старших классов.

Казakov А.И., Якушев А.О.

«Логика-1. Парадоксология» Учебное пособие для старших классов лицеев, колледжей, гимназий.

ПРАВО

Мушинский В.О.

«Основы правоведения». Учебник для учащихся 9 классов средней школы.

Мушинский В.О., Сюкияйнен Л.И.

Хрестоматия по основам правоведения. Для учащихся и преподавателей старших классов средней школы и профильных учебных заведений.

Сюкияйнен Л.И., Федоренко А.А.

Рабочая тетрадь к учебнику Мушинского В.О. «Основы правоведения».

Мушинский В.О.

«Азбука гражданина». Учебник для учащихся 8 классов средней школы.

Мушинский В.О., Федоренко А.А.

Рабочая тетрадь для учебника Мушинского В.О. «Азбука гражданина».

СЛОВЕСНОСТЬ

Басовская Е.Н.

«Русская словесность в художественном осмыслении». Учебник по словесности для учащихся 8 классов средних школ, лицеев и гимназий.

Галингер И.В.

«Культура речи. Нормы современного русского литературного языка». Пособие для учителей и учащихся общеобразовательной школы.

Грехнева Г.М., Корепова К.Е.

«Фольклор и родное слово». Учебное пособие для 5–6 классов средней школы.

Рабинович В.С.

«Западная литература: история духовных исканий». Учебное пособие для учителей и учащихся гуманитарных классов, лицеев, гимназий.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Каганер И.В., Чубуков А.В., Шишова М.И.

«Азбука». Учебное пособие для первоклассников.

Латышина Д.И.

«Живая Русь» в 2-х книгах. Пропедевтический курс. История, быт, культура.

Смирнов А.Е.

«Прогулки со словами». Учебное пособие по русскому языку для учащихся младших и средних классов.

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА

Дьякова Е.А.

«Перед праздником». Православные праздники и традиции. Пособие для учащихся начальной и средней школы.

Гуревич Е.Л.

«Западноевропейская музыка в лицах и звуках. XVII – первая половина XX вв.». Пособие для учителей музыки, студентов музыкальных факультетов педагогических училищ и вузов, учащихся музыкальных школ.

Юдина Е.И.

«Азбука музыкально-творческого самообразования». Учебное пособие для учителей музыки и учащихся музыкальных школ.

Юдин А.В.

«Русская традиционная народная духовность». Учебное пособие для учащихся старших классов.

Кульчинская Н.Л., Медведева Е.Б.

«Путешествие в мир искусства». Учебно-методический комплекс в 4-х частях по изобразительному искусству, культурологии, мировой и художественной культуре для начальной и средней школы, гимназий.

ПСИХОЛОГИЯ

Баева И.А.

«Психология в понятиях, образах, переживаниях (возможности психологического словаря)». Учебное пособие для учителей и учащихся старших классов.

ЕСТЕСТВЕННО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сергеев М.Б., Сергеева Т.А.

«Планета Земля». Учебное пособие для учащихся старших классов.